

Ли́ка Ланц

ИЗМЕНА. РАЗВОД.
Моя (не)случайная
БЕРЕМЕННОСТЬ

Я была очень счастлива в замужестве.

Лишь одно омрачало мой брак: у нас с мужем не было детей.

А сегодня я застала его с другой женщиной...

Он схватил меня за руку. Больно. Но в груди болело сильнее.

— Это ничего не значит! Я просто спустил пар! У тебя же даже разговоры только об одном — как забеременеть. Но не моя вина, что ты даже залететь не в состоянии!

Нет сил это слушать... Нет сил смотреть на неверного мужа. А ещё эта предательская тошнота, что подкатывает к горлу и мешает дышать...

Глава 1

1 сентября

Петя Самойлов плакал горько и безутешно. А ещё — тихо и обречённо.

Он стоял, зажмурив глаза и опустив плечи, а по щекам его катились слёзы.

— Ну, что случилось? — потрепала я его по волосам, приглаживая упрямый хохолок на макушке.

— А он всегда ноет, плакса, — преданно посмотрела мне в глаза Саша Вострикова — отличница в очках, с толстой косой через плечо.

Мои пятиклашки. Мой самый первый класс, где мне предстояло быть классной руководительницей.

Уже играла вовсю музыка. Классы выстроились на линейку. Бодро вещала что-то в микрофон ведущая. А у меня тут маленькая трагедия.

— Не бойся. Я рядом, — приободрила я Петю. — Хочешь, я буду держать тебя за руку?

Он хлюпнул носом, вздохнул горестно, с надрывом, а потом его потная ладошка легла в мою. Я почувствовала дрожь маленького тела и невольно подумала: у меня тоже мог уже быть такой сын. Чуть поменьше, но мог.

Я ободряюще сжала ладошку и почувствовала, как Петя прижался ко мне, словно ища защиты. Котёнок. Доверчивый и беспомощный.

Вострикова ехидно хмыкнула. Я посмотрела на неё строго, и девочка часто-часто захлопала ресницами.

Я знала, о чём скажу на самом первом уроке в этом году. Не по теме, наверное, но то, что им запомнится надолго. О дружбе. О милосердии. Об умении помогать друг другу. О том, что мы — маленькая семья

— Он ревёт, потому что его родители не пришли, — наябедничала Сашка, — у него папка к другой тётке ушёл! — добавила она торжественно.

— Саша! — покачала я головой, чувствуя, как сжался, будто от удара, Петя.

Нельзя. Нельзя так. По живому — жестокими словами. Но дети иногда не знают компромиссов. Этому тоже надо учить.

Только-только из-под крыла первой учительницы, они, мои «пяточки», сломали шеренгу и столпились вокруг меня. Я не стала на них шикать и выстраивать заново. Позволила маленькому морю обступить меня со всех сторон. Пусть. Им очень нужно, чтобы кто-то был рядом. А я единственная, кого они знали.

Их первая учительница гордо вела первоклассников — маленьких совсем. Мои вон уже не такие беспомощные, но всё же, всё же... Я знала, как нелегко им придётся поначалу.

— Зачем тебе этот геморрой нужен? — бурчал Вадим, мой муж, когда я сказала ему, что хочу взять классное руководство. — Матери позвоню, она быстро этот вопрос с твоей директрисой уладит.

Да, свекровь могла. Только я не хотела. Решила не отказываться, когда предложили. Новая ступень ответственности. Я должна была её перешагнуть.

Никому, даже самой себе, я не призналась, что на самом деле мне хотелось быть поближе к детям. Вникать в их проблемы. Заботиться. Быть школьной «мамой». Может, потому, что со своими детьми у нас с Вадимом никак не получалось пока.

И вот я стала путеводной звездой пятого «А». Двадцать семь доверчивых пар глаз. Пятнадцать мальчиков и двенадцать девочек. Моя большая школьная семья.

Дети, которым я нужна, как воздух. Хотя бы первое время.

Дети, которые нужны мне, как кислород, которым я смогу дышать долгих семь лет.

— Майская, зайди ко мне, — поманила меня после четвёртого урока повелительным жестом вечно замученная завуч Инна Сергеевна, — у меня тут изменения в расписании, я уроки переставила, сама понимаешь.

Я понимала: в начале года — вечный аврал и нервогрёпка.

— Вот смотри: седьмого урока не будет, я тебе его на завтра перекинула, так что на сегодня всё, можешь быть свободна. Есть прекрасная возможность побыть с семьёй, отметить новый учебный год, — заискивающе смотрела она мне в глаза.

— Спасибо, Инна Сергеевна, — поблагодарила я завуча, прикидывая, как перестроить свой график в дальнейшем.

Первым делом потянулась за телефоном — позвонить и рассказать мужу, что я освободилась сегодня пораньше, а потом решила: не стоит. Побуду в одиночестве, приготовлю ужин, как раз он вернётся с работы — и устрою сюрприз. Приятная неожиданность. Вадим любил, когда я освобождалась от «школьной мути» — так он называл пренебрежительно мою работу.

Ему не нравилось, что я не стала домохозяйкой, а настояла на работе в школе.

— Ну зачем это тебе? Я отлично зарабатываю, нам хватает. Лучше бы думала о доме и детях, которые у нас скоро появятся.

Я замужем пять лет. А детей у нас так и не случилось. Я вышла замуж в двадцать, юной студенткой. Не смогла устоять перед обаянием Майского, в фирме которого проходила практику.

Я мечтала стать синхронным переводчиком, но не срослось. Зато пригодилась вторая специализация, и я стала учительницей английского языка.

По протекции свекрови, что проработала в отделе образования двадцать с хвостиком лет, меня устроили в «очень приличную гимназию с уклоном в иностранные языки».

Я бы отказалась от такой чести, но свекровь была как раз из разряда тех людей, которым не отказывают.

Она вообще без конца лезла в нашу семью, поучала, указывала, укоряла. Сказывался многолетний опыт работы инспектором в отделе образования.

Домой я шла в приподнятом настроении. Хорошо, что вчера сделала доставку продуктов. Всё у меня есть. Осталось только приготовить, нарядиться, как Вадим любит: чулки с кружевным верхом надеть, бельё поэротичнее и платье атласное чёрное, с голой спиной и разрезами, как раз подойдёт идеально.

И свечи, обязательно свечи. Толстые, с золотом. Вадим когда-то купил, да всё как-то не

было повода их зажечь. Как раз сегодня тот самый день!

Сюрприз удался. Только наоборот.

Уже войдя в квартиру, я поняла, что кто-то в ней есть.

Хотела выскочить вон, но почему-то не стала. Пошла, как загипнотизированная, на звуки. Сладострастные звуки из нашей супружеской спальни.

Подумала: кто-то чужой пробрался в дом и совокупляется в нашей с Вадимом спальне. Мысль какая-то чужая, будто не моя. А я всё шла и шла, переставляла ноги, как ходули.

Дверь нараспашку. Мне даже открывать её не пришлось.

Чьи-то белые, бесстыже расставленные ноги. А между ними трудится мужик. Голый.

Нет, не мужик. Мой муж. Мой Вадим, с которым мы прожили больше пяти лет вместе. Мужчина, от которого я страстно хотела детей.

Точно так же страстно он сейчас накачивал какую-то чужую бабу. На моей кровати. На белых атласных простынях, которые я любовно выбирала в дорогом элитном бутике.

Он сделал ещё несколько мощных движений и замер, застонал, запрокинув голову. Сладострастно дёрнулся кадык. Затрепетали ресницы. Мой муж кончил. В чужую женщину, что, постанывая, дёргалась под ним, как паралитичка, то ли от оргазма, то ли от его имитации.

— Замечательно, — сказала я и хотела похлопать, но пальцы свело судорогой — так крепко я сжимала руки в кулаки.

Сказала — и пошла вон, на кухню. Или в туалет. Ещё не решила. Кажется, меня нещадно тошнило. Надо то ли с унитазом пообниматься, то ли воды выпить, чтобы смыть послевкусию того, что я увидела.

Глава 2

В сложных ситуациях кто-то впадает в истерику, кто-то в буйное помешательство, когда разум отказывает, а живут лишь боль да жажда разрушения.

Я впадала в ступор. В штопор, когда по спирали вниз. И никакие другие силы не действовали.

Застав собственного мужа с любовницей, я не знала, что делать.

Странное оцепенение сковало меня по рукам и ногам.

Как во сне, я свернула всё же на кухню и без сил опустилась на стул. Меня мутило. Я смотрела одну точку невидящим взглядом и сдерживала рвотные позывы.

Хотя, нет. Я видела нашу с Вадимом супружескую постель, где, как животные, совокуплялись мой муж и его любовница.

Кажется, я на этом заиклилась. Меня перемкнуло.

— В моём доме. На моей постели. На моих простынях, — проговорила я вслух. — На моих шелковых простынях. На моей кровати, — повторяла я шёпотом, мечтая, что всё это — дурацкий сон, что мне приснилось. А на самом деле ничего не произошло.

— Анна! — ворвался в сознание голос Вадима.

Он всегда называл меня так — полным именем. Ему не нравились уменьшительно-ласкательные Аня, Анюта. «Слишком по-детски», — морщил Вадим нос, будто у него что-то болело, а поэтому он научился произносить моё полное имя с разными интонациями.

Сейчас оно звучало зло и раздражённо.

— Какого чёрта ты дома? — поинтересовался он.

Жизнь рушится, летит под откос, но это, видимо, главный вопрос мироздания.

— Ну, извини, — не стала я на него смотреть, потому что не имела понятия, что будет,

если я встречу с его бесстыжими глазами. — Я не знала, что должна придерживаться расписания, когда мне домой возвращаться.

— Ты почему не на работе? — продолжал наседавать муж, и я вдруг поняла, что не могу слышать его голос. Еле держусь, чтобы не сорваться.

— Хорошо, что не говоришь: «это не то, что ты подумала», — наконец-то нашла я в себе силы, чтобы сфокусироваться на фигуре, маячившей в дверном проёме.

Нас разделял метр.

Пропасть, по сути.

Я услышала быстрые шаги, а потом — как хлопнула входная дверь.

Тихо. Поспешно. Воровато. Будто это могло что-то изменить.

Она уже ворвалась в мою жизнь. Могла бы и не стесняться. Цокать каблуками. Хлопнуть дверью. Так, чтобы стёкла моей жизни вывалились нахрен и засыпали пол осколками.

— Анна! — Вадим сделал шаг ко мне.

— Не подходи. Не прикасайся, — попросила тихо. — Не надо ничего говорить и объяснять. Я и так всё поняла.

— Что ты поняла? — повысил он голос. — Ты сейчас в шоке и не способна здраво мыслить.

— Правда? — снова мазнула я взглядом по Вадиму. — Считаешь, я дура? Хотя почему считаешь. Я дура и есть. Самая настоящая.

— Вот только не начинай! — опять в его голосе злость и раздражение.

— Да я уже закончила, — отвернулась устало.

Странно. Я даже не заплакала. Внутри — выжженная пустошь. Будто ничего никогда не было.

Наверное, да. Это шок. И позже накатит волной, что сразу оглушит меня и потянет на дно.

— Ну, прости, — попытался выдать Вадим раскаяние, но я его не почувствовала.

Он злился. Как всегда, впрочем, когда был виноват, но признаваться в этом не хотел.

Пустые слова, что падают в пустую душу.

Я слепо пошарила рукой, ища сумочку. Там телефон. Надо делать простые и понятные вещи. Я не могу здесь оставаться. Надо вызвать такси и выбраться из этого дома.

Сумочка, наверное, осталась в коридоре. Или я её потеряла по дороге к спальне.

Я поднялась со стула. Вадим стоял у меня на пути.

Брюки застёгнуты наспех — ремень болтается. Белоснежная домашняя футболка облегла торс, как вторая кожа. Свежая футболка, из шкафа. Пахнет кондиционером для белья.

Он любил только белые футболки. У него их целая полка. Чистые, хорошо пахнущие, наглаженные. Я заботилась, чтобы у него всегда были чистые вещи.

— Дай мне пройти, — попросила монотонно. На эмоции не хватало сил.

— Не устраивай истерик, Анна, — Вадим тоже говорил тихо, но смотрел волком.

Я бедная Красная Шапочка. Если не сумею за себя постоять, он меня съест.

— Ну, облажался. С кем не бывает.

Для него это в порядке вещей, — отстранённо подумала я. Сколько их было? Вот таких любовниц? Видимо, не одна. А сегодня — не первый и единственный раз. Обыденность. Тайная изнанка жизни Вадима Майского.

Я покачала головой:

— Возможно, для тебя это ничего не значит. Для меня всё по-другому. Уйди с дороги.

Раз, два, три, четыре, пять... — вело отсчёт моё сердце. Не драться же мне с ним? Я ждала.

Где-то на двадцать первом ударе он посторонился. Смотрел исподлобья.

Мне бы вещи собрать. Но для этого нужно зайти в спальню. Я не смогу, не получится. Лучше когда-нибудь потом.

Я шла, спотыкаясь, как слепая. В голове гулко, руки холодные. Хороший сентябрьский день безнадежно испорчен. Навсегда перечёркнут двумя телами на белых простынях.

Сумочка нашлась в коридоре. Стояла на тумбочке.

— Что ты собираешься делать?

Вадим, оказывается, следовал за мной тенью. Уродливым чёрным некто. Безобразной кляксой, что испоганила мне жизнь.

— Я вызову такси и уеду, — ответила ему не оборачиваясь.

— Давай поговорим, Анна.

— Не о чём говорить, Вадим.

— Есть о чём, — схватил он меня за предплечье.

Пальцы его сжались, как капкан. Больно. Но эта боль не перекрыла ту, что засела у меня в груди.

— Отпусти! — процедила я сквозь стиснутые зубы.

— Не отпущу! — сжал он мою руку ещё сильнее. — Это ничего не значит! Мне всего лишь нужно было спустить пар! Ты достала меня, Анна!

— Чем же, хотела бы я знать?

Вырваться из его хватки невозможно. Я наконец-то почувствовала, как из глаз брызнули слёзы. От физической боли, потому что Вадим, уже не осознавая, сжимал пальцы всё сильнее и сильнее. Он что, хочет руку мне сломать?

— Больно же, отпусти!

— Больно? — стиснул он пальцы ещё крепче. — Что ты знаешь о боли? Больно, это когда ты стала другой, Анна. Когда вечно в себе, своих делах, заботах. Вечно ноешь и таскаешься по клиникам. У тебя же разговоры только об одном — как забеременеть. А если не об этом, то о твоей чёртовой школе. Ты меня перестала замечать, я для тебя что коврик у ног — вытерла грязную обувь — и дальше в свои конспекты да анализы, вечные страдания о ребёнке. Но моя ли в том вина, что ты даже залететь, как любая нормальная баба, не в состоянии? Да у нас секса нормального хрен знает сколько не было! Только по расписанию, только в нужных тебе позах. А после? Да любой нормальный мужик с катушек слетит! А я нормальный, Анна, нормальный! Говорила мне мама: не связывайся. А я, дурак, влюбился! Знал бы, чем это обернётся, не женился бы.

— Отпусти! — рванула я руку, понимая, что ещё немного — и упаду на колени от боли. Всё к тому шло.

Он наконец-то ослабил хватку, смотрел на свою ладонь.

А меня пробил нервный смех. Мама... ну, понятно, откуда ветер веет. Не удивлюсь, если это дорогая мама посоветовала своему любимому мальчику развеяться, отдохнуть «от этой душевной Аньки».

Мама Вадима, в отличие от него, не стеснялась меня унижать и отзываться обо мне пренебрежительно.

— Алло, такси? — наконец-то я достала телефон и позвонила.

— Никуда ты не поедешь! — снова попытался достать меня Вадим, но я увернулась.

Схватила сумочку и направилась к двери.

К чёрту. Надо уйти отсюда поскорее. Думать я буду потом. И так цистерну помоев вылил на мою несчастную голову. Оказывается, это я во всём виновата.

— Остановись, я сказал!

Вадим всё-таки догнал меня. До двери я дойти не успела.

Вцепился в плечо, развернул.

— Ты меня не остановишь! — снова попыталась я вырваться из его рук.

И тогда он меня ударил. По лицу. Отвесил оплеуху. Таковую сильную, что я отлетела к двери и больно ударилась головой и лопатками.

Во рту стало горячо и солоно.

Вадим смотрел не на меня. Снова на руку, что поднял. Ему опять вроде как не верилось, что он это сделал.

И пока он пребывал в прострации, я наконец-то выскочила вон.

Как была: в чулках и без туфель. Растрёпанная. С пылающей щекой и разбитой губой. С одной сумочкой да телефоном в руках.

Глава 3

Уже сидя в такси, я позвонила Машке.

Ехать мне было некуда. Я не бедная родственница, но и не столичная штучка. «Понаехавшая», как пренебрежительно отзывалась обо мне свекровь. За спиной, естественно. Но у спины тоже есть уши. Иногда.

— Маш, можно я к тебе приеду? — спросила, прикладывая платок к разбитой губе. Кровь никак не хотела останавливаться.

Хорошо, что таксист не стал задавать лишние вопросы, только головой покачал, глядя на мои почти босые ноги.

— Что-то случилось? — у Машки внутри радар. Она чувствовала неприятности каким-то особым чутьём.

— Случилось. Я тебе при встрече расскажу, если можно.

— Нужно. Приезжай.

Она всегда такая. Немного резкая. Иногда — много. Но честная и порядочная, хоть и не каждому дано увидеть все прекрасные глубины её души.

Вадим Машку недолюбливал. Но наша дружба — не то, что я готова была бы променять на душевное спокойствие мужа.

Если бы я всегда и во всём его слушалась, то осталась бы мёртвой царевной в хрустальном гробу.

Вадиму всегда хотелось, чтобы я всецело и полностью принадлежала ему. Но я, при всей покладистости и бессловесности характера, всё же отстояла важные и очень нужные для меня вещи. Обучение и общение с лучшей подругой — из их числа.

— Нихрена себе! — присвистнула Машка, разглядывая моё лицо, а затем засмотрелась на мои ноги.

Я поджала пальцы: из дыры колготок сиротливо выглядывал большой, и я чувствовала себя нищенкой, которую обобрали.

— Твой? — коротко поинтересовалась Машка.

Я кивнула. Казалось: открою рот — и разрыдаюсь. Почему-то слёзы, которые никак не

хотели литься дома, очень близко засели и попытались прорваться здесь, в очень скромной Машкиной «однушке».

— Ясно, — взяла она меня за руку. Я вздрогнула: её пальцы точно легли на то место, где со всей силой и яростью отметился Вадим.

У Машки — чутьё зверя. Она тут же отпустила мою руку, ещё раз внимательно посмотрела на меня и указала головой на ванную комнату.

— В душ. Всё остальное потом.

Позже, сидя на кухне в Машкином халате, сверкая синяками на руке, я пила чай и пустыми глазами смотрела не пойми куда.

— Я его с другой застала, — слова, оказалось, выталкивать из себя просто. — Домой не вовремя явилась.

— Ну, как раз вовремя, — возразила Машка, неопределённо поведя рукой. — Не удивительно. Он всегда был у тебя... скользкий.

Нелюбовь у Майского и моей подруги была общей. Это единственное, что их объединяло. Машке Вадим тоже никогда не нравился.

— Что делать будешь?

— Разводиться.

— Вот так сразу?

— Не умею я по-другому, ты же знаешь.

— Да, — вздохнула она. — Слишком чистая и правильная. Больше пяти лет на этого козла убила.

— Маш... — я никогда не разрешала ей говорить про Вадима гадости. Впрочем, как и ему о подруге.

Сейчас, наверное, я одёрнула её по привычке.

— Ладно-ладно, — подняла она руки вверх, словно сдаваясь, — кто бы возражал, я не стану. Что это я? Радоваться надо и пить шампанское до всыку. Лёд придерживай! — прикрикнула она на меня.

Как по мне, поздно, но Машка считала иначе.

— Потом мазью намажем.

— Мне завтра на работу, — беспомощно пробормотала я. — Как же я в таком виде?

— Замажем! — оптимистично заявила Машка. — Я спец. Никто ничего не поймёт. Хорошо хоть губу разбил слегка. Повезло.

Вот уж точно. Повезло так повезло.

— Я без вещей.

— Нарядим!

— Без туфель.

— Мои обуешь.

Я с сомнением посмотрела на Машкины изящные ступни.

Я в её туфли могла бы влезть, да, но ходить — вряд ли.

— Ну, сгоняем в магазин. Долго ли нам молодым да красивым? Время ещё детское. Деньги есть?

Я поморгала, соображая.

— Да, карточка со мной. Правда, я не знаю, сколько там.

Машка закатила глаза.

— Ну, думаю, на туфли хватит. И, наверное, надо наличку снять. Вадичка ведь твой

драгоценный небось всё под контролем держит?

— Он уже не мой, — машинально покачала головой, отгоняя видение двух тел на моей кровати. Точнее, уже не моей. Надо привыкать. — И он не такой, Маш. Не станет... мелочиться.

— Знаем мы таких не таких. Просто перестрашуемся, хорошо?

Маша моя практичная очень. И циничная. Я же не верила, что Вадим способен на подобную подлость.

Он да. Прижимист временами. Умеет считать и планировать. Но для меня никогда не скупился и ни в чём не ограничивал. Я могла для себя позволить всё. Другое дело — для кого-то.

Вадим не понимал, когда деньги уходили просто так.

— Я не благотворительная организация, — заявлял он. — И если я начну швыряться деньгами налево-направо, то пойду по миру. Я не для того создавал бизнес, пахал денно и ночью.

Подобные речи я слушала довольно часто.

— Ну, что сидим, кого ждём? — поднялась со стула Маша. — По коням!

Она никогда не колебалась. А если что решила — действовала. И если ей известны душевные муки и метания, то она их всегда тщательно скрывала.

Я знала: у неё доброе сердце и огромная душа. Но лучше никогда не говорить об этом вслух — ошестинится и попытается доказать обратное. Вопреки — девиз всей её жизни.

Я тогда ещё не понимала, что она не дала возможности мне раскиснуть. Погрязнуть в соплях и переживаниях. Она отогнала подальше волну, что хотела утянуть меня на дно.

Позже, шлёпая в Машкиных босоножках, я старалась не думать, насколько свисает моя пятка.

Старалась не замечать, как поглядывают на меня продавщицы и мимокрокодилы.

С Машей это так просто было делать. Будь я одна, ни за что не вышла бы из дома без макияжа, с разбитой губой, чтобы шляться по магазинам.

Мы купили кучу вещей. Маша хладнокровно потрошила мою карточку и не поленилась сгонять к ближайшему банкомату.

— Вот теперь порядок. Теперь я спокойна.

— Ты не переживай, — сказала я уже в машине. — Надолго не задержусь. Соберусь с мыслями, сниму квартиру, перевезу вещи. Просто сейчас я не в состоянии.

— Глупости не говори! — резко оборвала меня подруга. — Поживёшь сколько надо, пока у тебя утрясётся всё в голове и душе. Ты мне не мешаешь и никогда не мешала, поэтому прекрати эти угрызения совести показывать. Не люблю я вот этого всего.

Я помнила. Телячьи нежности не для Маши.

Она привыкла, стиснув зубы, действовать, а не кучеряво распространяться о своих чувствах. Но это не значило, что у неё их нет.

Иногда мне казалось: у неё их куда больше, чем у среднестатистического человека. Просто спрятаны глубоко.

— А за вещами поедем завтра. Куй железо, пока горячо.

Я снова хотела сказать, чтобы она перестала, но прикусила язык, промолчала. Лучше побережь силы и не трать их на бесполезные споры.

Этот день выпотрошил меня без остатка. Я хотела упасть, закрыть глаза и забыться. Но боялась.

Страшилась, что как только сделаю это, снова окажусь там, в спальне, где меня не ждали. Услышу стоны и чужую страсть.

Опасалась, что это выжжет меня до остатка.

Не останется ничего — только боль, мрак, отчаяние.

Машка заставила меня поужинать.

— Ляжешь со мной. Вдвоём не так страшно.

Она понимала, что меня терзает. Понимала и видела насквозь.

Я уже лежала в постели, на раздвинутом диване, где и втроём было бы не тесно, когда зазвонил телефон.

Глава 4

Незнакомый номер. Но я так приучена, что отвечаю на все телефонные звонки.

— Приёмная господина Рейнера, — отрапортовал бодро девичий голос.

О, мама дорогая. Рейнер. Я надеялась, что даже в кошмарном сне больше никогда не услышу эту фамилию. Слишком свежи были воспоминания нашего знакомства и моего позора.

Я моргнула. Посмотрела на часы. Почти десять. Они там что, круглосуточно работают?

— Добрый вечер, Анна, — низкий, бархатный, чуть глуховатый голос заполонил, казалось, всё пространство.

Машка жестикулировала и округляла глаза, сбивая меня с толку ещё больше. Хотя куда больше.

— Я... э-э-э... — беспомощно мымрила я, пытаюсь отыскать хоть одну мало-мальски приемлемую фразу. — Здравствуйте Илья Эду...

— А я уже подумал, что вы запомнили нашу незабываемую встречу, — сквозила в его голосе ирония.

— Нет, что вы, как можно такое забыть? — не удержалась и я от сарказма.

Что мне терять? Великолепное завершение этого ужасного дня — беседа с язвительным Рейнером на сон грядущий.

— Вы всё ещё заинтересованы в лингафонном кабинете? — не стал тянуть он резину.

Это было именно то, ради чего я попёрлась два дня назад на закрытый приём.

Я могла послать его к чёрту, но если он решил всё же облагодетельствовать родную школу, то почему нет? Дети не виноваты в бедах и несчастьях взрослых.

— Да, конечно, — отчеканила я твёрдо.

— Тогда жду вас завтра к четырём часам в моём главном офисе. Думаю, вы знаете, где он находится. Выпишу вам пропуск. Просьба не опаздывать.

Да-да, я помню: он очень занятой, деловой, крутой, а я так — пыль под ногами.

Я даже ответить не успела: Рейнер отключился. Я без сил опустила руку. Телефон жёг мне руку.

— Что это было? — выдохнула под боком Машка. Я успела о ней забыть за короткие минуты.

— Рейнер позвонил, — перевела я на неё взгляд. — Встретиться хочет.

Машка издала какой-то победный клич-вой и потрясла сжатым кулаком.

— Это ж тот самый? Супермачо?

— Кукарача, — не сдержалась я, чтобы не плюнуть в сторону этого сноба ядом.

— Да ладно тебе, — толкнула Машка меня плечом и удовлетворённо хрюкнула, — главное — результат. А ещё — не зря ты мучилась.

Ну, хоть это успокаивало, да.

Я перевернулась набок и закрыла глаза, зная, что не усну. Но думала я не о неверном Вадиме, не о спальне, где он кувырчался с какой-то бабёнкой, а вспоминала то, что случилось несколько дней назад.

27 августа

— Майская, зайди ко мне! — голос директора школы звучал властно и свысока, а жест величественной руки указывал на дверь кабинета.

Анну Кондратьевну Листьеву дети за глаза называли Анакондой. И не только потому, что её имя и отчество благоволили к этому. Что-то в ней такое было — холодно-змеиное, вечно готовое к броску. Рядом с ней каждый, хоть взрослый, хоть ребёнок, ощущал себя жертвой.

Я не была исключением.

Задница чуяла неприятности.

— Нам нужен лингафонный кабинет, — заявила Анаконда без предисловий, — Хороший, высококлассный лингафонный кабинет. Наши дети достойны этого. Ваши дети, Анна Романовна.

Она вперила в меня немигающий взгляд. Я сжалась. По спине пробежал холодок.

Разговор о современном оснащении школы заводился не раз, озвучивался на планёрках и педсовете.

Сегодня Анаконда сделала бросок. Но не в пустоту, а имея конкретную цель — меня.

Я собралась с силами и выстроила в уме фразу. Главное не блеять. Я прекрасно понимала, на что она намекает. И отлично знала, что муж мой никогда не согласится выступить спонсором.

Но Анаконда удивила. Не дала рта раскрыть.

— Я в курсе, — ворковала она, — обстоятельства, не все могут быть щедрыми.

Это намёк на моего Вадима. Возражать я не смела.

— Но всегда есть люди, для которых какой-то там лингафонный кабинет — тьфу, семечки, — плюнула она, как бабка на лавочке. — И такой человек есть. Заметьте: я вас не посылаю на паперть милостыню просить. А нашла человека, который осчастливит школу, вас и ваших пятиклассников.

Внутренне я уже умерла. Представила, как придётся просить. Это хуже, чем на паперти.

— Отличный парень, Илюша Рейнер, наш бывший ученик, а ныне — воротила крупного бизнеса, связанного с высокими компьютерными технологиями, между прочим, — разливалась соловьём Анаконда и не сводила с меня цепкий взгляд серо-выцветших глаз.

— Хорошо, — покорно кивнула я, — дайте его телефон, я попытаюсь созвониться.

— Ц-ц-ц, — покачала головой Анаконда, а в уголках её губ застряла злорадная улыбка, — будь у меня телефон, Анна Романовна, я б и сама позвонила. Как-то придётся выкручиваться, — развела она руками. — Подумайте, как вы дальше будете работать — и сразу задача станет легче.

Это уже не первый наезд на меня. Мягкий, впрочем. Анаконда умела бить больно. В самые уязвимые места.

Выгнать она меня не могла: я попала в её драгоценную гимназию по протекции свекрови. И, будь у меня чуть теплее отношения с матерью мужа, стоило б только пожаловаться — и Анаконда стала бы делать вид, что меня не существует. Такие люди в

нашем коллективе были.

Но свекровь не тот человек, которому бы я хотела жаловаться. Поэтому время от времени ловила атаки, тычки, наезды от директрисы.

— Надеюсь, мы поняли друг друга и пришли к консенсусу, — поднялась из кресла Листьева, давая понять, что аудиенция закончена.

— Да, Анна Кондратьевна, — послушно промырела я и тоже освободила стул.

Вышла я из её кабинета с пылающими щеками, клопочущей в груди беспомощной яростью и головоломкой: как найти какого-то Илюшу Рейнера, видимо, зарвавшегося молокососа, взлетевшего высоко, и как у него выгрызть зубами лингафонный кабинет, который жизненно необходим мне, моим пятиклассникам и доблестной школе. А если проще — Анаконде.

Я не питала иллюзий, что будет просто. Но в тот момент я ещё не понимала, как это сложно.

Глава 5

Анаконда не солгала: Рейнер действительно был крут. Я нарыла о нём много информации в интернете. Никакой он не молокосос, на десять лет меня старше.

Я листала страницу за страницей, вглядывалась в загорелое лицо, насмешливые светлые глаза и кривую ухмылку, что, наверное, намертво застыла на его губах.

Эдакий циник. Опасный хищник. И я сжималась лишь при одной мысли, что мне придётся с ним разговаривать.

Вычислить его офис труда не составило, а вот попасть внутрь оказалось непосильной задачей.

— Вы по какому вопросу? — допрашивал меня отмороженный секьюрити на входе.

— По личному, — бляела я, то краснея, то бледнея, покрываясь холодным потом.

— У вас должен быть временный пропуск, — бесстрастно чеканил этот мускулистый чурбан, и ни одна эмоция на его лице не отражалась.

— Послушайте, — взывала я к его человечности, — я пыталась дозвониться, но мне не ответили. Может, вы поможете?

Бесполезно. Там лёд вместо сердца и мышцы вместо мозгов. Он долдонил свою инструкцию, и в этот «космический корабль» попасть у меня не было шансов.

Так я и ушла ни с чем, униженная и раздавленная собственной беспомощностью.

Наверное, я могла обратиться к мужу. Вадим не последний человек на этой земле, у него связи, бизнес, авторитет. Но я даже представлять не хотела, как с ним объясняться. Он бы никогда не понял, почему я должна встречаться с каким-то незнакомым мужчиной.

А если бы он услышал ещё, зачем мне нужно встретиться с Рейнером, тут же закатил бы скандал.

Он считал, что жена должна сидеть дома, печь пироги, а не корячиться в школе. К счастью, его мама, с которой мы, мягко говоря, не ладили, в этом вопросе его не поддерживала. Но всё, что касалось моей работы, лучше в семье было не обсуждать.

Оставался ещё один очень призрачный шанс. Я позвонила Машке.

— Ты должна мне помочь! — выкрикнула я в отчаянии, как только подруга ответила на телефонный звонок.

— Пф! — фыркнула она. — Женщина должна быть счастлива. А больше она никому ничего не должна. Я слушаю и внимаю.

И я поведала о своих злоключениях. Сбивчиво, перескакивая с одного на другое.

— Как ты понимаешь, лингафонный кабинет я тебе не придарю, — хохотнула Машка. — И Райдера твоего я не знаю.

— Рейнера, — поправила я на автомате.

— Один чёрт, как по мне, — я так и видела, как Машка пожимает плечами.

— А попасть на закрытый приём сможешь? — горько вздохнула я. — Ты же всё можешь, Маш, — просительно подлизывалась я.

Минута молчания. Внутренний мой метроном отсчитывал секунды.

— А попробуем! — наконец-то азартно заявила подруга, и я перевела дух.

Машка позвонила через день.

— Пляши, Сотникова! Ты родилась под счастливой звездой!

Я, правда, пять лет как Майская, но Машка по старой привычке так и зовёт меня девичьей фамилией.

Машка, естественно, не рассказала, как ей это удалось. А я, зная её характер, допытываться не стала. Главное — я попаду на чёртов закрытый приём, где смогу поговорить с Рейнером.

— Будешь держать меня в курсе, — приказывала подруга, — я бы с тобой пошла, но, увы. Твой лотерейный билет — это мужчина. А ему нужна только одна спутница.

Я чуть в обморок не упала. Мужчина. Если Вадим прознает — мне конец. Вадик всегда был очень ревнивым собственником. Я даже представлять не желала, что мне предстоит, если эта авантюра раскроется.

— Не дрейфь, подруга! — почувствовала Машка мои колебания. У неё там радар на меня очень чуткий стоит. Да и знает она меня лучше всех, наверное. — Пару часов покрутятся — и детям лингафонный кабинет!

Неплохой аргумент. С этим девизом я и отправилась искать приключения на свою задницу.

30 августа

Это было ужасно. Немыслимо. Не для меня.

И зачем я только согласилась на эту авантюру?

Машкин то ли знакомый, то ли знакомый знакомых, вился вокруг меня, как павиан.

— Не волнуйтесь, Анна, — сверкал он улыбкой заправского ловеласа, — Я в курсе вашей проблемы. Всё у вас получится.

Я даже имени его не запомнила.

Он проявлял показную заботливость, и видно было, что мои проблемы его не волнуют. Так, слова для галочки. Ну, хоть не отказал — и то ладно.

Мы почти сразу разделились. У него на этом приёме свои задачи, а у меня — одна цель.

Цель оказалась слишком... большой. Высокой, широкоплечей, хмурой. И этот холодный взгляд из-под ресниц — немного насмешливый, слегка заносчивый — промораживал меня до костей.

Илья Рейнер. У него даже имя — как скрежет металла. Как звон меча. Лязг хорошо закалённой стали.

Я таскалась за ним весь вечер, но так и не приблизилась: то момент не подходящий, то слишком много людей вокруг, а у меня деликатная просьба, которую я хотела бы изложить если не наедине, то хотя бы, чтобы поменьше народу при этом присутствовало.

А когда случай наконец-то подвернулся, я позорно струсила. Почувствовала вдруг, что

ноги отказывают. Ещё немного — и я грохнулась бы в обморок. По крайней мере, мне так казалось.

Я решила, что мне нужна пауза, и свернула к туалетным комнатам.

Щёки пылали, перед глазами всё плыло.

Внутри прохладно и тихо.

Я открыла кран и плеснула в лицо холодной воды. Стало немного легче.

Надо бы вернуться в зал и сделать ещё одну попытку. Не для того я сюда пришла, попала правдами-неправдами, чтобы отсиживаться по туалетам.

Но в тот миг, когда я уже почти решилась, за дверью раздались мужские голоса.

Мужские?!.. В панике я заметалась по просторному помещению, что больше походило на зал элитного ресторана.

Писсуары у стены сказал о многом. Видимо, полуобморочное состояние сыграло со мной злую шутку: я попала не в женский туалет, а мужской.

Голоса приблизились.

Я заскочила в кабинку и заперлась, снова чувствуя, как бешено колотится сердце.

Я забралась на унитаз. Чтобы никто не увидел. Чтобы не опозориться.

Не знаю, что мной двигало. Наверное, ужас и паника.

Слышала, как открылась дверь.

Хорошо что ума хватило не надеть туфли на высокой и тонкой шпильке. Предпочла красоте комфорт и тихо радовалась этому. Если слово «радость» вообще можно применить к моему состоянию.

Я слышала уверенные шаги по помещению.

— Чисто, Илья Эдуардович, — глухой голос гулко звучал в большом помещении с высокими потолками.

И, наверное, всё обошлось бы, если бы не «Илья Эдуардович».

Глава 6

Я так часто повторяла это имя про себя, что стала его ненавидеть, и чувствовала лёгкую тошноту.

От неожиданности, а может, от испуга, я выронила сумочку из рук.

Та тяжело шлёпнулась на пол, раскрыла пасть, словно только этого и ждала, и злорадно вывалила из нутра почти всё, что в ней находилось.

Звонко цокая, покатила по полу помада. Полетел неизвестно куда телефон. Что-то ещё рассыпалось и звенело, а я стояла на унитазе, раскорячившись, прижав руки к груди и закрыв глаза от ужаса.

«Только не это! Только не это!» — повторяла я в панике, услышав стук в дверь кабинки и грозный окрик:

— А ну выходи!

Охранник высадил дверь за три толчка плечом. Но я почти ничего не слышала из-за шума в ушах да галопа сердца, что стучало где-то в горле.

Затем меня сдёрнули с унитаза, грубо прижали к стене.

Чьи-то большие руки бесцеремонно облапали от шеи до задницы. Большая ладонь вклинилась между ног.

Я пискнула, придушенная, раздавленная, униженная.

— Что вы себе позволяете?

Голос звучал жалко и пискляво.

Расплющенная о стенку кабинки грудь мешала дышать.

По груди, животу и бокам чужие беспардонные руки тоже прошлись.

— Чисто. Ничего нет.

— А что вы хотели найти? — наверное, бесцеремонность всколыхнула в душе возмущение и вернула смелость. — Бомбу?

— Эта девка таскалась за вами весь вечер. Я заметил, — многозначительно произнёс охранник. — Я в её сумочке пороюсь. И в телефоне.

Девка. Я задохнулась.

— Да как вы смеете! — получилось тихо, наверное, от сдерживаемой ярости.

В ростовом зеркале напротив отражалась растрёпанная, с алыми щеками я. Скромное чёрное платье на бретелях показалось вульгарным. Может, он и прав. Я совсем не походила сейчас на учительницу. Скорее — да. На ту, кем он меня обозвал.

Моя цель, мой объект стоял рядом и разглядывал меня с искрой интереса в глазах. Взгляд оставался холодным и немного брезгливым, будто ему таракана под нос подсунули.

— Майская Анна Романовна, — прочитал он медленно данные из моего паспорта, что услужливо подсунул ему секьюрити. Изучал его вдумчиво, будто важный документ, поданный на подпись. — И чего вы хотели, Анна Романовна?

Вот он. Шанс. Пусть и в мужском туалете. Но шанс! Я не должна его упустить!

— Я... мне... — заблелась, с ужасом понимая, что растеряла слова, словно вещи из сумочки.

И тут по закону жанра зазвонил мой телефон. Телохранитель — большая сильная горилла, сплошь в татуировках и кольцах, что торчали у него даже из ушей, — хмыкнул и нажал на «приём», одновременно включая громкую связь.

— Ну что, Сотникова, поймала своего супермена? — весело вещала Машка.

Я прикрыла глаза.

— Ань? — сразу же насторожилась Машка. — Ань, ты где?

В Караганде. В туалете я. Мужском.

Машка ещё что-то выкрикивала, но Рейнер нажал на «отбой» и посмотрел на меня ещё внимательнее, чем до этого.

— Илья Эдуардович, — о чём-то взглядом сигнализировал телохранитель. Взгляд у Рейнера стал на миг пустым и почти чёрным.

— В машину её, — скомандовал он, очнувшись.

А дальше всё произошло слишком быстро.

Меня невежливо ткнули в спину и вышвырнули из туалета, вели куда-то коридорами, как через лабиринт. А я даже пикнуть не смела, оглушённая, ничего не понимающая, скованная ужасом и страхом.

В чёрный катафалк на колёсах меня также затолкнули быстро и невежливо. Я больно ударилась коленкой. На глазах выступили слёзы.

Не знаю, сколько я просидела, пытаюсь прийти в себя. Пребывала в какой-то прострации, когда время застывает.

Потом дверца хлопнула. В нос ударил чужой парфюм. Такой же холодный и жёсткий, как его хозяин.

— Итак, Анна Романовна, я вас слушаю, — сказал Рейнер, небрежно бросая сумочку мне на колени. — Не зря же вы следили за мной весь вечер?

И в голове словно что-то щёлкнуло, прояснилось.

— Мне нужен лингафонный кабинет, — произнесла я чётко, как робот. У Рейнера удивлённо взлетели брови.

— Всего-то? И ради этого вы проникли на закрытый приём, бегали за мной, как собачка, не постеснялись даже в мужской туалет зайти?

— Я...не... — мотнула сердито головой, потому что снова бляяла, как беспомощная овца. Впрочем, я такой и была. — Это случайность. Туалет. А так — да. Я учительница английского языка. У меня дети. Пятый класс, — лихорадочно тараторила я. Будто ему интересны все эти подробности. — У нас гимназия с языковым уклоном. Школа, которую вы когда-то заканчивали.

Кажется, он скучал, слушая мою сбивчивую речь. Наверное, только из вежливости не зевал. Лишь на последней моей фразе чуть дёрнулись его брови.

Сколько таких, как я, что-то просили у него подобострастно?

— И что вы готовы дать взамен? — резко перебил он мой словесный понос.

Я задохнулась. Уставилась на него, раскрыв рот. Он же это несерьёзно?.. Или серьёзно?..

— Вечную благодарность за спонсорскую помощь, — отчеканила, как по нотам, понимая, что он сейчас рассмеётся и высадит меня посреди дороги. Вышвырнет прочь, как вшивого котёнка, что случайно попал в богатый дом.

Рейнер смеяться не стал.

— Вам стоило прийти ко мне в офис, а не играть весь вечер роль маньячки.

— Я пыталась, — развела я руками. — На закрытый приём оказалось попасть легче.

— И с чего вы вдруг решили, что мне это интересно? — холодно поинтересовался он.

Ни с чего. Я просто попыталась. Видимо, зря.

— Извините, — пробормотала я, отворачиваясь. Слезы подступили слишком быстро. Я не справилась. Ни с ними, ни со своей задачей.

Я не хотела при нём реветь. Это унижительно.

— Высади её у ближайшего метро, — голос Рейнера звучал резко, жёстко, неприязненно.

Можно подумать, я ему в карман залезла и пыталась украсть бумажник.

— Это не для меня. Для детей, — не знаю, зачем повторила ещё раз. Может, хотела подчеркнуть: мне лично ничего не нужно.

— Я не глухой, Анна Романовна, — издевательски протянул он моё имя, как жвачку. — Услышал и понял вас с первого раза.

И я не рискнула спросить, каков будет его ответ. И так понятно. Он об этом сказал: ему неинтересно.

Ну, что ж. Я попыталась. И никто не виноват, что Рейнер — непробиваемая дубина. Ему на всё плевать.

Тихий шелест шин. Мягкий толчок. Кто-то (видимо, лакей Рейнера) открыл дверь. Я ступила на тротуар и покачнулась. Машины сразу и след простыл.

— Замечательно, — пробормотала я, сглатывая и разглядывая дыру на колене. Наверное, колготки не выдержали испытания, когда я в гроб на колёсах садилась.

Хорошо хоть сумочка при мне. Предстояло добраться назад и забрать авто. По дороге успеть привести себя в порядок.

Я не представляла, что скажу мужу, если вдруг появлюсь дома в таком виде.

Про то, что скажет мне Анаконда, я старалась не думать.

Глава 7

То маленькое приключение обошлось без последствий. Машке я позвонила, порванные колготки сменила, домой вернулась не поздно. Вадим ещё с работы не пришёл. Так что не пришлось с ним объясняться, где это я пропадала и почему так одета.

Я никогда ничего не скрывала от Вадима. Может, потому, что скрывать было нечего. В этот раз я решила промолчать. Пусть это «приключение» останется моей тайной. О таком лучше не рассказывать. Он бы меня не понял.

И ладно бы ещё моя отчаянная попытка увенчалась успехом... А так — сплошной стыд, позор и задетое самолюбие.

Анаконде я отчиталась, что встретила с Рейнером, но он не проявил интерес к моей просьбе.

— Плохо, Анна Романовна, плохо, — заявила она жёстко. — Значит, вы были недостаточно убедительны.

«Возьми и попроси сама!» — рвалось с моих губ, но я промолчала.

И вот, спустя два дня, он позвонил сам. Что-то, наверное, в его башке перемкнуло. Я даже гадать не хотела, почему он вдруг решил всё же облагодетельствовать родную школу.

Кажется, с этой мыслью я и уснула.

Мне ничего не снилось — ни плохое, ни хорошее.

Я думала, не сомкну глаз. Думала, что буду плакать. А на самом деле — пустота. Наверное, усталый мозг больше не хотел ни видеть, ни слышать всё то, что я пережила, возвратившись домой в неурочный час.

Утро пришло рано. Но Машка уже встала и гремела чем-то на кухне.

— Привет, — прошлёпала я босыми ногами по линолеуму.

Машка обернулась и покачала головой.

— Хреново выглядишь. Давай в душ — и начнём тебя в порядок приводить.

В ванной комнате я посмотрела на себя в зеркало. Дело даже не в разбитой губе и безобразном синяке, а в моих глазах — потухших и неживых.

После душа меня ждал крепкий кофе и Машка во всеоружии.

— Давай, встряхнись. Сейчас мы тебе такое лицо нарисуем — закачаешься!

У Машки всё получалось легко. Она умела из ничего завтрак приготовить, одним словом подбодрить. Или макияж нанести так, что и в салон ходить не нужно.

Тяжело лишь складывалась её жизнь, о которой она говорить не любила.

Я бы хотела, как она, стиснув зубы, преодолевать препятствия. Справляться с любыми трудностями. Но характер у меня не тот. Слишком мягкий, наверное. И чересчур ранимый.

Я пасовала там, где нужно было бы проявить твёрдость.

— Значит, план такой, Сотникова. Сейчас ты отправишься на работу и оттрубишь все семь своих уроков или сколько там их у тебя. Будешь спокойная и уравновешенная, чтобы ни одна муха не заподозрила, что на душе у тебя хреново. Потом я подъеду, и мы отправимся к тебе домой. Заберём вещи, если ты твёрдо надумала от Вадички уйти. А оттуда я уже тебя к офису подброшу.

— Нет, — покачала я головой, — к Рейнеру мне на четыре. Нам бы туда успеть. Всё остальное — потом. Не сегодня. А ты разве не работаешь?

— Тебе несказанно повезло, — улыбнулась она слишком широко, чтобы я ей поверила. — Я сегодня в ночь. Так что можешь пользоваться мной сколько угодно. В пределах разумного.

Наверное, позвонила и договорилась. Она может.

— Но ночевать тебе придётся одной. И домой добираться тоже в одиночку. Увы, я не смогу забрать тебя из офиса. Ну, разве что ваш деловой разговор с Райдером не затянется.

— Думаю, много времени он не займёт, но ждать меня не нужно. Я справлюсь, — улыбнулась я ей слабо: губа болела, и я боялась, как бы она не треснула. Мне целый день перед детьми стоять и говорить. Но пережить этот день я была обязана.

Из нас двоих Машка всегда была сильнее. И постоянно меня опекала. Но это не медвежья услуга, когда за тебя всё делают, а по-настоящему дружеская поддержка.

Не знаю, что бы я делала, если б оказалась, как вчера, босая, с одной сумочкой, на улице. Я старалась об этом не думать. Нужно идти дальше и не оглядываться.

День прошёл сносно. Я выдержала.

В телефоне — куча пропущенных звонков и смс. Вадим. Но я предпочитала не читать и не включать звук. Я не хочу с ним разговаривать. Да и не о чём. Всё самое главное он сказал вчера.

Я не хотела ни прощать его, ни понимать. Теперь у него будет возможность развлекаться и спускать пар столько, сколько нужно, и никакая скучная жена больше не преграда.

Эти мысли резали меня на части. И да, я не могла отрешиться, забыть, выкинуть из головы ни его слова, ни его поступки.

Любовь не проходит в один миг. Но помимо любви есть ещё гордость и чувство собственного достоинства.

Выпитый утром кофе стоял в горле комом. Меня мутило. Так, что в «окно», я еле добежала до туалета.

Нервы. Дрожащими руками я поправляла макияж — Машка снабдила меня всем необходимым, потому что день длинный. А разбитая губа всё же треснула и кровоточила. Ужасно.

Я выглядела как восковая кукла со слишком толстым слоем грима на лице. Мне это несвойственно. Я предпочитала естественность и минимализм. А тут с меня чуть ли шпугатурка не сыпалась. Зато следы рукоприкладства скрывала неплохо. Но я всё равно видела. И мне казалось, это видели все. Просто у людей хватало такта не спрашивать ни о чём.

Последний урок я довела уже на каких-то скрытых внутренних резервах. Болела голова, тошнило, перед глазами всё двоилось и плыло.

Задерживаться в гимназии я не стала. Надеюсь, что свежий воздух поможет справиться с дурнотой.

Но за несколько метров до свободы меня подстерегла неудача.

В холле, на первом этаже, возле выхода, маячила высокая фигура. Широкие плечи, длинные ноги. Красивый профиль.

Вадим. Мой муж. Нет. Не так. Мой почти бывший муж.

Я попятилась. Не хочу с ним видеться, а тем более — разговаривать. К тому же, я не была уверена, что выдержу этот разговор.

К счастью, центральная дверь не единственный выход в здании. Но наружу я выскользнула, обмирая от страха.

Нет, я не боялась мужа. Понимала: он больше меня не тронет. По крайней мере, на людях. Но почему-то боялась. Наверное, что он меня заметит, и всё же придётся его

выслушать или устроить некрасивую сцену.

А я не в состоянии была всё это вынести. Не сейчас.

Я сглотнула вязкую слюну. Меня снова тошнило. Так, что даже пришлось глаза прикрыть, чтобы хоть немного прийти в себя. А затем я позвонила подруге.

— Ты где? Я тебя тут жду! — сразу же откликнулась она.

— Маш, если можно, давай встретимся подальше, за углом, например. Здесь Вадим. Я чудом ускользнула.

— Конечно, без проблем! — сразу же похолодел Машкин голос. — Это даже и лучше. Потому что если я с ним столкнусь, полетят перья.

— Не надо, ладно? — бормотала я, спеша поскорее выйти за забор. — У меня ещё встреча. Я не хочу на неё опоздать.

Пустой желудок сжался, и я снова судорожно сглотнула. Нет. Не сейчас. Мне нужно встретиться с Рейнером, а потом уже — что угодно. После того как.

Кажется, мне удалось уговорить собственный организм. На свежем воздухе мне и впрямь стало намного легче, только голова раскалывалась всё с той же интенсивностью и я старалась идти очень прямо, чтобы каждый шаг не отзывался тёмной болью.

Глава 8

Рейнер

— На лицо факт промышленного шпионажа, — разливался соловьём мой глава службы безопасности. — К тому же, это не мелкая пакость, а целенаправленный и достаточно крупномасштабный слив, Илья Эдуардович.

Я украдкой посмотрел на часы и поморщился. Чёрт. Как не вовремя. И этот пространный доклад, и назначенная встреча.

Я слушал Седова в пол-уха. Ничего нового он не поведал, все пункты его предложений пока сводились к нулю: не было результата. Достаточно важная информация попала в руки к конкуренту, мать его.

С господином Лесновским мы, мягко говоря, давно на ножах. Когда-то бывший партнёр, поднасравший мне в недалёком прошлом, с которым мы расстались нехорошо и пребывали в состоянии холодной войны.

Он сделал шаг. Я не сумел поставить блок и подставился. Точнее, меня подставили, но это не играло никакой роли. В бизнесе нет смысла валить на кого-то другого, если сам не смог просчитать все риски и предусмотреть потери. Не важно, в чём это исчислялось — в мегабайтах, деньгах или преданных тебе людях.

Последнее тревожило больше всего: я всегда считал, что хорошо разбираюсь в человеческой психологии и умею правильно подбирать персонал. Где-то произошёл сбой. К счастью, в загребущие руки Лесновского уплыло не всё. Самый важный кусок наших разработок был надёжно спрятан. Я это не доверил никому, а поэтому не потерял.

Несмотря на то, что у меня проблем выше крыши, я думал не о них. Точнее, не только о них.

Она так и стояла у меня перед глазами — Анна, мать её, Романовна. Та, что скоро переступит мой порог.

Та, что не забылась, как досадный эпизод, не вычеркнулась, не исчезла.

Я так и видел её — испуганную, растрёпанную, большеглазую. Очерчивал изгибы её фигуры. Любовался алебастровой тонкой кожей, манящими губами. Слышал голос. Обонял запах её духов.

Это химия. Я её хотел. Не важно, как она выглядела. Важно, что я чувствовал.

Может, поэтому не стоило с ней встречаться. Но в какой-то момент я поддался сиюминутному помутнению. И нет, во мне не выиграла ностальгия или желание кого-то облагодетельствовать. Мне плевать на родную школу. С ней связаны не самые лучшие воспоминания.

Я хотел ещё раз её увидеть, чтобы избавиться от ненужных ассоциаций.

Так бывает. Я не запомнил её на приёме. Зато встреча в мужском туалете отпечаталась где-то на подсознании и никак не хотела стираться.

Там, в туалете, я подумал, что её мне подсунули. Бог знает для чего. Но через женские тела слишком много тайн становились просто ненужными цифрами или бумажками.

И то, что она мне «зашла» с полу взгляда, злило невероятно.

Может, увидев её в обычной обстановке, я перестану думать и представлять, как её изящные руки обнимают меня. Как она прижимается ко мне всем телом. Как сдаётся под моим напором. Как напрягается её грудь под моими ладонями. Как бешено бьётся венка на алебастровой шее, когда я доведу её до экстаза.

Я хотел сбросить морок. А для этого мне нужно было её ещё раз увидеть.

— Вы закончили? — спросил я Седова, как только он заткнулся, и провёл рукой по папке.

Там досье на Анну Романовну. Распечатанные листы с её подноготной. Сведения с час назад принёс Анатолий — мой телохранитель и по совместительству — друг. Надежный человек, на которого я мог опереться.

Я так и не заглянул туда. Не потому, что не было времени. Наверное, ещё не совсем готов лишиться иллюзий. Кажется, мне нравилось распалить воображение.

— Все отчёты и раскладки я переслал вам по электронной почте.

У Седова слишком прямой взгляд. Он не сказал вслух, но дал понять, что можно было бы и повнимательнее его слушать.

— Отлично, — кивнул я. — Благодарю. Если будут вопросы, я позвоню.

Седов вышел, я снова посмотрел на часы. У меня есть чёртовых девять минут, чтобы наконец-то открыть папку и хотя бы просмотреть.

По крайней мере, она не солгала. Учительница в гимназии. Альяма матер моего детства и юности, о которой я если и вспоминал, то с содроганием.

Не местная. Из какого-то Кукуева. Замужем. Детей нет.

Уже одно это могло перечеркнуть мои влажные фантазии. Я прислушался к себе. Нет. Не отворотило. Но знак «стоп» я всё же попытался поставить.

Замужем. Майский. Что-то где-то всколыхнулось в памяти, но так и не всплыло. Но, видимо, где-то пересекались, раз он бизнесмен. И, видимо, не настолько крупный, чтобы я его запомнил, хоть и сфера деятельности у нас схожая.

— Илья Эдуардович, к вам Майская, — доложила Виолетта, мой секретарь. Она стояла как кол проглотила. Слишком холодная, слишком красивая, чтобы быть живой. Именно за это я её и ценил.

— Зови, — кивнул, закрывая наконец-то чёртову папку.

Набор сухих фактов, которые всё равно не хотели вплестаться в образ той, что переступила порог моего кабинета.

— Добрый день, Илья Эдуардович.

Голос тот же, что я и помнил. Разве что спокойнее и глубже.

— Присаживайтесь, Анна Романовна, — сделал я жест рукой, приглашая занять стул напротив.

Сегодня она другая. Не та, которую я помнил. Гладко зачёсанные волосы тяжёлым узлом лежали на затылке. Строгая юбка. Светлая блуза. Туфли на низком каблуке. Училка. Классика.

Она присела на краешек стула. Сжатые колени. Руки на них. От такого может сразу отворотить. Но глаза у неё всё те же — глубокие и синие. Кожа нежная и белая. Пальцы тонкие, кисти узкие.

Лицо только... странное. словно нарисованное. Там косметики, кажется, тонна. И это приковывало взгляд. На приёме она была более естественная. Натуральная. И это вместо того, чтобы отворотить, заставляло приглядываться к ней ещё пристальнее.

Может, именно это меня разозлило. Она как зазубрина, на гладкой полировке, что впилась ещё глубже.

— Параметры?[1] — рыкнул я.

Майская вздрогнула.

— Что?.. Какие?

— Лингафонного кабинета, — чуть ли не по складам пояснил я.

Внутри бурлило раздражение, и я пытался не выплёскивать его наружу.

Она хлопала глазами, будто я её попросил что-то на китайском прочитать.

— Я... э-э-э... — наконец-то открыла она рот, но так ничего путного и не сказала.

Я сделал вид, что рассматриваю её с интересом. Вроде как изучая. Мол, откуда она такая тупая взялась.

На самом деле, я действительно её разглядывал. Это был всего лишь повод пялиться пристально.

— Интересно, как вы собирались просить, если не знаете что?

Она пробежалась пальцами по глухому вороту блузы.

— Простите. Я... мне что-то нехорошо.

И после этих слов поехала со стула. Начала заваливаться набок.

[1] Имеются в виду технические характеристики оборудования (компьютерной техники), программное обеспечение, комплектация. В состав лингафонного кабинета входят также специальная мебель, мультимедийное оборудование.

Глава 9

— Чёрт! — метнулся я к ней, но не успел. Пока обегал стол, она свалилась.

На мгновение я подумал, что она играет. Потом разозлился. Или я такой грозный, или она чересчур пугливая, как овечка.

Я поднял её на руки. Лёгкая. Замер на миг, как волк с добычей в зубах. Её парфюм — ненавязчивый и тонкий — пьянил.

— Анна! — позвал я, но она лежала безвольно и, казалось, не дышала.

Осторожно положил её на диван.

— Анна! — ударил по щеке — несильно, лишь бы в чувство привести, а она взвилась, будто я через неё ток пропустил.

Схватила за руку, сжала запястье. Втянула воздух в лёгкие со всхлипом. В пустых глазах — тьма. А затем снова обмякла на миг.

И тогда я понял, что с ней не так. Издали не разглядеть. Сейчас я видел отчётливо и

разбитую губу, и синяк под слоем косметики. И это точно не сойдёт за «неудачно упала». Я слишком хорошо знал, что это такое.

— Виолетта, будьте добры, вызовите «скорую», — набрал я секретаря.

— Не надо «скорую», — голос с дивана прозвучал слабо. — Не надо, пожалуйста. Я... переволновалась, наверное. Прошу простить. Сейчас я встану и уйду. Вызову такси.

— Давайте вы не будете за меня решать, — отрезал тоном, которого боялись все мои сотрудники, спешили спрятаться подальше. — Вам точно нужна медицинская помощь.

Кажется, я переоценил свои способности: она села и слепо шарила ногой по полу. Пока нёс, с неё слетела туфля, и теперь создавалось впечатление, что нет занятия важнее.

Анна выглядела плохо. Бледность не скрывал даже макияж.

— Лягте! — приказал ещё строже.

— Нет, — чуть шевельнула она головой и поморщилась. — Мне уже легче. А с лингафонным кабинетом давайте сделаем так. Я узнаю и передам вам параметры. Я не подумала. Я только знаю, что это должен быть хороший высококлассный лингафонный кабинет, — явно процитировала она чьи-то слова.

В голосе её прорезалась горечь.

— Илья Эдуардович, — появилась на пороге Виолетта, — скорая приехала. Распорядитесь, пожалуйста.

Моя секретарь всё же женщина — кинула быстрый взгляд на Анну. Ей любопытно, что здесь произошло, но вид у неё такой, будто каждый день у меня посетительницы на диване валяются в одной туфле.

— Не надо! — вскочила Майская и покачнулась. И не потому что с обувью у неё непорядок.

— Надо! — рыкнул я, усаживая её обратно.

Со мной творилось нечто странное.

Я старался избегать проблемных людей. Особенно — проблемных женщин. Понятно, что жизнь постоянно кого-нибудь из таких подбрасывала, иначе шёл бы по широкому проспекту, а не пытался вырваться на высокогорной трассе.

Но с женщинами проще. Нет женщины — нет проблемы. Вычеркнул — и забыл.

Анна Майская тянула на Большую Проблему. Добротную такую, с красным сигналом «СТОП». Однако, меня от неё не отворотило. Кажется, даже наоборот.

Это из разряда того, что старая карга, моя прабабка, называла «поделано». Когда знаешь, что нельзя, а лезешь. Когда понимаешь, что лучше избежать и уклониться, а подставляешься по полной программе.

Врач скорой помощи — молодой, но бесконечно уставший, с тяжёлыми веками, будто он неделю не спал. Где-то моего возраста, но с чеховской бородкой, которая ему немного добавляла возраст.

У него дурацкая привычка. После каждого слова или ответа долдонить «так» — отрывисто, резко, будто гвозди забивает.

— Так, — кивал он на чуть слышные ответы Майской. — Так, — касался аккуратными пальцами её руки, когда мерил давление, а потом — лица, когда заглядывал в глаза, а я давил в себе дикое желание отбросить его руки в сторону, чтобы не трогал.

Видимо, он увидел то же, что и я.

— Вы не падали? Головой случайно не ударились?

— Нет, — слишком быстро ответила Майская и тут же пошла пятнами. — То есть... — облизнула она губы, и я почувствовал совершенно неуместное возбуждение. — Нет.

При этом она посмотрела на меня. Видимо, не желала оглашать подробности. В другое время, при других обстоятельствах, да что там — будь на её месте другая девушка — я бы и ухом не повёл. А тут мне тоже хотелось услышать, что она скажет.

— Давайте проедем в больницу, — сказал мягко этот эскулап. — У вас очень низкое давление и нужно обследование.

— Не надо, — упрямилась Майская. — У меня был тяжёлый день. Отлежусь, и всё пройдёт.

Врач посмотрел на меня. Пристально.

— Поехали, — принял я решение.

— Вы сможете идти? — поинтересовался доктор.

— Д-да, — кажется, она смирилась. Или действительно чувствовала себя не ах.

— Я помогу, — подвинул ногой чёртову туфлю и взял Анну за руку.

Может, слишком крепко взял. Она дёрнулась и поморщилась. Вряд ли я противен ей настолько. Скорее, там то же, что и у неё на лице. И уверенность в том, что доктор всё сделал правильно, только окрепла.

На руках её нести не пришлось. Шла Анна довольно уверенно. Да тут до лифта — несколько метров. Но я всё же поддерживал её — на всякий случай. И понимал: я просто хочу её касаться. Как какой-то упоротый маньяк.

Мне это не нравилось.

Я не любил смешанных чувств. Не терпел африканских страстей. Ненавидел неоднозначности и всего того, что делает меня слабым.

Чужие женщины — не для меня. Проблемные женщины — не моё. Но правда заключалась в том, что мне не нравились ощущения внутри. А касаться, дышать воздухом рядом с этой конкретной девушкой мне как раз очень даже нравилось. И это вызывало бурю. Толкало на поступки, которые я бы никогда не совершил. Чёртова химия!

— Поезжайте, — кивнул я доктору. — А я на машине за вами.

Эскулап скользнул взглядом по моему авто, понимающе — по мне.

У меня водитель и охрана. И я не собирался кататься на карете скорой помощи.

Мне бы её посадить в «скорую» и помахать вслед рукой. Но я решил сделать так, как хочу.

Больше всего меня устраивала свобода. И то, что больше никто и никогда не задавал дурацких вопросов и не командовал мной. Приказал ехать за «скорой» — водитель и глазом не моргнул. Ехал, куда приказано.

Спорить я разрешал, когда шёл рабочий творческий процесс. В остальных случаях не терпел ни панибратства, ни возражений.

В больнице Анну увели, а я остался и досадовал, что не сообразил сразу забрать её в нормальную клинику.

— Вы муж Майской? — выскочила, как чёрт из табакерки, медсестра. — Пройдёмте. Вас хочет видеть Олег Валентинович.

И помчалась вперёд. А мне ничего не оставалось, как пойти за ней вслед.

Ну, не кричать же ей в спину, что я не Майский и ошибка вышла?

Глава 10

Он сидел за столом — большой и грузный. Волосы коротко стрижены под ёжик — соль

с перцем. Руки большие. Пальцы-сосиски, поросшие волосками. Ногти гладкие и чистые. Смотрел на меня из-подо лба.

— Присаживайтесь...

— Илья Эдуардович, — представился я.

— Присаживайтесь, Илья Эдуардович, есть разговор.

В пальцах он крутил ручку, а я думал не о том. Представлял, как вот этими руками он трогал Анну. Идиотизм чистой воды.

— Есть проблема, — сверлил он меня глубоко посаженными глазами. — Ваша жена, Анна Романовна, правда, всё отрицает, но налицо очевидные факты. У неё сотрясение головного мозга и характерные гематомы на теле, которые указывают на насилие. Я не первый день работаю и в басни, что это бытовые травмы, не верю. Ей нужно хорошее лечение и покой. А по-хорошему, сообщить куда надо.

Я, конечно, не Майский, за которого меня ошибочно приняли, и, возможно, нужно посоветовать доктору так и поступить, чтобы её муж поостерёгся руки распускать. Но вместо этого я открыл рот и кошелёк.

— Спасибо большое за беспокойство. Я заберу Анну в клинику. Мы с ней сами разберёмся.

Доктор и без того не выглядел ягнёнком, а тут набылчился так, будто я матадор с мулетой в руках. Ещё секунда — и кинется.

— Заберите деньги, — прорычал он. — Я б таким, как вы, руки отрывал!

Видимо, у него это личное. К таким, как Майский. Впрочем, как и у меня. Но я в его глазах подонок, а поэтому решил доиграть роль до конца.

— Всего хорошего. Благодарю за помощь. А деньги можете выкинуть или пожертвовать на благотворительность. Или прикупить что-нибудь для своей больницы. Это уже на ваше усмотрение.

В коридоре я сделал звонок. Затем отыскал Анну.

— Уходим, — кивнул я ей и получил полный облегчения и благодарности взгляд.

Зря. Она ещё не в курсе, что я уже всё решил.

— Спасибо большое, — бормотала она. — У меня уроки, дети. И сказали, что ничего страшного нет. И простите, что пришлось со мной возиться. Это вовсе не обязательно. И лингафонный кабинет...

Я закатил глаза. Боже, дай мне сил. Она всё же дура. Ну, из разряда — с придурью и лёгким налётом святости. Ангел, которому уже сломали крылья, а он всё смотрит в небо и пытается взлететь.

Я остановился резко. Она не успела притормозить и уткнулась лицом в мою спину.

Молния на вылет. Разряд тока в штанах.

Да, это химия. И можно не повторять эту слово бесконечно, но я ничего не мог поделать,

Есть моменты, когда я не успевал контролировать ни мысли, ни реакции тела. Хотя это, наверное, и не поддаётся дрессировке, сколько ни старайся.

— Послушайте, Анна, — обернулся я к ней. — Давайте вы помолчите. Я решу вопрос с лингафонным кабинетом. Я сказал вам «да». А если я дал положительный ответ, значит я сделаю. Я в состоянии самостоятельно найти спецификацию, которая соответствует нормам. Быстрее было бы, если б вы принесли готовую, а не пришли со словами, что вам нужен «хороший высококлассный лингафонный кабинет».

— Извините, — быстро вклинилась она, будто я вынуждал её вечно мне кланяться.

— Что касается всего остального... Сейчас я отвезу вас в клинику, где вы пройдёте обследование и получите лечение.

— Не надо... — попятилась она, но я успел схватить её за руку и направить к выходу.

Мне до чёртиков надоел весь этот балаган.

— Илья Эдуардович, — открыл рот Анатоль, как только услышал, куда мы направляемся.

Он мой друг. И не на людях общаемся на «ты» и по именам, без лишних реверансов. Но сейчас он на службе, а поэтому мне не нужно, чтобы он смотрел на меня предупреждающе.

— Все аргументы и возражения — в письменном виде, в трёх экземплярах, — осадил я его.

Это стоп-фраза, которая означает: заткнись, работай, не возражай.

И Анатоль заткнулся, только зыркал на Анну недобро. Он помнил её и не догонял, почему она снова в поле моего зрения.

— Пожалуйста, довезите меня до метро или стоянки такси, — кажется, есть люди, которые ещё не в курсе, что спорить со мной — себе дороже.

— Анна Романовна, я хочу, чтобы вы уяснили одну простую вещь. Если я сказал «да», значит сделаю. Думаю, вы это уже поняли. Если я сказал «нет», я не терплю, чтобы мне возражали. По-вашему не будет. И прекратите дуру валять.

— Вы сами себе противоречите. В прошлый раз вы сказали «нет», а потом передумали.

— Вы слышали моё «нет»? — приподнял я бровь. — Я не страдаю провалами в памяти. Я сказал, что мне это неинтересно.

А ещё я спросил, что она готова дать взамен. Это я тоже очень хорошо помнил.

— Если вы беспокоитесь о счёте в клинике, то не стоит, — получилось с сарказмом и холодно. — А если очень беспокоитесь и очень горды, могу отправить его вашему мужу.

Она промолчала. Я смотрел на её тонкий профиль и злился. Не на неё. На всю ситуацию в целом. На слив информации, на Лесновского, чёрт бы его подрал. На ублюдка Майского. На то, что захотел увидеть Анну, а теперь вольно или невольно втянут в её семейную трагедию и всю эту возню вокруг упрямой девушки, что не умела быть покорной куклой.

Со мной не хотела. От мужа она терпела куда больше, чем словесные перепалки. И сейчас невольно его выгораживала. Не жаловалась. Не плакала на плече. Не рассказывала, как она несчастна.

А может, именно это в ней подкупало. Некое сочетание правильности, интеллигентности и твёрдости, что сквозила через все её «простите-извините».

Но в то же время она кому-то позволяла собой помыкать. Вряд ли она по своей инициативе пошла выбивать этот проклятый лингафонный кабинет.

В ней не чувствовалось ни бойкости, ни деловой хватки, ни умения выгрызть из горла желаемое. Не важно, для себя или для «родины».

Я не питал тёплых чувств к родной школе. У меня остались не самые лучшие воспоминания о школьных днях. Вряд ли что-то там изменилось, хоть и прошли годы. Ну, разве что образование держалось вот на таких, как Анна Майская, которая даже с сотрясением мозга думала не о себе, а о детях, уроках, о дурацком кабинете.

И да, я и другое помнил. Что это нужно не ей, а детям. Для себя она бы ни за что не пошла ни кланяться, ни унижаться. Даже если б осталась с голой задницей, как макака.

Для того, чтобы это увидеть, не нужно быть провидцем. Она на ладони. И я жалел, что

не мог присвоить её себе хоть на время.

Такие, как она, мужьям не изменяют.

А такие, как я, не сдаются.

Глава 11

Анна

Я попала не просто в неловкую ситуацию. Я провалилась в ужас.

Даже в страшном сне не могла представить, что однажды упаду в обморок. И тем унизительнее, что это случилось у Рейнера.

Я сгорала от стыда. Оттого, что не догадалась взять параметры кабинета. Потому, что свалилась у него на глазах, как мешок картошки.

А потом и он, и доктор со «скорой» рассмотрели моё лицо. И вот эта вся шумиха вокруг меня жутко мне не нравилась. И может, если бы мир не уплывал из-под ног, я бы смогла быть потвёрже. И настояла бы на своём.

Но вышло что вышло.

В клинике, куда меня приволок Рейнер, совершенно другое обслуживание. Я знаю, что это такое. Я обследовалась в самом крутом центре репродуктивной медицины, пытаюсь забеременеть, прошла кучу обследований, процедур, назначений, Наелась по уши советов.

Надо ли говорить, что к медицинским заведениям я питала некую предвзятость. У меня только от слова «клиника» сжималось всё внутри.

Но в клиниках не медсёстры, а феечки с ласковыми голосами и бесконечным терпением. И доктор не в белом халате, а в дорогой униформе. И встречали меня буквально на пороге, будто я особа королевских кровей.

Это, конечно, всё Рейнер. Он стоял чуть в стороне с таким видом, словно ему всё до чёртиков надоело. Но не уходил.

Наверное, это степень ответственности. Однако я никак не могла соединить его поступок, когда он высадил меня из машины чуть ли не посреди улицы, с тем, что происходило сейчас.

Он должен был вызвать «скорую» и отправить меня в больницу. Это в лучшем случае. Но не сопровождать и не возиться. Это не вписывалось в его образ.

С другой стороны... что я знала о нём? Скупые строчки из интернета? Характеристику Анаконды «хороший мальчик Илюша Рейнер»?

Но сукин сын, который с кривой ухмылкой спрашивал меня, что я готова дать за кабинет, и мужчина, который отвёз меня в дорогую клинику, никак не хотели стыковаться в моей голове.

Мне сделали компьютерную томографию, снова задали миллион вопросов. Врач хмурился, разглядывая моё лицо, а я снова не знала, куда себя деть.

Я не хотела ни с кем откровенничать. Я мечтала поскорее убраться отсюда, запереться в квартире Машки и никого не видеть.

— Вам показан покой, — вёл со мной беседу врач. — По-хорошему — наблюдение в клинике день-два, а то и неделю. К счастью, ничего критически страшного нет, но вам нужно лечение и комфортные условия. Илья Эдуардович сказал, что вы учитель в школе? Я выпишу вам больничный. О том, чтобы вы утром встали и снова пошли на работу, и речи быть не может.

— А можно без госпитализации? — устало провела я по лбу. Голова раскальвалась, в висках барабанили отбойные молоточки.

— Не желательно. Но всегда можно пойти навстречу пациенту при одном условии: постельный режим, покой, неукоснительное лечение по предписаниям, плановые осмотры и незамедлительное обращение в клинику при ухудшении самочувствия. Я распишу вам схему лечения и поговорю с Ильёй Эдуардовичем.

Мне бы возразить. Рейнер невольно втянут, и нет нужды и дальше на него оглядываться. Но я понимала: если он меня сюда привез, ничего без него не решится.

— Я хочу с вами поговорить, — сказал он мне после беседы с доктором.

Я сидела в вип-палате и не знала, куда себя деть. Мне ввели инъекции и накачали препаратами. Я чувствовала пустоту и оцепенение. Очень хотелось спать. Лечь и не вставать.

Я бы сейчас положила голову на подушку и уснула, но не позволяла себе этого, потому что не хотела здесь оставаться.

— Я знаю, что не имею права вам советовать. Да и советчик из меня так себе.

Рейнер сидел передо мной на стуле и смотрел пристально. Ему приходилось наклоняться. С его ростом, наверное, постоянно приходится так делать. Почему-то хотелось встать, чтобы ему было удобнее. Но я не шевельнулась. Я знала, о чём он будет говорить.

— Если у вас есть куда уйти — уходите. Я мог бы вас оставить здесь силой. Но клетка, какой бы удобной ни была, никогда не идёт на пользу. Тем более, я вам не родственник, не друг, не душеприказчик. Поступайте, как посчитаете нужным.

— Я бы хотела уйти, — сказала тихо.

— Ваша воля и ваше право, — сказал он, поднимаясь. — Я жду вас в машине. Отвезу, куда скажете.

— Я сама, — попробовала заикнуться, но Рейнер резко меня перебил:

— Не обсуждается. Думал, вы это уже поняли. Я и так позволил вам слишком много. Поэтому давайте дальше делать так, как скажу я.

Он уже почти вышел, но всё же задержался на миг. Стоял ко мне спиной, держался за дверную ручку, будто размышляя, стоит ли. А затем решительно захлопнул дверь и обернулся.

— И ещё. Если это повторится, не терпите. Даже если вам кажется, что нет выхода. Выход есть всегда. У меня... особое отношение к мудакам, которые поднимают руку на женщин. Я их даже мужчинами не называю.

Он вернулся назад широким шагом и решительным жестом положил визитку на тумбочку.

— Это мой телефон. Мало ли. Вы можете позвонить в любую минуту. Я помогу. Вплоть до забрать вас хоть с Луны или засудить вашего мужа.

— Не стоит, это лишнее, — снова открыла я рот, но Рейнер, видимо, исчерпал ресурс терпения, потому что снова перебил. Резко и бескомпромиссно:

— Не стоит артачиться, Анна. Быть ослицей упрямой не стоит. Или думать, что можете справиться со всем в одиночку. И если я предлагаю, значит не для галочки и не из вежливости. Вы меня не знаете. А если бы знали, то поняли: я не из человеколюбивых. Скорее, даже наоборот. Но я прекрасно понимаю, что с вами происходит.

Я растерялась. А может, слегка оцепенела от препаратов. Мысли тяжелые и неповоротливые в голове. Что, значит, знает?.. Откуда?..

Наверное, он по-своему понял мою растерянность.

— Вам кажется неприемлемым и стыдным рассказывать о том, что случилось. Вы предпочитаете молчать и терпеть. И, да, так можно жить годами. Но однажды станет

слишком поздно что-либо изменить. Для вас. Однажды один из ударов может стать последним.

Он замолчал. Смотрел в пустоту. Глаза потемнели, превратились в крошево из грязи и льда. Не серые и не голубые. Что-то между.

Сурово сжатый рот. Прядь волос упала на упрямый лоб. А потом он мотнул головой, словно вытряхивая ненужные мысли, и широким шагом пошёл к двери.

Больше он не оглядывался, не останавливался. Решительно взялся за дверную ручку и вышел, прикрывая за собой дверь.

Дал мне время собраться с мыслями и чувствами.

Я бы, наверное, могла сказать ему, что Вадим больше не поднимет руку. И вообще это случилось первый раз за пять лет, как я считала, почти счастливой семейной жизни.

Почти. Потому что у нас так и не родился ребёнок. И уже никогда не родится.

А потом я положила визитку Рейнера в сумочку, встала и пошла на выход. Мне ещё до Машкиной квартиры нужно добраться, позвонить завучу, рассказать, что я на больничном.

Может, это и к лучшему. Мне нужна передышка, чтобы собраться с силами. Мне нужно время, чтобы прийти в себя и решить некоторые вопросы.

Например, подать на развод.

Глава 12

В машине мы с Рейнером молчали. Наверное, потому что и так всё сказано. Им. Я же не хотела делиться своими проблемами.

Не с посторонним мужчиной, с которым меня столкнул случай. Мы бы, наверное, никогда не пересеклись, если бы не Анаконда. И оттого, что он со мной возился, я чувствовала себя не в своей тарелке.

— Вы здесь живёте? — приподнял он удивлённо бровь и неверяще посмотрел на дом, в котором Машка квартиру снимала.

Ну, да. Это не элитная постройка и не новомодный респектабельный район. Возможно, подвези он меня домой, то не задал бы неудобный вопрос. Но я возвращалась не к себе, не в свою квартиру.

— Да, — ответила коротко. — Спасибо вам за всё, Илья Эдуардович. И простите, что оторвала вас от дел. Я не хотела. Так вышло.

— Перестаньте уже передо мной расшаркиваться! — разозлился он. — Всего хорошего, Анна Романовна. Я вам позвоню. По поводу лингафонного кабинета, естественно, — добавил он с сарказмом, заметив моё замешательство.

В этот раз всё было по-другому. Его телохранитель — этот татуированный бугай с кольцами во всех местах — распахнул передо мной дверцу авто и подал руку. Довёл до подъезда, будто я сама не могла дойти.

Я уже вошла внутрь, а машина Рейнера всё стояла. Я видела её, когда поднималась по лестнице.

Наверное, не верил. Возможно, ждал, что я выйду, крадучись, наружу, чтобы добраться домой в одиночку.

Но его ждало разочарование. Я не лгала. И мечтала лишь об одном: добраться до кровати.

К сожалению, мечтам моим не суждено было сбыться. На коврике возле Машкиной двери сидел Вадим.

Дикое, несуразное зрелище. Мой Вадим, в дорогом костюме — и протирает пыльный

коврик на лестничной площадке, где бог его знает сколько не убиралось.

Вадим, который носил белые носки и футболки, каждый день менял рубашки и был достаточно брезгливым.

— Аня, — вскочил он на ноги, как только меня увидел.

А я снова впала в ступор. Не знаю. Наверное, по пальцам можно пересчитать, сколько раз он меня называл уменьшительным именем.

— А я вот тут... тебя жду, — обвёл он взглядом грязный пол.

Вид у него несчастный-несчастный. Как у бездомного пса. Так и хочется пожалеть. И в груди защемило.

Он же свой. Родной. Пять лет бок-о-бок. Мы ведь всегда везде вместе. В отпуск. На выходных. Почти никогда не расставались.

— Не стоило приходить, Вадим, — произнесла я. — Всё, что мог, ты сказал вчера. И всё, что мог, сделал.

Он протянул ко мне руку, и я отшатнулась.

— Не прикасайся ко мне, пожалуйста!

Рука его упала плетью вдоль тела.

Высокий. Красивый. Мужественный. Что греха таить: на него всегда засматривались женщины. Но я даже в страшном сне не могла подумать, что однажды он поступит с нами так, как вчера.

Да что там. Надо честно смотреть на вещи. И трезво. Скорее всего, весь наш брак — фарс. Он изменял мне. Пар спускал, по его определению. Ведь я не смогла ему дать того, чего он хотел на самом деле.

— Я знаю. Я виноват. Ну, прости меня, пожалуйста.

Он смотрел на меня умоляюще. Трогательные бровки домиком. Я так любила их касаться когда-то... В другой жизни. В нашей общей жизни, которая треснула и развалилась пополам. Я здесь. Вадим — в другой вселенной.

Кажется, он моё молчание принял за колебание. Опять протянул руки, и снова я сделала шаг назад.

— Где ты была? Я ждал тебя в гимназии. А потом поехал сюда. Слишком долго ждал. Где ты была?

Кажется, это уже допрос.

— Я не спрашиваю, где был ты и что делал, Вадим.

— Впустишь? — кивнул он на дверь.

— Прости, но нет, — покачала я головой и снова почувствовала дурноту.

— Хорошо, я приду завтра. Встречу тебя с работы.

— Нет, Вадим.

— Да, Анна. Я знаю: тебе нужно отойти, подумать. Мы на эмоциях наговорили друг другу всякого.

Ты наговорил. И сделал мне больно. Не только физически. В душе у меня — ад. Не выяснять отношения на лестничной площадке в чужом доме не лучшая идея. Поэтому я промолчала.

— Не надо. У меня... больничный. Завтра в школе меня не будет, — призналась нехотя.

— Ты заболела? — в глазах у Вадима неподдельная тревога.

Он всегда был заботливым. Однажды просидел у моей постели двое суток, когда у меня температура не спадала. Сам делал компрессы и менял постельное бельё.

Как, оказывается, много хороших воспоминаний...

А теперь всё это перечёркнуто его неверностью.

— Мне стало плохо, и я попала в больницу. Сотрясение мозга. Лёгкое. Показан постельный режим.

— Ты упала? Ударилась? Что, Аня?!

И снова эта тревога, почти паника.

А потом он понял. Наверное, я слишком красноречиво молчала.

Виновато повесил голову. Посмотрел на меня умоляюще.

— Я не хотел, правда, — судорожно дёрнулся его кадык. — Я... не понимал, что делал. Это на эмоциях. Я никогда... ты же знаешь.

Да. Никогда. До вчерашнего дня.

— Прости, прости, прости, — он всё же схватил мои руки, покрывал их отчаянными поцелуями.

Как когда-то. Очень-очень давно. Мы тогда только-только начинали встречаться. Я осторожно освободила руки.

— До свидания, Вадим.

Казалось, ещё немного — и рухну здесь. Лишь усилием воли держалась и хотела только одного: чтобы муж оставил меня в покое.

— Есть ли шанс, что ты меня простишь, Анна? — смотрел он на меня с грустью и ожиданием. — Ты ведь добрая и сострадательная. Всегда умела понимать и прощать.

Да, так и есть. Но это как раз не тот случай. Предавший раз, предаст снова. И если ё только раз... Нет. Я даже думать об этом не хочу. Дышать одним воздухом тяжело. Пусть лучше уходит. Хотя бы сейчас.

— До свидания, Вадим, — повторила я, как попугай. Снова накатывала тошнота. Может, не столько физическая, сколько нервная.

— До встречи, Анна, — вздохнул он тяжело и начал спускаться вниз.

Останавливался и оглядывался, а я ждала, когда он исчезнет с поля моего зрения. Ждала с нетерпением, чтобы наконец-то открыть дверь и спрятаться.

Я не рисковала, пока Вадим был слишком близко.

Я знала, что второго раунда переговоров мне не выдержать.

К счастью, он, пусть и медленно, но уходил. И тогда я наконец-то вставила ключ в замок и юркнула внутрь квартиры.

Лечь в постель. Отлежаться. Поспать. Прийти в себя.

Можно сказать, непростой и очень-очень длинный день подошёл к концу.

Эту ночь я спала плохо. Путанные тревожные сны заставляли без конца просыпаться. А утро меня снова встретило тошнотой.

Глава 13

— Это что такое было, Ань? — встретила меня у туалета Машка. Она с ночной смены как раз вернулась.

— Да вот... — пришлось признаваться ей, что я внезапно «заболела».

— Я б твоему Майскому руки повыдергала бы! — бушевала подруга. — Вот я шляпа, а? Как же я проглядела-то, а? Непростительно!

— Ты не виновата, Маш, — в третий раз повторила я. — У меня не совсем типичная картина. Сознание я не теряла и чувствовала себя вполне сносно. Подташнивало, да. Но тошнить меня начало ещё до того, как Вадим ударил.

— Ну ладно бы кто другой! Но я!

Машка моя — медсестра. Всегда мечтала стать врачом, но судьба её сложилась так, что мечты так пока и остались мечтами.

Мы из одного города. Жили по соседству. В один класс ходили. Только я росла в хорошей дружной семье, а Маша хлебнула с лихвой прозы жизни с матерью и вечно пьяным отчимом.

Она выжила, выросла, выучилась. И стремилась достичь ещё большего. Но жизнь её никогда не баловала. Скорее, без конца испытывала на прочность.

Кто-то другой уже бы сломался. Только не Машка. Крепкая, как придорожная трава. Стойкая, сильная, закалённая.

И, наверное, никому не дано разглядеть её тонкую ранимую душу, потому что она никому её не показывала. Даже мне. Но я с годами всё же научилась и видеть, и слышать её, и предугадывать всякие мелочи. Мы всё же подруги со стажем.

— Мы все ошибаемся, Маш. Не кори себя. Ничего страшного не произошло. Я жива почти здорова. Отлежусь — и всё наладится.

Но Машка только упрямо сжимала красивые губы, хмурилась и досадовала.

— Надо побои снять, — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Ещё вчера нужно было это сделать.

— Не нужно, — покачала я головой. — Не хочу ничего. Пожалуйста.

— Ну и зря! Вот поэтому домашнее насилие и процветает! Потому что вы их жалеете, чего-то боитесь или стесняетесь!

— Не надо, Маш, — отвела я глаза. — Это единичный случай. А я... не хочу ни мстить, ни скандалить. Не потому что выгораживаю Вадима. Да и выкрутится он. Мама его весь свой арсенал на ноги поставит и сделает так, что я во всём виновата останусь. Не хочу через это проходить. Ни сил, ни желания. Хочу просто куда-нибудь спрятаться поглубже и не вылезать. Я даже обрадовалась больничному. Мне и впрямь нужна пауза.

Машка нахмурилась ещё сильнее и побарабанила пальцами по кухонному столу. Мы там обосновались для непростой беседы.

— Как там твой Райдер, кстати? — спохватилась она. Увела разговор в сторону, и я ей за это была бесконечно благодарна.

— Рейнер, — машинально поправила я. — И он не мой.

— Да какая разница? — махнула она рукой. — Получилось? Хоть не зря?

— Получилось. Я у него в кабинете сознание потеряла. Стыд какой...

— О! Как это на тебя похоже! История с конца. Вначале ты говоришь главное, а подробности — если из тебя их выдавишь.

— Да рассказывать нечего, Маш. Лингафонный кабинет он школе подарит. Пообещал. Ну, и заодно со мной ему пришлось возиться.

— Ну, давай хоть вкратце, что да как.

И я рассказала. Почти всё. Умолчала лишь о его странном поведении и о словах, что он сказал в клинике. И о том, что визитку дал.

Я знала: не понадобится. От Вадима я ушла. Да и вряд ли повторится то, что было. Вадим никогда не был ни жестоким, ни тираном. Никогда и пальцем меня не тронул.

Немного заносчивый — да. Расчётливый и прижимистый — тоже, но в меру. Но я замечала это только тогда, когда дело касалось каких-то несемейных вопросов. Со мной муж был всегда щедр. Мне не на что жаловаться.

Он всегда покупал всё только качественное и предпочитал пользоваться высококлассными услугами. За пять лет я прошла и лечение, и обследования в клиниках. Он никогда не отказывал и исправно платил по счетам.

Так что — я уверена — больше Вадим так никогда не поступит. А поэтому я никогда не позвоню Рейнеру и не попрошу о помощи.

— А ещё приходил Вадим, — вздохнула я. — Сидел у тебя под дверью на коврик, как бездомный пёс. Я от него в гимназии улизнула, ушла через чёрный ход, так он меня тут достал.

Машка вся подобралась. В глазах — колючие иглы.

— И что ему понадобилось?

— Прощения попросил. Хочет, чтобы я домой вернулась.

— Надеюсь, ты не повелась?

— Нет. Я пока даже к нормальному разговору не готова. К тому же, так плохо себя чувствовала, что мечтала об одном: чтобы он ушёл и оставил меня в покое.

— А он смотрел на тебя несчастными глазками и, небось, руки целовал.

Ну, как-то так и было. Но откуда она про руки знает? Вадим на людях почти никогда не выражал личных чувств. Мама его учила держаться с достоинством и не выставлять напоказ интимные моменты.

Лариса Сергеевна Майская, моя незабвенная свекровь, больше всего на свете чтит этикет и обожала поучать.

— Интеллигентного человека, — любила повторять она, — видно издалека. По манере держаться, жестам и даже взглядам. Он никогда не поставит себя в неловкое положение и никогда не опорочит тех, кто с ним рядом.

Часто она намекала, что до высоких стандартов я не дотягиваю.

Наверное, это тоже выглядело не совсем благородно, но на людях она всё же старалась соответствовать своим внутренним стандартам, а вот в непринуждённой семейной обстановке не стеснялась и могла воспитывать меня часами. Ну, и Вадима слегка заодно.

— Знаешь, — вздохнула Машка, — при всей моей неприязни к Майскому, я пойму, если ты решишься к нему вернуться.

— Почему? — Машка умела удивлять.

— Ну, любовь. Второй шанс, всё такое, — пробормотала она. — Иногда людям нужно давать шанс на исправление, искупление.

Наверное, она говорила о чём-то своём, личном. О том, чего я не знала. Были у меня некоторые подозрения, но одно дело догадываться, другое — знать точно.

Машка у меня красавица. И, естественно, притягивала к себе мужские взгляды. Однако, близко к себе она никого не подпускала. За этим крылась тайна. А собственными тайнами и трагедиями подруга предпочитала не делиться. Переживала всё молча, самостоятельно.

Кто её обидел в прошлом? Кто сломал так, что она до сих пор обходила стороной личные отношения? Может, однажды она поделится.

Но для таких откровений слишком много воды должно утечь, чтобы улеглось и отболело. Или дойти до точки отчаяния, когда слова сами рвутся наружу.

Я училась у неё мужеству и выдержке. Пусть у меня не всегда получалось — характер слишком мягкий. Правильно Вадим сказал. Я склонна прощать обиды и не помнить зло. Но, наверное, не в этот раз, когда не просто ранило, а почти убило. Разворотило всё внутри на мелкие осколки.

Глава 14

— Я не знаю, Маш. Пока я не хочу думать ни о каком прощении. Я думала, что могу простить всё. Но в это «всё» измена не входила.

— Понимаю, — тяжёлый вздох в ответ и снова этот взгляд — в себя.

Но, кажется, нас что-то невидимыми нитями связало ещё крепче, чем раньше. Что-то общее, очень болезненное.

— Всё непросто. И я это осознаю. Одним взмахом не перечеркнуть пять лет. Я смотрела на Вадима и помнила только хорошее. Может, потому что не запоминала плохое, на какие-то мелочи не обращала внимания. Жила в своём мире, где всё розовое и прекрасное. Не подозревала, не следила, не шпионила, не проверяла телефон, не разглядывала рубашки — вдруг там помада? Я слишком ему доверяла. И думала, что у нас всё хорошо.

— А были хоть какие-то сигналы?

— Не знаю. Наверное, он прав. Я слишком заиклилась на желании забеременеть. Думала, что это наша общая цель. Оказывается, Вадим потерял вкус к жизни, потому что я вынуждала его жить по расписанию и подчиняться этой цели, которая ему то ли не так важна была, как мне, то ли напрягала и не давала спокойно дышать.

— И он предпочёл не поговорить, а сходить налево. Я вообще не понимаю, зачем ему нужно было тащить ту девицу в ваш общий дом. Что за необходимость? У нас отели отменили?

Я тоже об этом думала и ответа не находила.

— У нас бывали размолвки. Мы ссорились, как и все семейные пары. Наверное, без этого нельзя обойтись. Но я никогда не замечала отчуждения или неприязни. Охлаждения. Не ловила сигналов, которые явственно указывают: твой муж тебе изменяет.

— Или не замечала.

— Может, и так, — согласилась я. — Но это не повод забыть безобразную сцену, простить и дать ему шанс. Я не готова. А может, не буду готова никогда. И мне бы хотелось, чтобы ты не заводила больше разговоров об этом. Не вызывала во мне сомнений. Не расшатывала лодку, из которой меня уже безжалостно вышвырнуло.

— Прости, — погладила Машка меня по руке. — Как бы там ни было, тебя я люблю, а Майский твой мне никогда не нравился. Так что вряд ли я стану тебя уговаривать.

Усталость сковывала меня по рукам и ногам, словно я всю ночь брела и не останавливалась. Тупая боль пульсировала в висках.

Снова тошнило, и я невольно прижала ладонь к губам и поднялась со стула, не зная, то ли снова бежать в туалет, то ли переждать.

— А ты случайно не беременна, Ань? — спросила Машка.

Этот вопрос пронзил меня насквозь. Колени дрогнули. В затылок ударило так, что я даже пошатнулась.

— Нет. Не знаю. Не должна...

Машка судорожно вздохнула.

— Вот что. Тебе постельный режим показан, лежи и отдыхай, не забывай принимать лекарства. А я сбегаю, куплю продукты и тесты. Проверим. Оно ж знаешь как бывает? Ждёшь-выглядываешь — и нет ничего. Забыл не думаешь — получите и распишитесь!

— И что же мне делать? — кажется, я растерялась. Всё плыло перед глазами, как в тумане.

— Что-что. Рожать, конечно. Если у нас ребёнок. Ну, а всё остальное сама решишь, не

маленькая.

— Да, — без сил опустилась я снова на стул. — Это же мой ребёнок. Долгожданный. И, конечно, я не о том спрашивала. Он родится обязательно!

В тот миг меня словно вспышка осветила. Я уверовала, что во мне растёт мой самый лучший, прекрасный малыш, о котором я так долго мечтала.

Может, он как раз дан мне свыше. Именно сейчас, когда всё рушится и летит к чёрту.

— Как ни крути, ребёнку нужен отец, — снова вздохнула Машка.

— Сколько детей выросло без отца? — возразила я ей. — Я пока не готова об этом думать. Лучше буду надеяться на положительный тест. А дальше... жизнь покажет, куда двигаться и что делать.

— Ладно, — засуетилась Машка, — руки-ноги есть, голова тоже на месте, разберёмся. Ты главное выздоравливай. Я б твоего Вадю встряхнула. И кулаком ему в глаз засветила, чтобы у него там мозги перевернулись и встали на место. Чтобы больше никогда не смел руку поднимать.

Машка снова ожесточилась. Глаза у неё колючими сделались.

Она выросла без отца. А отчим нередко поколачивал и Машу, и её маму. Так что у неё свои соображения на этот счёт. И она как раз не из тех, кто легко прощает подобное. А точнее, наверное, не прощает никогда.

Снова невольно вспомнился Рейнер. И его слова. И взгляд — тёмный, как омут без дна. За этим крылась трагедия, что-то очень личное и болезненное.

Почему-то подумалось: я бы его выслушала, если бы мы были друзьями. Дала бы выговориться, чтобы не держал всё в себе.

Иногда такие вещи нужно проговаривать и отпускать. Не забыть, нет. Но позволить боли стать меньше или притупиться. Когда делишь боль с кем-то, её становится немножечко меньше.

— Но вначале позавтракаем. Совсем немного. Очень полезное и больным, и беременным.

Она суетилась, хозяйничала, а я беспомощно сидела за кухонным столом и смотрела на неё — такую родную и дорогую.

Не знаю, что я делала бы, не будь её. Разве что всё бросить и вернуться домой, к родным. Но я пока такой вариант не рассматривала. Попробую справиться без мамы и папы.

— Ну, всем, чем могу, — бормотала подруга, ставя передо мной тарелку овсянки и вареное яйцо. — Сейчас ещё хлеб маслом намажу и чай заварю. Пока без кофе. И по режиму тебе не положено, и по состоянию. Будем придерживаться здорового питания. Не будем травить малыша всякой бесполезной едой!

Она верила вместе со мной, и это трогало до слёз.

Хорошо, когда у тебя есть верный друг, который тебя всегда поддержит и поймёт.

— Спасибо тебе, Маш.

— За что? — удивлённо приподняла брови подруга.

— За то, что ты у меня есть.

— Ты есть. Я есть. А вместе мы — сила, — потеплели её глаза. Не скучай, я скоро.

Она отвела меня в постель, взбила подушку, помогла поудобнее усесться. А потом умчалась в магазин. И в аптеку за тестами.

Я полежала, прислушиваясь к себе. Как ни странно, после завтрака мне стало легче. И решила, что нужно собираться в кучу.

Я не могу бесконечно пользоваться её добротой. Надо двигаться дальше. Пусть понемногу и потихоньку. От чего-то отталкиваться в моей новой жизни, в которой не было Вадима.

Я искала съёмное жильё, усевшись за Машкин старенький компьютер, но очень быстро устала.

Плохо, что в начале года пришлось уйти на больничный. Я всегда переживала и нервничала, если болела. Вадим вечно злился, что школу я люблю гораздо больше себя и уж подавно больше, чем его.

Это неправда, хоть я и не променяла возможность работать на непочётное, по моему мнению, звание домохозяйки. Но что теперь об этом?

Настало время любить себя больше, чем Вадима, больше, чем работу.

Нет, не себя. А то чудо, что зародилось во мне вопреки всему!

Глава 15

— Ну, что, Ань? — Машка сияла. Глаза блестели, щёки розовые. — У меня кое-что есть для тебя!

Она трясла тестами для беременности, будто выиграла в лотерею миллион.

— Может, утром?

Я всё же отчаянно трусила. Это не первый раз, когда я проверяю тесты. Их было очень много за последние три года.

Я ещё училась в институте, когда мы с Вадимом поженились. И первый год не стремились к детям. Вадим хотел пожить для себя. И, раз уж я такая примерная ученица, то лучше окончить вуз. К тому же, на этом настаивала и свекровь.

— Молодые ещё, куда спешить? — поджимала она губы. — Вся жизнь впереди. Вот я лично никогда и никуда не спешила — и всё успела! И вуз закончить, и карьеру сделать, и замуж выйти, и сына родить.

О себе она могла рассказывать часами. И вечно ставить в пример. Какая она замечательная. Всем бы так.

Через год я сказала Вадиму, что было бы неплохо, если б у нас родился ребёнок. Вадим не отмахнулся.

— Раз хочешь — значит будет!

Ему не нравилось, что я вышла на работу. Он без конца намекал: его жена должна сидеть дома. Создавать уютное гнездо. Встречать уставшего мужа после работы. Тут даже свекровь не согласилась, встала на дыбы.

— Нормальная жена всё успевает! — заявила она и продавила своего любимого Вадичку. Впрочем, как всегда. Она умела надавливать на нужные рычаги. — Вот родит ребёнка, посидит в декрете — и будет тебе счастье. А пока нечего на шею себе сажать иждивенцев! Успеешь ещё!

Как-то обидно было слушать эти слова. Но я молчала. С Ларисой Сергеевной спорить — себя не уважать. Тем более, что из таких вот перепалок, она всегда выходила победительницей.

Но с детьми у нас не получилось ни через год, ни через три...

Сколько раз во мне загоралась надежда! И сколько раз тух огонёк веры, что вот в этот раз — обязательно! — я забеременею.

И вот я снова стою с тестами. И снова страх сковывает меня по рукам и ногам.

— Нет, не утром, — покачала Машка головой. — Сейчас.

И я подчинилась. Тяни не тяни... Какая разница, когда порадоваться? Какая разница, когда оплакать, если снова все надежды ложные?

Я не выходила из туалета слишком долго.

— Ань?... — поскреблась в дверь Машка.

Беззвучные слёзы текли по щекам. И я никак не могла выйти, потому что это случилось снова.

Боль. Обида. Разочарование.

Каких-то три часа назад я уверовала в чудо. Но чудо не захотело посетить меня и на этот раз.

— Нет, — покачала я головой, как только нашла в себе силы выйти. — Наверное, это никогда не случится. Всё напрасно.

— Ой, да перестань! — сверкнула глазами Машка и ладошками вытерла слёзы с моих щёк. — Всё ещё будет! Может, это даже хорошо. И, наверное, дело не в тебе. Я тебе как медик говорю. Ты столько прошла обследований. И тебе давно сказали: ты здорова и можешь забеременеть и родить ребёнка.

— Неправда, — шмыгнула я носом. — Я лечилась. У меня были проблемы.

Машка закатила глаза.

— Да у каждой второй женщины есть проблемы. У кого больше, у кого меньше. Кто лечится, а кто и не подозревает. Беременеют и рожают. А у тебя игра в одни ворота. Ведь твой Майский так и не обследовался?

Нет. И Машка знала об этом. Он заявил, что абсолютно здоров и всё у него в порядке. Тем более, его мать тоже неоднократно это подчёркивала:

— Дело в тебе, Анечка. Только в тебе. Об этом не принято говорить, — доверительно понизила она голос, — но если уж на то пошло, то в молодости, когда Вадимчик только школу закончил, у него девочка была. Любовь и всё такое. Забеременела от него. К счастью, там ничего не получилось. Ни в отношениях, ни с ребёнком. Девочка сделала аборт и уехала. И очень жаль, конечно, что у тебя проблемы. Но сейчас медицина далеко пошла вперёд. Я уверена: всё получится. Просто всему своё время. Так бывает: все здоровы, а дети появляются в срок, а не по нашим хотелкам.

Вот уж кто никогда не печалился и не унывал. Она жила по каким-то своим железным принципам и стандартам и никогда от них не отступала.

— Я, наверное, плохая подруга, — усадила меня Машка на стул, — но я так зла на твоего мужа. Так и хочется сказать: плюнь и разотри! И пусть в твоей жизни появится другой мужчина. Может, не сразу, но это и шанс забыть, и узнать наверняка: твоя ли в том вина, что он до сих пор не смог сделать тебе ребёнка?

Я знала: Машка прямая. И часто говорит то, о чём думает. И не всегда эта прямота на пользу. Ни ей, ни окружающим.

— А ты смогла забыть? — вырвалось прежде, чем я подумала. Слишком уж сильные эмоции распирали меня изнутри.

Машка дёрнулась, словно я выстрелила и попала в сердце. Посмотрела на меня долгим взглядом. Побледнела, а затем тряхнула головой.

— Нет. Я не смогла. Но я — это я. Всегда в контрах с собой и миром.

— А я — это я. И тоже не могу скакать из постели в постель только потому, что муж мне изменил и повёл себя мерзко. Будь я другой, сумела бы отомстить. На эмоциях или ещё как. Но если это однажды случится, то не потому, что я хочу развеяться, забыть. И уж точно

не для того, чтобы проверить, могу ли я забеременеть. Всему своё время. Всему своя судьба.

— И это тоже правильно. Просто... несправедливость очень сильно меня задевает. Ему можно было называть тебя бесплодной. Приволочь какую-то бабу в ваш дом. Теперь просить прощения и надеяться, что ты всё забудешь.

— Он не называл меня бесплодной, — возразила, потому что так и было.

— Ну его мама драгоценная не упускала возможности потоптаться по тебе, — фыркнула Машка. — И он помалкивал и рот ей не затыкал.

А это правда. Лариса Сергеевна особо не церемонилась и выражения не подбирала. И Вадим предпочитал ей не возражать.

Как ни крути, а мы снова и снова возвращались к темам, которые очень меня задевали. Резали буквально по живому. Не давали спокойно дышать.

Но, может, так и надо. Чтобы пережить, пережевать по кругу, вспомнить, подумать и двигаться дальше. Жизнь не заканчивается, если тебя предали. Жизнь продолжается, если тебе изменили.

Вопрос лишь в том, сможешь ли ты не погрязнуть в сомнениях и страданиях?

— Надо оставить прошлое позади, — Машка будто мои мысли прочитала. — Если постоянно оглядываться, это тянет назад. А ещё всё время хочется переписать сценарий. Что было бы, если б ты поступила иначе? Повела себя по-другому? Случилось бы то, что случилось, или нет? Но это бесполезно, Ань. Ты лучшая, не сомневайся в этом. И он это знает. Иначе не пришёл бы и не просил прощения.

Может, и так. Но это не помешало ему спустить пар с другой девушкой. Обесценить всё, что между нами было. И, наверное, мне этого никогда не понять.

Глава 16

Рейнер

Она не отпускала. Тянула за собой. Заставляла постоянно о ней думать.

У меня очередной сумасшедший день, а я нет-нет да застывал, прокручивая вчерашний день в голове. Перебирая факты, которые кричали: она не для меня.

У неё своя жизнь. Изломанная, но чужая. У меня свои заботы и проблемы. И ещё одна никак не вписывалась в мой плотный график, где не было места личному.

Она не девочка на ночь. Если бы да, было б проще. Но Анна Майская не из них. Не из тех, кто развлекается от скуки на стороне. Бесится с жиру и находит приключения на задницу.

Но я замирал на миг, когда в моей голове звучало её имя.

Анна. И я видел её глаза.

Анна. И я чувствовал её запах.

Анна. И хотелось плюнуть на всё и позвонить.

Телефон жёг ладонь. Я неосознанно сжимал его. И не потому, что постоянно кому-то названивал или звонили мне. А потому что хотел набрать номер и спросить, как она.

Я гнал от себя мысли о ней. Они меня догоняли и крутились по кругу, как заколдованные.

Она превратилась в наваждение.

Растрёпанная и в вечернем платье. Униженная моим телохранителем, но гордая. Девочка, которой трудно просить даже не для себя.

Строгая и собранная. С гладкой причёской. В светлой блузке и узкой юбке.

Я помнил её изящную ступню, когда она, как Золушка, искала потерявшуюся туфельку.

Я помнил её руки и пальцы — длинные, со скромным неброским маникюром. Всё в ней дышало чем-то таким недоступным. И запретным.

Табу — это когда нельзя. И от этого ещё больше сносит крышу.

Я хотел ею обладать. Трогать. Касаться. Прижимать к себе.

И понимал: это не взаимно.

Мысленно я проводил пальцем по её губам — чуть пухлым, чувственным, манящим. Я ласкал её и целовал — страстно, исступлённо.

Я закрывал глаза — и снова видел её профиль, ощущал её боль, которой она не захотела поделиться.

Наваждение. Отрава. Огненный котёл, куда бы я нырнул не задумываясь.

Я пытался себя обуздать. Уходил с головой в работу. Не всё шло гладко, и требовалось моё внимание и принятие решений, которые никто, кроме меня, сделать не мог.

Но даже сквозь суматоху, через попытки разобраться, кто в очередной раз налажал, я нет-нет да думал о ней.

И нашёл время, чтобы собственноручно выбрать чёртов лингафонный кабинет. И нет. Я делал это не из альтруизма, не для детей. Я делал это для неё.

Под вечер, когда офис перестал бурлить и когда ушли все работники, я сдался.

В пустом кабинете, в полумраке, я стоял у панорамного окна и смотрел на город в сумерках. Ещё неявных, чуть заметных.

Стоял, сжимая телефон в руках, словно мог из него что-то выдавить. Например, моё помешательство.

В конце концов, я могу ей позвонить. Почему нет? Вольно или невольно, я прикоснулся к её истории. Не очень красивой истории.

Я понимал, что не должен. Понимал, что где-то там, рядом с ней — другой высокогорный козёл, которого я даже мысленно не хотел называть её мужем, потому что вряд ли в нём есть что-то мужское.

И это тоже меня тревожило, хоть по всем раскладам — не мне лезть в чужие семьи. Но кое-кого я бы поучил. Не словами, а хорошо поставленным ударом в челюсть. Так, чтоб зубы растерял, а заодно разучился бить тех, кто его слабее.

И всё же я позвонил. У меня есть повод.

Томительные гудки звучали слишком громко. Я вёл им отсчёт: один, два, три... пять... семь...

— Да, — услышал я её голос, и кровь застучала в висках.

Я стиснул зубы на миг, чтобы совладать с собой.

— Добрый вечер, Анна.

Голос мой звучал, как обычно, и только я знал, какие демоны меня одолевают.

— Здравствуйте, Илья Эдуардович.

Чуть настороженная. И всё такая же официальная. Далёкая, как звёзды, которых не видно в большом городе. Есть только высотки и постепенно зажигающийся свет в окнах.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше.

Я знал, что толкового разговора не выйдет. Как пассажиры в поезде говорят о погоде, так мы разговаривали вежливо ни о чём.

— Выздоровливайте, Анна. К тому времени, как вы выпишетесь, будет готов ваш

лингфонный кабинет. Созвонимся, чтобы согласовать время, когда я смогу вам его передать.

— Спасибо большое, Илья Эдуардович. Я вам очень благодарна. Но, наверное, не стоит со мной согласовывать. Вам нужно обратиться к директору школы, Анне Кондратьевне.

— Анаконде? — невольно вырвалось у меня. — Она директор школы?

Анна закашлялась. Кажется, я сумел её рассмешить. Правда, смеяться открыто она не посмела. Жаль. Я бы послушал её смех.

А ещё лучше — увидел бы её глаза. Посмотрел, как дрожит на её губах улыбка. Она при мне ещё ни разу не улыбалась. А ей, наверное, идёт.

— Да, Анна Кондратьевна Листьева, — произнесла она наконец-то, чуть задыхаясь.

— Ах, вот оно что... — не смог удержаться я от сарказма. — Это она вас надоумила ко мне обратиться? Нет, не говорите ничего. Я и так знаю. А скажите мне, Анна, кому достанется этот чёртов кабинет?

— По идее, моим пятиклашкам, — и такой теплотой повеяло от её голоса, что у меня аж дух захватило. — Они у меня чудесные. Пятнадцать мальчиков и двенадцать девочек. Простите, — спохватилась она, и я снова поморщился, — ну, то есть не только им. Это всё же кабинет. Для всех детей, которых учу я.

— Не извиняйтесь. Я вам вот что скажу, Анна Романовна. Этот кабинет — для вас и ваших детей. Только так, а не иначе. И не мешало бы об этом сказать Анаконде.

Она снова закашлялась, пытаясь скрыть смех.

— Я сам ей об этом скажу. При встрече. Но без вас ничего не состоится, так и знайте. Так что поправляйтесь поскорее.

— Я постараюсь. Спасибо вам ещё раз, Илья Эдуардович.

— Тогда до встречи?

— Да.

И ни один из нас не отключился. Я слушал её дыхание — почти неуловимое. А может, мне так хотелось его слышать, что я всё это придумал.

— Можно вопрос? — услышал я её голос.

— Нужно.

— Когда вы учились в школе, её уже так звали?

— Анаконду? — уточнил на всякий случай. Может, для того, чтобы снова услышать её сдержанный покашливанием смех. — Это я ей придумал прозвище. У нас с ней... очень давние и очень высокие отношения.

Сказал — и отключился. Интрига — неплохой повод для любопытства. Может, в следующий раз она снова захочет о чём-нибудь меня спросить.

В следующий раз?... Да, именно так.

Глава 17

Когда Рейнер отключился, я поймала себя на том, что улыбаюсь.

— Он всё же мужик, твой Райдер, — вставила свои пять копеек Машка. — Хоть поначалу повёл себя, как свинья. Но с другой стороны, может, и право имел: не каждый день его девицы в мужском туалете преследуют.

— Не напоминай, — прикрыла я глаза и почувствовала, как вспыхнули щёки. — И он Рейнер, Маш.

— Да хоть Джеймс Бонд, — Машка в очередной раз беспечно махнула рукой. — Ну, признайся же: спустя время это кажется забавным. Жила себе очень правильной и скучной

жизнью — и вдруг целое приключение!

— Пока я без стыда об этом вспоминать не могу, — прижала ладони к щекам. — Я, наверное, не из тех, кто любит острые ощущения. Мне всё казалось, в обморок упаду, если заговорю с ним.

— А теперь видишь, болтаете, как старые друзья. И мне кажется, или он тобой заинтересовался?

— Не выдумывай ничего лишнего. Он пообещал и сделал. Позвонил сказать, что отдаст лингафонный кабинет, как только я выйду на работу.

— Угу, угу, я ж понимаю. Он мог его подарить родной школе и без тебя. А ещё ты смеялась. Он что-то смешное рассказывал об оборудовании? И позвонить не поленился. Наверное, здоровьем твоим интересовался?

— Обычная вежливость. И ничего смешного он не рассказывал, просто он директрису Анакондой назвал, я не ожидала. Не думала, что прозвища живут так долго. А оказалось, это он её так обозвал. Ну, по крайней мере, он так сказал.

— И про школу не поленился поговорить, понимаю, — кивнула Машка. — Я вот всё время думаю: как у твоих родителей родился такой цветочек-цветочек? Как ты выросла такой нежной, доброй, правильной в доме, где от мальчишек не продохнуть? Да они тебя должны были пацанкой сделать!

— Они меня любили и оберегали, — улыбнулась я, вспоминая братьев.

У меня их трое. Андрею — старшему — двадцать девять, близнецам Тошке и Гошке — по двадцать семь недавно стукнуло.

— Не такая уж у вас и большая разница в возрасте, чтоб их в рыцарские доспехи обряжать. Небось тузили тебя нещадно и обижали, пакости делали.

— Всякое было, но в общем целом они у меня замечательные и в обиду никогда не давали.

О братьях я бы могла говорить часами. Моя семья — моя гордость. Но свекровь считала иначе. Как всегда, у неё было своё особое мнение и обо мне, и о моей семье.

Я «понаехавшая», из многодетной семьи.

— Не могу себе представить, как это, — поджимала она губы. — Ну, двое. Максимум. Но четверо?! Это ж какими надо быть беспечными, чтобы в свет столько детей пустить? Всех же надо накормить, напоить, одеть, обуть, выучить, профессию дать. У вас, полагаю, временами и есть нечего было.

Она свято считала, что Вадим меня облагодетельствовал и спас от незавидной участи. В её глазах я была оборванка с нулевыми перспективами.

Я даже не пыталась ей объяснять, что всё у нас хорошо. И ни в чём мы нужды не знали. Что жили в большом доме на берегу реки. Что мои родители всем дали образование. Что мой старший брат Андрей — наша гордость — кротивщик и веб-дизайнер. И что он зарабатывает больше, чем мой муж, тоже не стала рассказывать. Потому что однажды поняла: бесполезно. Лариса Сергеевна слышит только то, что хочет услышать, остальное пропускает мимо ушей.

— А я б на твоём месте к Райдеру присмотрелась, да, — ворвался в мои мысли Машкин голос.

— Не выдумывай! И пусть каждый будет на своём месте, Маш, — строго посмотрела на неё.

Всё же дружить на расстоянии и жить вместе — разные вещи. К тому же, дни нашей школьной юности давно позади, когда у нас было намного больше общего, чем сейчас.

Я не осуждала подругу. И понимала, что она душой болеет за меня. Но иногда Машки было слишком много. А мне хотелось сейчас заползти куда подальше. Может быть, поплакать.

С одной стороны, это хорошо, что она не даёт мне раскисать. С другой — я и так балансировала не понятно на чём, никак не могла собраться в кучу и принять самые простые решения.

К активным действиям я сейчас не совсем способна. Вынуждена лежать, пить лекарства, слушать Машкину болтовню.

Но, может, я сердилась на неё потому, что нет-нет да думала о Рейнере?

Он вызывал невольный интерес. Он был не похож на других мужчин. Правда, я не великий знаток. У меня-то кроме Вадима никого и никогда не было, не считая пары ухажёров ещё в школе, когда ничего серьёзного не было и быть не могло в моём случае.

Позже, в институте, я недолго встречалась с парнем, но как-то у нас не сложилось. Я не из тех, кто проповедует вольные отношения. Смелости мне всегда не хватало и дерзости. Разве что влюбилась бы. Но до Вадима я ни к одному мужчине не испытывала чувств.

Да и с Вадимом... Это была тихая река. Как я считала, надёжная, широкая, спокойная. Он так красиво ухаживал. Он был моим первым и единственным. Светом, за которым я шла все эти годы.

Мне и в страшном сне не могло присниться, что со мной случится то, что случилось.

Может, будь у Вадима с Машей нормальные дружеские отношения, я б смогла ей поплакаться, рассказать о чувствах, что меня переполняли. Перебрала бы по пряди годы, прожитые в замужестве...

Чтобы понять, где ошиблась. Осознать, что делала неправильно.

Но вряд ли Маша могла мне помочь. Она никогда не была замужем и никогда не жила бок-о-бок с мужчиной. А поэтому я пробовала разобраться в себе сама. Искала и никак не находила причин, почему Вадим охладел, завёл любовницу, сделал мне больно.

Я всегда старалась быть хорошей хозяйкой. Постоянно следила за домом и за собой. Не позволяла себе распускаться. А все его обидные слова про позы, о том, что я отдалилась, — неправда.

У нас всё хорошо было в постели. Так я считала. Наверное, Вадим считал иначе. Но никогда, ни разу не заводил об этом разговор. Предпочёл сходить налево. Или направо.

Может, поговори он со мной, этого бы не случилось. А если б и случилось, я б понимала: виновата, не прислушалась, не сделала того, что он от меня ждал.

Я думала: мы идём к одной цели. Живём, дышим, чтобы однажды стать счастливыми родителями.

Оказалось, всё не так. Не то, что я себе придумала. Не то, на чём строила семью и отношения. Что-то упустила, проглядела, не сделала.

Эти мысли не давали покоя. Эти мысли сжигали меня дотла. Я начинала чувствовать себя виноватой в том, что произошло. Но простить, понять Вадима — нет, не получалось, никак. Несмотря на то, что я добрая и небойкая, молчаливая и уступчивая во всём.

Наверное, есть вещи, которые даже такие рохли, как я, не способны забыть.

Или нужно время, которое, как известно, лечит любые раны.

Время у меня сейчас было предостаточно. И я тратила его на терзания и копания в себе. И пока никак не могла примириться с жизнью, что обошлась со мной жестоко и несправедливо.

Нет. Не жизнь. А мужчина, которого я любила. Мужчина, за которого я вышла замуж и думала, что проживу с ним долго и счастливо.

У меня не получилось. И поэтому я страдала.

Глава 18

Рейнер

Я позвонил ей через несколько дней. Снова вечером.

Это был какой-то изощрённый сорт мазохизма — ждать, жить до того момента, когда рука сама лезла в телефон и нажимала на кнопку вызова.

Я был вымотан и выжат. У меня ничего не ладилось. Я никак не мог выровнять крен, хоть внешне всё было под контролем.

Я понимал: без ядра данных всё, что украли, не имеет никакой силы. Лесновскому нужно либо найти яйцеголового гения, либо украсть-перекупить моего, либо влезть мне в голову. Все три варианта казались мне невозможными.

Я был создателем этого программно-обеспечения — революционного по своей сути. Способного перевернуть мир компьютерных технологий. Но я возглавлял компанию, а поэтому разработку отдал в другие руки. Надежные руки. Тому, кому я доверял, как самому себе.

Артём Дёмин. Мой яйцеголовый гений. Вряд ли Лесновский найдёт такого второго.

В общем, расследование с места не сдвинулось. И меня держало на плаву лишь одно: я хотел услышать голос девушки, которую вожделел.

И мне плевать, что на это скажет её муж. Но не плевать, что он с ней сделает, если узнает, что ей по вечерам названивает посторонний мужик.

Именно поэтому я решил ей больше не звонить. Дождаться встречи.

Но вопреки здравому смыслу, вопреки всем заборам, которые я настроил в своей голове, я сделал это снова.

— Да, — ответила она после третьего гудка.

Мне нравилось. «Да», а не «алло».

«Да» звучало оптимистично. Будто она заранее соглашается на всё, что я могу ей предложить. К счастью, она не могла видеть моих тёмных мыслей, пропитанных похотью, когда буквально красная пелена перед глазами.

У меня не было проблем с сексом. У меня всегда было с кем. Но никого и, наверное, никогда я не хотел так, как чужую жену Анну Майскую.

Я старался не думать о том, что к ней прикасается кто-то другой. Тот, кто имеет на это законные основания. Я ненавидел его так же сильно, как хотел его женщину.

Я допускал, что меня разжигает запрет и недоступность.

Но какие бы слова я себе ни говорил, какие бы аргументы ни выдвигал, одно оставалось неизменным: я хотел её до звёзд в глазах и ничего не мог с этим поделать.

— Добрый вечер, — снова смотрел я на панораму города, что зажигал огни.

— Что-то случилось, Илья Эдуардович?

Я бы хотел, чтобы она звала меня по имени. И невольно стискивал зубы, когда Анна величала меня по имени и отчеству. Но этот барьер пока что казался непреодолимым. Я не желал, чтобы она знала о моём помешательстве.

— Мне звонил Георгий Павлович, ваш лечащий врач. У вас завтра с ним встреча.

— Что?.. Ах, да-да, встреча... Я помню, но спасибо, что побеспокоились.

— Я не беспокоюсь. Я контролирую. Надеюсь, вы понимаете, как это важно.

— Илья Эдуардович, я вам очень благодарна за всё. И за равнодушные тоже. Но, наверное, мне не стоит злоупотреблять вашим расположением. К тому же, я, наверное, не смогу наблюдаться в этой клинике по некоторым причинам.

Она меня отшивала. Вежливо, но твёрдо. И тогда я решил ни в чём себя не ограничивать.

— Я думаю, вам не стоит менять врача. Лучшего вы вряд ли найдёте. К тому же, в любой клинике, в любой больнице вам придётся объясняться. Или врач сообщит, куда надо. Как собирался сделать это милый доктор в той больнице, куда вас привезли по «скорой».

Теперь я точно слышал, как она дышит — часто и рвано. И возненавидел себя за это. Не стоило. Она и так жертва. А я ничуть не лучше, если давлю и запугиваю.

— Прошу извинить меня, — получилось холодно и сухо. Но я злился не на неё. — Вы, конечно же, вольны поступить так, как посчитаете нужным. Ваше лечение в клинике оплачено. А я просто хотел сказать, что не стоит отказываться.

— Спасибо, — голос её звучал тихо и сдавленно. Будто я своими руками накинул ей на шею удавку.

Ещё бы извините-простите свои коронные сказала, и я бы вообще почувствовал себя конченным мерзавцем.

Но во мне жило это: крутые горки и какая-то ненормальная страсть, что сжигала изнутри. Я не знал, что с этим делать, а поэтому... всё получалось не так, как могло бы быть.

В другое время. В другой реальности. При других обстоятельствах.

— За что спасибо, Анна? — почти взорвался я, хоть и лёд плескался в моём голосе. — Я унизил вас, повёл себя, как свинья, а вы благодарите? Ну не будьте же такой беззубой! Дайте отпор! Пошлите меня к чёрту, в конце концов!

— Идите к чёрту, — сказала она и отключилась.

Но то, как прозвучали её слова, мне понравилось. Не тускло и покорно, а со сдерживаемым гневом. А это почти страсть. Эмоции.

Не побоялась. Я почувствовал, как ухмылка коснулась моих губ.

Не стала раздумывать, что за этим последует. Не подумала о кабинете, который я мог бы и не подарить, будь я большей скотиной, чем есть.

Может, не всё ещё и потеряно в её случае.

— Замечательно. Прекрасно. Великолепно, — произнёс я вслух. — Зашибись, — стукнул раскрытой ладонью по оконной раме. Так, что задрожали стёкла. — Ты самый лучший ловелас, Рейнер, на планете Земля. Вместо того, чтобы очаровывать и притягивать женщину, найти подход, обрубил канаты.

А может, это и к лучшему. Больше не будет повода ей звонить. Я и так преступил все возможные границы.

И снова думал о том, что где-то там сидит упырь, который издевается и пьёт её кровь. И неизвестно, чем ей аукнутся мои звонки.

Было кое-что, что меня тревожило. Мне постоянно казалось, что я что-то упустил. Какую-то мелочь, незначительную, но важную. Но никак не мог уловить беспокойную мысль, что возвращалась и снова ускользала.

Неудивительно при моём плотном графике. Но мозг так устроен, что подаёт сигналы, и вот сейчас я снова ощущал эту грызущую обеспокоенность. Пытался поймать лису за хвост, а она растворялась, как дым.

Я зажёл свет и зацепился взглядом за папку, что так и лежала у меня на столе. Лежала,

приваленная другими документами, но всё же выглядывала, словно приманивая меня.

Я достал её и похлопал рукой по поверхности.

Надо убрать. Я и так знаю, что там. Больше меня эти данные не интересуют.

Нужно ехать домой, упасть и уснуть. Выспаться наконец-то. А завтра... завтра будет новый день.

Я достал лист из папки и собрался его порвать. Отправить в мусорную корзину это ничего не значащее «досье». Набор пустых фраз, которые почти ничего не знали об Анне Майской. Впрочем, как и я.

Но прежде чем мои пальцы сделали дело, взгляд скользнул по сухим строчкам и задержался на данных в конце страницы.

Домашний адрес. Телефон, который я знал наизусть.

Домашний адрес. Совсем не тот, куда возвращалась Анна после клиники.

Не тот. Не там.

Невольно я сжал бумагу так, что превратил её в мятый комок.

— Вот, значит, как... — произнёс вслух, наверное, чтобы услышать свой голос.

Ну, что ж, дорогая Анна. К чёрту так к чёрту.

Кажется, я знал, где находится тот самый чёрт, куда ты меня послала.

И я обязательно там буду, чтобы понять. Или узнать. А там уж, как сложится.

Нет. Я не из тех, кто гордо отходит в сторону.

Я из тех, кто забирает то, что мне нужно.

Глава 19

Анна

Я будто попала во временной разлом, где это самое время застыло.

Чувствовала я себя сносно, если бы не воронка в груди — развороченная и некрасивая. На меня порой накатывало. И тоска, и обида, и боль. Не физическая, а душевная.

Вадим звонил каждый день. Я не отвечала. Вадим писал каждый день смс. Я не читала. Но он настойчиво продолжал меня атаковать. Спасибо, что не приезжал и не трепал нервы. За это я была ему благодарна.

Я почти выбрала квартиру — скромную, неподалёку от Машкиного дома, и даже переговорила с хозяевами.

— Выдумываешь, — ворчала подруга, — жили бы вместе. И платить меньше, и хозяйственные дела пополам.

«А я б за тобой присматривала», — читала я между строк.

— Знаешь, — сказала я ей напрямик, — у меня ощущение, что я жила, окутанная ватой. Вначале родители опекали, сдували пылинки. Потом я замуж выскочила и, казалось, муж любит и боготворит.

Машка в этом месте презрительно фыркнула. Может, она видела то, чего не замечала я.

— Ну, я понимаю, что не всё всегда шло гладко. Но идеально ни у кого не бывает. Временные трудности. Всё можно преодолеть. Это какой-то розовый мир, что нравился мне. За исключением того, что я так и не смогла забеременеть, мне казалось, что и семья у меня замечательная, и муж — всем бы такого. И работа есть, нравится.

— Угу, — подмигнула Машка, — и свекровь — зашибись, врагу не пожелаешь, и Анаконда вас, как кроликов, заглатывает целиком.

— Я вот это как раз называю трудностями. Не всё идеально, но если отбросить в сторону подобное, то я считала, что мне очень повезло. А теперь... я должна уметь сама

справляться с тем, что на меня свалилось или ещё свалится. Хочу научиться жить не за чьей-то спиной, а сама.

Машка только головой покачала.

— Ты удивительный человек, Ань. Там, где другие стонут и ноют, ты находишь позитив. Умеешь не замечать гадости и подлость, сглаживать углы и идти на компромисс.

— Я безвольная и мягкотелая, — возразила ей. — Это не очень хорошо.

— Ты добрая и замечательная. На тебя только смотришь — и светло на душе. Оставайся такой, какая есть. Не ожесточайся и не становись стервой. Иногда можно немножко ею быть, но это не ты. Не твоя стихия. Помнишь? Мир спасёт доброта.

— Красота, — поправила я подругу машинально и вспыхнула. Но Машка на то и Машка — рассмеялась звонко.

— Не-е-ет! Это неправильно, хоть и классик утверждал именно так. Доброта, Ань. Светлая и чистая, как ты!

С ней невозможно спорить. Она всегда затыкала меня за пояс. Впрочем, как и другие. Я всегда старалась уступить. Убегать от конфликтов.

Но тем, что нашла в себе силы послать Рейнера к чёрту, я гордилась. Хоть и чувствовала себя немного виноватой за всплеск эмоций.

Я всегда себя чувствовала неуютно, если приходилось отказывать или поступать не очень вежливо.

В одном Рейнер прав: нужно быть хоть немного зубастой. Я взращивала в себе это чувство, но всё летело к чёрту, как только я сталкивалась с людьми, которым должна давать отпор.

Не успела я выйти из клиники, как мне позвонила свекровь.

Небывалый случай.

Конечно, у неё был мой номер телефона, но она почти никогда со мной не общалась. В очень редкие моменты я достаивалась сомнительной чести её слышать. Обычно она звонила, если ей не отвечал Вадим или ей что-то очень срочно нужно было узнать.

Раз в году она поздравляла меня с днём рождения. Именно так и никак иначе: по телефону. В гости почти никогда не приходила, подарки передавала через Вадима.

И тут вдруг звонок. Естественно, я напряглась, но ответила.

— Здравствуй, Аня, — скрипела она так, будто я ей хвост отдала.

— Добрый день, Лариса Сергеевна.

У меня сжалось в груди. Я помнила, по каким поводам она звонила. И не представляла, как обсуждать мою личную драму по телефону. Но свекровь меня удивила.

— Нам надо встретиться и поговорить. Я подъеду.

Как объяснить ей, что я не живу больше дома?..

— Я знаю, что случилось, и знаю, где ты сейчас находишься, — выдала она, правильно оценив моё смятение и замешательство. — Я подъеду. Скажем, через час.

Она не спрашивала. Она диктовала условия. Впрочем, как делала всегда.

Я даже не успела ответить, как свекровь отключилась.

— Чёрт, — посмотрела я на часы. Времени у меня не так уж и много оставалось, чтобы вернуться.

Я с тоской подумала, что нужно вызвать такси. Очень не хватало машины, но забрать свою я пока не могла. Мне всё равно сейчас водить нельзя. Но в ближайшее время всё же нужно решить этот вопрос, как и съездить домой за вещами.

С Машкой мы купили только необходимое. Погодные условия намекали на скорое похолодание, а тёплых вещей у меня не было. Как и многих мелочей, к которым я привыкла и даже не понимала, что некоторые из них необходимы мне, как воздух.

Но я оттягивала, потому что нужно очухаться от болезни. Точно так же обстояло дело и с заявлением на развод. Всё повисло в воздухе.

— Анна Романовна!

Я даже вздрогнула, когда услышала этот голос. Рейнер. Что он здесь делает?

— Садитесь в машину, я вас подвезу.

Этот тоже не задавал вопросов и не спрашивал. Приказывал.

— Спасибо, я сама, — вежливо улыбнулась я ему. Сердце почему-то забарабанило в груди.

— Садитесь! — распахнул он дверцу, и я сама не поняла, как оказалась в салоне его авто.

— Вы меня преследуете? — спросила, когда машина сорвалась с места.

— Да, — посмотрел он мне в глаза, и я почувствовала, как мурашки промаршировали от макушки до пяток.

Что-то было в его взгляде. Прямолинейное. Жёсткое. Заинтересованное.

Я порой ловила на себе взгляды других мужчин. Но, наверное, никто не смотрел на меня так, как Рейнер. А может, я не замечала.

Сейчас же деться некуда: он сидит рядом.

Я невольно выпрямила спину.

— Я не давала повода. И если вы запомнили, напомню: я обещала вечную благодарность за спонсорскую помощь с кабинетом, а не что-то другое.

— Я помню, Анна, помню. И пока что ничего у вас не прошу, — в глазах его плещется сарказм. Губы чуть улыбаются. Тоже язвительно.

И у меня ощущение, что я ошиблась, не так его поняла. И от этого вспыхнула и глаза отвела, не зная, куда себя деть.

— Если мне надо, я беру сам. Не спрашивая, — добил он меня.

И я поняла: не ошиблась. Не показалось.

Глава 20

— Остановите машину, — попросила я.

— Нет.

Я тоже помню про его «да» и «нет».

— Пожалуйста, — выдохнула я. Получилось обречённо. Вот я дура. Сама села в его машину. Я даже не знаю, куда он меня везёт.

— Не бойтесь меня, Анна. Я не беру женщин силой. Не бью и не издеваюсь. Я вас и пальцем не трону. Не в моих правилах. Я просто подвезу вас домой. К вам домой, — уточнил он, и снова лёгкая издёвка в его голосе.

Я подняла на него глаза. Смотрит пристально. Смешинки пляшут в его взгляде. Я бы даже сказала — черти. Но ничего милого или располагающего в этом мужчине нет и в помине. Жёсткий. Властный. Опасный.

Я наизусть знаю, как он выглядит. Насмотрелась на его фотографии, когда искала информацию.

Рейнер — привлекательный мужчина. Природа его не обидела. Не стала отдыхать.

Не смазливый красавчик, черты лица, может, чуть жестковатые, но это его ничуть не

портит. Даже наоборот: он притягивает взгляд. А уж аура богатого успешного бизнесмена, как мне кажется, делает его в глазах противоположного пола достаточно привлекательным.

Впрочем, он мог быть чуть лучше обезьяны — его бы это не испортило. Рейнера ждал бы неизменный успех. Девушек не оттолкнула бы даже постоянная усмешка в серых глазах. В отличие от меня.

Он притягательный, бесспорно. Но, может, обстоятельства нашего знакомства тому виной, а может, мой невеликий опыт общения с мужчинами сказывался — я бы хотела находиться от Рейнера подальше.

А может, дело в том, что он меня невольно волновал. Заставлял нервничать. Я постоянно чувствовала тяжёлый узел чуть ниже живота, когда смотрела на него, слышала его голос. Во мне буквально всё вибрировало, вызывало какую-то ненужную дрожь.

Что-то такое тёмное бурлило внутри, от чего хотелось отмахнуться. Войти в спокойное состояние и не испытывать к этому мужчине ровным счётом ни-че-го. Но выходило иначе.

И то, что он знал обо мне слишком много, тоже нервировало.

Он чужак. И я бы предпочла, чтобы он таковым и оставался.

— Вам нравится надо мной издеваться?

— Нет.

Твёрдо. Весомо. И взгляд у него стал серьёзным. Больше там не плясали черти.

— Возможно, вам показалось, что я жертва, которая смолчит и стерпит всё.

— Это не так? — не сводил он с меня пристального взгляда. Уже пронзительного и тяжёлого.

— Нет. Это не так.

— Вот и хорошо. Я рад.

Он расслабился. Откинулся на сиденье и даже расстегнул пиджак. Я наблюдала за ним со смешанными чувствами.

Он сбил меня с толку. Удивление и растерянность — вот что я ощущала. Я словно поглупела и не знала, что сказать или что сделать. Только следила за его жестами, мимикой. Пыталась понять — и никак не могла.

— Успокойтесь, Анна, — расслабился Рейнер ещё больше и даже глаза прикрыл. — Я просто подвожу вас домой.

— Зачем? Зачем всё это? — у меня разболелась голова.

— Скажем так: я за вами приглядываю. Чувствую ответственность. Уж коль вы сподобились свалиться на меня в мужском туалете, выпросить аппаратуру для школы, а потом грохнуть в обморок на моих глазах.

На губах у него снова заиграла улыбка. Чуть кривая, но уже не так явственно саркастическая.

— И ради этого вы приехали в клинику, бросили все дела?

— Почему нет? — приподнял он бровь и посмотрел на меня. — Могу себе позволить. Вы меня интригуете. Вызываете интерес. И пока он есть, я буду делать то, что посчитаю нужным.

— По-моему, вы беситесь с жиру.

— Может, и так, — рассмеялся он. — Не сопротивляйтесь. Это бесполезно. Всё равно что плыть против течения. Только силы потеряете, захлебнётесь и утонете. По течению плыть легче. И кто знает, куда вас вынесет бурная река?

— Я предпочитаю ходить по суше. И не прыгаю очертя голову в незнакомые реки. Не

пью воду из грязных луж.

— Пытаетесь меня задеть? — снова эта бровь вверх, и усмешка, что, наверное, — часть его сути. — Не получится. У меня слишком толстая кожа, и комариные укусы даже не раздражают. Я их не чувствую.

Машина мягко остановилась. Я поспешила выйти наружу, даже не дождавшись, когда мне откроют дверцу. К чёрту. Рейнеру удалось выбить меня из равновесия, которого и без него было мало.

Вышла и замерла. Мы остановились возле моего дома. Не возле Машкиного. А возле того, где я прожила пять лет. С Вадимом.

Рейнер уже стоял по другую сторону машины. Ветер трепал его волосы.

Я невольно попятилась. Уронила сумочку.

— Это же ваш адрес? — спросил он меня.

Я боялась наклониться за упавшей сумочкой. Голова кружилась. Рейнер пришёл мне на помощь.

— Я... нет, — сглотнула вязкую слюну и провела языком по губам.

— Что — нет? Я ошибся? — спросил он, вкладывая сумочку мне в руки. И снова этот взгляд — пристальный, испытывающий, пробирающий меня до костей.

И тогда я сдалась. Юркнула в машину назад. Сжала сумочку так, что побелели пальцы. Сбежала, спряталась в «домике». Закрыла глаза, чтобы отдышаться. Услышала лишь, как хлопнула дверца с противоположной стороны и ощутила: Рейнер здесь, рядом.

— Анна? — в его голосе я слышала тревогу. А потом его ладонь накрыла мою. Пальцы погладили мои.

Простой участливый жест, а меня будто током ударило. Он почувствовал мою дрожь.

— Вы не ошиблись, — наконец-то обрела я голос. — Но здесь я больше не живу.

— Молодец. Сильная девочка, — его дыхание коснулось моего уха, пошевелило волосы. Близко. Он почему-то очень близко.

А затем Рейнер отстранился, забрал ладонь, но напоследок ещё раз поглаживанием прошёлся по моим напряжённым пальцам, будто успокаивая, вливая в меня силы.

Горячая волна ударила изнутри. Заполонила грудную клетку, но дышать почему-то стало легче. От его одобрения, от его поддержки — неявной, но я её ощущала.

— А теперь отвезите меня домой. У меня встреча. Я бы не хотела опаздывать.

— Я отвезу, — кивнул он, и я с облегчением откинулась на спинку сиденья.

Однако рано, рано я расслабилась, потому что Рейнер ещё не договорил.

— Но прежде ты заберёшь отсюда свои вещи, — снова жёстко и в приказном тоне. — Чтобы больше никогда сюда не возвращаться.

Глава 21

Не знаю, откуда он узнал, что я ушла от Вадима без ничего. Но, кажется, он знал. И это пугало меня немного.

— Не сейчас, — покачала я головой. У меня нет на это времени.

«И желания, — договорила мысленно. — А ещё я не хотела бы, чтобы ты при этом присутствовал».

— Я бы мог настоять, но не стану, — сказал Рейнер, выдержав паузу. — Поехали, — приказал водителю, и мы наконец-то отъехали от дома, с которым у меня было связано слишком много воспоминаний.

Остаток дороги мы молчали.

Не знаю, о чём думал Рейнер, а я размышляла о том, что его внезапно стало слишком много.

Пугало ли это меня? Не очень. Но он никак не мог быть мне другом, как, например, Машка. И я не так наивна, чтобы не понимать его интерес ко мне.

Тем более, что он сам озвучил всё напрямик. Без лишних заворотов.

Я видела его взгляд — мужской, заинтересованный. Не липкий, не жадный, не похотливый. Но это однозначно не была любовь к ближнему или святое сострадание.

Мне не нравилось, что он мною командовал. Я знала, что ведомая и невольно поддавалась его приказам. У нас с Вадимом была похожая схема взаимоотношений: он старше, опытнее, матёрее.

Мне это не мешало. Я легко шла на компромиссы и безболезненно воспринимала, что почти все решения принимал он. В разумных пределах.

Там, где я считала нужным, отстаивала свои интересы. Например, работу и дружбу с Машей. Ну, или как сейчас, не склонна была простить Вадиму измену.

Но больше я не хотела, чтобы кто-то распоряжался моей жизнью, диктовал, что мне делать. Не подавлял, не манипулировал, не вынуждал делиться тем, о чём я не хотела говорить.

— Приехали, — прервал мои размышления Рейнер.

В этот раз он успел. Открыл дверцу с моей стороны и подал руку, помогая выбраться из салона авто.

У него большие и тёплые ладони. От них, как и от самого Рейнера, веяло какой-то монументальной надёжностью, несмотря на то, что сам Илья Эдуардович — нагромождение контрастов.

Таких, как Рейнер, не просчитать. Не угадать наперёд, о чём он думает или что сделает через секунду. И я не хотела бы тонуть в водах его чересчур бурной реки.

Я и так еле выкарабкалась. А точнее — ещё вишу в воздухе, как поникший парус в шпиль. Ни туда и ни сюда. И мне совершенно не нужны никакие отношения с мужчиной. Даже дружеские.

— До свидания, Илья Эдуардович, — кивнула ему и забрала руку из тёплой ладони.

— До встречи, Анна, — ответил он.

И пока я собиралась с духом сказать ему, что не нужно никаких встреч, его и след простыл. Уехал точно так же, как и появился — внезапно.

Никаких пауз. Никаких намёков. Только уверенность в том, что будет так, как он решил.

И я поплелась к подъезду. У меня оставалось несколько минут, чтобы подготовиться ко встрече со свекровью, которая — я была уверена — сейчас свернёт мне всю кровь и медленно высосет её через трубочку.

Лариса Сергеевна любила пунктуальность. Она появилась ровно в то время, на которое договаривалась.

Позвонила уверенным сигналом. Чтобы никто не сомневался: за порогом стоит она.

— Добрый день, Анна, — шагнула она в Машкину квартиру поступью королевы, как только я открыла дверь. Не спрашивая, естественно, можно ли войти.

— Чаю? — предложила я из вежливости и получила царственный кивок.

— Не откажусь, пожалуй.

Она шла и разглядывала квартиру с холодным интересом. Я бы не удивилась, если б она достала кружевной платок и приложила к носу. Весь вид её говорил, что ей здесь не

нравится.

Пока я ставила чайник на плиту, свекровь сидела на стуле и следила за мной взглядом очковой змеи — не мигая.

— Вот что, — сказала она, когда я поставила перед ней чашку с чаем, — присядь-ка.

Приказы, сплошные приказы. Но я села, конечно.

— Я знаю, что случилось, — сверлила она меня взглядом. К чаю и не прикасалась.

Пар вился над чашкой, размывая и так неидеальные черты лица.

Я впервые задумалась, на кого похож Вадим. Явно не на неё. Попыталась вспомнить, видела ли хоть раз фотографию его отца. Вспомнить не могла.

Он умер задолго до моего появления в жизни Вадима. И я о нём почти ничего не слышала. Ни плохого. Ни хорошего. Свекровь лишь изредка подчёркивала, что у них — идеальная семья. В отличие от моей — читалось между строк.

— И ты поступила, может, правильно, но неразумно, на эмоциях.

Я посмотрела на неё с удивлением.

— Вы считаете, что неразумно — уйти от человека, который тебя предал да ещё ударил?

Свекровь выпрямила спину.

— Я знаю. Это сложно. Узнать. Принять. Но Вадим не самый плохой человек на земле. К тому же — не тот мужчина, которого бросают лишь потому, что он оказался неидеальным.

— В вас сейчас говорит мать. Вы склонны его прощать. Я нет. Не в этом случае.

— Послушай меня, деточка, — наклонилась она вперёд. Так, что её грудь легла на край стола, — я пришла сюда потому, что ты совершаешь ошибку. А сын мой страдает. Будь моя воля — этот бы разговор не состоялся. А будь он умнее, послушался бы мать, когда я говорила ему не жениться так рано.

У меня глаза на лоб полезли.

— В двадцать восемь жениться — это рано, на ваш взгляд?

— Для мужчины — да, — уверенно кивнула она. — Но не о том речь сейчас.

— А о чём?

Не удивительно, что она его выгораживала. Удивительно, что пришла зачем-то беседовать со мной. Ведь я ей никогда не нравилась, и она не особо это скрывала. Да и сейчас не пыталась.

— О том, что вы семья. А семью нужно сохранять любыми способами, беречь и лелеять то, что у тебя есть и ещё будет. Жизнь длинная. И если каждый раз за любой проступок бегать из дома, то что оно в итоге будет? Вадим не пропадёт. А ты останешься одна, никому не нужная, в чужом городе, без средств к существованию.

Я не думала, что глаза мои могут ещё больше вылезти из орбит. Я даже рот открыла от возмущения.

Она что, считает, что я без её Вадички пропаду? Свекровь так расписывала мою никчёмную жизнь, будто видела, как я валяюсь у обочины нищая и бездомная.

— Я же вам никогда не нравилась, — решила я наконец-то на мужество. Перед глазами почему-то стояло лицо Рейнера. Наверное, это он своими разговорами толкал меня на бунт и смелость. — Вы же сами говорите: Вадим не пропадёт. Радуйтесь: у вас будет более достойная невестка.

— Мои предпочтения не играют роли, — тяжело вздохнула она. — Есть выбор моего сына. Я его уважаю. А он любит тебя, Аня.

Если бы посреди кухни сейчас сверкнула молния, я б и то удивилась меньше. Мне даже

в самом чудесном сне не могло присниться, что она способна произнести эти слова.

Глава 22

— Не понимаю, чего вы хотите?

— Понять. Простить. Вернуться в семью. Вадим... раскаивается. Искренне. Страдает наконец. А ты даже разговаривать с ним не желаешь.

Я сжала ладонями виски. Свекровь рвала шаблоны, но я не хотела понимать. Точнее, принимать всё это как должное.

— Он мне изменил, — произнесла тихо.

— Ну и что? — дёрнула свекровь бровью. — Он что, первый или последний мужчина, который оступается?

— Вы бы смогли? — решила надавить я на её эго.

— Смогла.

Это звучало без «бы». Это звучало уверенно.

— У всех семей однажды случаются кризисы. Моменты, когда кажется, что всё рухнуло или пропало. Трудности, которые нужно преодолевать. У кого жена посмотрела налево, у кого муж. Житейская история.

— Ну а я не хочу! Не хочу к этому относиться, как к обыденности!

— Ну и зря. В тебе бурлят эмоции. Это всё равно, что уйти от мужа за то, что он мусор отказался вынести. Глупо и неразумно.

Я смотрела на свекровь во все глаза. Она сейчас серьёзно? Но не похоже было, что она шутит.

— Не хотелось об этом говорить... Знаешь ли, почти все семьи переживают подобное, — снова повторилась она. — Думаешь, в моей жизни всё было гладко? Отец Вадима, царство ему небесное, тоже однажды повёл себя неподобающе. А у нас, между прочим, была образцовая семья. Душа в душу, можно сказать.

Вот оно что, оказывается...

— Я тебе больше скажу, — вела свекровь дальше свой монолог, потому что меня заклинило, и я никак не могла ни слова вставить, — он не просто оступился, а из семьи уходил к другой женщине.

— И вы простили? — наконец-то сорвалось с моих губ.

— Я не просто простила. Я боролась за нашу семью, как львица! — кажется, в её голосе прозвучала гордость. — Я вернула сыну отца. И всё у нас хорошо было. Думаешь, легко далось? Думаешь, это не задело меня? Не расплющило в какой-то момент? Но мы, женщины, — хранительницы очага. И кто, как не мы, обязаны поступаться всем ради семьи?

— Женщина обязана быть счастливой. А больше она никому ничего не обязана, — повторила я фразу, которую не раз говорила Машка.

— Ты подумай, — поднялась со стула свекровь. — Не пори горячку. Если бы не сын, я бы никогда не пришла сюда, — гордо задрала она голову.

Но ничего гордого в ней не было. Особенно после того, что она мне сказала. Она снова поступилась. Сделала не то, что чувствовала, а то, что обязана была. И то под давлением.

— Лично я уверена: всё в его жизни будет хорошо. И без тебя. Но не я это решаю. Он тебя любит. А я хочу сыну только добра. Будь моя воля... сумей я это всё переломить... — невольно сжала она кулаки, и я видела, как её затрясло.

Видимо, разговор дался ей нелегко. Особенно, учитывая, что меня она недолго любила.

— Спасибо, что пришли поговорить, — поднялась и я со своего места.

Свекровь метнула в меня убийственный взгляд. Наконец-то она походила сама на себя, а не на ту женщину, что ломала себя в угоду сыну.

Я не жалела её. Ни капли сострадания или сочувствия не чувствовала. Даже стыдно немного. Но слова её не убедили и не тронули. А, наверное, я ещё больше уверилась: не хочу прощать. И понимать — тоже. И то, что Вадим якобы раскаивался, не смягчило, не вызвало колебаний и душевных метаний.

Может, потому что слишком любила и доверяла ему. Может, поэтому — чересчур больно и обидно. А я при всей своей мягкости и бесхребетности всё же не безвольная кукла, не амёба. Не тряпка, о которую можно вытирать ноги.

Свекровь ушла, я закрыла за ней дверь и без сил прислонилась к стене.

В тот момент я поняла, что пора расставить всё по своим местам. Сделать то, что должна давно. Забрать вещи. Подать на развод. Решить вопрос с квартирой.

У меня не так уж много времени. И чувствую я себя уже вполне сносно.

И первое, что я сделала, — позвонила и договорилась посмотреть квартиру. А вечером набралась сил и ответила на телефонный звонок Вадима.

— Ну, наконец-то! — в голосе мужа чувствовалось и облегчение, и торжество. Наверное, он думал, что на меня благотворно повлияла Лариса Сергеевна. — Как ты, Ань?

— Здравствуй, Вадим. У меня всё хорошо.

Я сжимала в ладони телефон и чувствовала, как влажнеет кожа. Нет, это нелёгкий разговор. И, наверное, лучше было бы нам поговорить глаза в глаза, но на это я сил не находила. Уж лучше так. Маленькими шажочками. Как получается. Прячься не прячься — а нужно двигаться вперёд.

— Давай я приеду и заберу тебя? Прямо сейчас?

Напористый, как всегда.

— Не надо, Вадим, — перебила я его, потому что он что-то ещё говорил и, кажется, уже спешил одеться, чтобы брать быка за рога, пока я не очухалась.

Но всё заключалось в том, что я не мириться с ним собиралась. Отнюдь.

— Ну, хорошо. Тогда утром?

— Ни сегодня, ни завтра. Не нужно.

— А когда? — чуть растерял он свой радужный настрой.

— Никогда, — я всё же произнесла это слово. — Я думаю, что ничего не надо менять. Ничего не изменилось. Я была тебе хорошей женой. Хотела стать матерью нашим детям. И что уж — все эти дни я мучилась и гадала, что сделала не так. Что не предусмотрела, чего не предвидела. Почему случилось то, что случилось.

— Да перестань, Анна, — в голосе Вадима уже прорывалось раздражение. — Никто не виноват. Ну, кроме меня, конечно, — добавил он поспешно. — Я оступился. Но разве это повод бесконечно бить меня ногами? Я ведь тоже был тебе хорошим мужем.

Был. С этим не поспоришь. Как и с тем, что всё у нас уже в прошедшем времени. К сожалению.

— Я не вернусь, Вадим.

— Ты не можешь, не можешь так со мной поступить, Анна! — взорвался он. — Я не приму этого, так и знай! И развода тебе не дам! И уж если ты не хочешь бороться за нас, я буду бороться сам! За двоих! Ничего не закончилось, слышишь? Ничего не изменилось! Просто дай мне шанс! Один-единственный! Я о большем не прошу, Анна! Я дам тебе столько

времени, сколько нужно, чтобы ты отошла и простила! Ну нельзя же, нельзя из-за единственного проступка казнить сразу без суда и следствия!

— А он единственный, Вадим? Этот проступок?

— Да! — выкрикнул он, но по крохотной паузе, по заминке, я поняла: он лжёт. Он наглым образом лжёт.

— Знаешь, у меня было время поразмышлять. Думаю, это неправда. Иначе ты бы не приволок ту девушку к нам домой. Не стал бы делать этого, будь это один-единственный раз. Нашёл бы, где спустить пар. На стороне. Но почему-то это произошло именно у нас дома. Я не хочу знать твоих мотивов. И объяснений не хочу. Ты осознанно переступил черту. И да, я бы ничего не узнала, если б не вернулась домой пораньше. Но что случилось, то случилось. Отпусти меня, Вадим. Даже если ты меня сломаешь, ничего хорошего из этого не выйдет. Я буду помнить. Буду постоянно оглядываться. А я не хочу.

— Анна! Ну послушай же меня, Анна! — кричал мой муж.

А я только покачала головой и отключилась.

И только потом поняла, что плачу.

Чёрт, он снова довёл меня до слёз.

Я сказала ему «нет», смогла. Но душа, сердце продолжали болеть и рваться на части. Пять лет жизни не исчезают по щелчку наших пальцев. Счастливые моменты никуда не деваются. И, наверное, поэтому так невыносимо больно — до темноты в глазах.

— Прощай, Вадим, — произнесла я вслух, пытаюсь хоть как-то отпустить человека, которого любила, с которым прожила бок-о-бок не один год.

Глава 23

Квартиру я сняла. Мне очень понравился лофт под самой крышей. Меня не пугала высота. Мне нравилось небо из окон и лоджия, что целовала облака. Ещё одна крохотная комнатка, где можно было сидеть до холодов и дышать воздухом, строить планы и готовиться к урокам.

Мне нравилось светлое пространство и отсутствие лишней мебели. Здесь царилла какая-то аура, что была мне близка и понятна.

— Вау! — сказала Машка. — Я тебе завидую, Сотникова! Только ты могла урвать в этом районе подобное чудо! Знала бы — отбила у тебя территорию и застолбила бы навеки!

Нет, она, конечно, не завидовала. Грустила, что нам придётся расстаться.

— Я люблю тебя, — сказала я ей, перебираясь в квартиру под небесами.

— Ой, перестаньте, мадам! — закатывала она глаза. — Не терплю я всех этих телячьих нежностей!

Она любила. Просто никому не позволяла быть с ней нежными. Может, ей так проще выживать — не знаю.

— Мы теперь рядом, и сможем чаще видеться.

— Чаще видеться, Сотникова, — это когда ты просыпалась под моей крышей и шлёпала босыми ногами на кухню, сидела и пила утренний кофе. А так... снова будем больше на телефоне висеть да встречаться раз в две-три недели в кафе, где будем трескать пирожные и жаловаться друг другу на жизнь.

Я буду. Машка — вряд ли. Но это никак не сказывалось на моей к ней любви и на тепле, что я неизменно чувствовала, когда она рядом.

— Поможешь мне вещи забрать? — спросила, зная, что она с радостью и согласится и поможет.

— Ну, наконец-то! Решилась! Давно пора! Конечно, помогу! И уложить, и перенести. И машину подгоню прямо к вашему парадному подъезду.

А я почему-то представила, как эти вещи переносит Рейнер. Меня даже в жар кинуло. Я слишком много о нём думала в последнее время. Не специально. Но нет-нет да всплывал в моей голове невольно его образ.

Тем утром я подала на развод. Заполняла бумаги не дрогнувшей рукой, хоть на душе скребли кошки.

Нет, ничего не прошло даром. На словах я была твёрдой. На деле — сомневалась всё же правильно ли поступаю. Может, не стоило вот так. А потом перед глазами всплывала наша спальня, где мой неверный муж кувыркался с чужой женщиной, и сомнения уходили прочь.

Я не смогу. Просто не смогу всё это забыть. Наверное, даже через сто лет. Может, поэтому хватило сил довести дело до конца и не сдаться на полпути.

Да, наверное, стоило предупредить Вадима, но я не стала этого делать. Пусть уж лучше так. Он на работе. А я приеду днём. Лишнего не возьму — только личные вещи.

— Ну, что? — вздохнула Машка, заводя машину на подземную парковку. — С богом, как говорят?

Я кивнула. Спазм сжал горло. Нет, нелегко давались мне эти шаги. И возвращаться сюда — больно. И войти снова в квартиру — сродни подвигу. Но я должна это сделать.

Я долго не могла попасть ключом в замочную скважину. Руки дрожали.

— Ой, давай уже я! — забрала Машка у меня ключи. У неё получилось куда лучше, чем у меня. — Ну, и что за чёрт? — пыталась провернуть она ключ в замке, но у неё ничего не получалось.

Нехорошее предчувствие накрыло с головой.

— Дай-ка я, — протянула я руку и покрутила ключом туда-сюда.

Бесполезно. Подняла глаза на Машку. Та только головой крутнула.

— Вот гад, а. Замки сменил. Да хватит, не поможет.

Я всё ещё пыталась. Всё ещё не верила.

— Офигеть. Просто офигеть, Сотникова. Вот он — хороший Вадя во всей красе. Поехали отсюда. Будем думать, как быть.

— Нет, — тряхнула я головой, — нет. Там все мои вещи, ноутбук, конспекты. Мне скоро на работу выходить.

— Ну, позвонишь, попросишь аудиенции. Что делать? Сейчас ничего не добьёшься. Разве что слесаря вызвать. Так, мол, и так. Ключи потеряла. Или что-то вроде того наплести.

— Я не стану этого делать, Маш.

— Тогда хватит стоять и трясти эту чёртову дверь. Не поможет. Сезам не откроется.

Так мы и ушли не солоно хлебавши.

Машка молча вела машину. Губы в ниточку, брови нахмурены.

— А ну пошли! — резко притормозила она у ближайшего банкомата. — Карточки у тебя с собой?

— Д-да, — пробормотала я.

— Давай, надо попробовать, — показала она жестом, чтобы я поторопилась.

— Он не мог. Не мог со мной так поступить! — повторяла я снова и снова, пока рылась в сумочке.

Оказалось, мог. Деньги снять не получилось. Только рабочая карточка осталась. Но там денег немного.

— М-да, — сухо каркнула подруга, — не зря я тогда деньги сняла, ой, не зря. Заблокировал, сволочь.

Весь её вид кричал: «А я говорила!», но вслух она ничего не произнесла.

— Поехали отсюда. Будем думать.

Я шла за ней, как сиротливая собака. В машину села на автомате — ноги держать не хотели, стали свинцовыми.

— Что же делать... Я без вещей... Там ноутбук... конспекты... — раскачивалась я, как в транс.

— Что-что. Договариваться. Или гордо выкрутиться.

Машка вела машину, как гонщик — жёстко и упрямо. Злилась.

— В конце концов, может, у вас замок сломался! — выпалила она. — Ну, мало ли? Всякое бывает. Может, твой Вадя напился и дверь высадил с горя.

Я покосилась на неё недоверчиво.

— Нет, ну а что? Что мы сразу плохое думаем?

— У меня такое впечатление, что мы ролями поменялись. И карточки он мне тоже с горя заблокировал? С другой стороны, это его деньги. И уж коль я с ним развожусь... — махнула я рукой.

— О, да! Ты с ним пять лет прожила! И что, получается, ничего твоего нет? Всё его? А не жирно ему будет? Ты на шее у него не сидела, работала, в дом всё несла. Мелочное пузатое чмо — вот кто твой Вадик! Зря, зря ты побои не сняла! Мы б у него отсудили хотя бы положенное!

— Он не пузатый, — слабо улыбнулась я.

Вадима пузатым даже с преобладающим увеличением нельзя было назвать. Он всегда следил за фигурой, здоровьем. Правильно питался и не злоупотреблял.

— И вот кто его сейчас защищает? Душонка у него уродливая и пузатая! Даже расстаться по-человечески не может! Он даже лечение не оплатил! Твой Райдер оказался вполне нормальным, хоть и повёл себя изначально, как скотина.

— Рейнер, — кажется, Машка намеренно без конца коверкала его фамилию.

— Да хоть кот Пушок! — разошлась не на шутку подруга. — Зуб даю: он бы замки менять не стал и карточки блокировать — тоже.

— Мы этого знать не можем, — покачала я головой. Выдохнула и приняла решение.

— Я позвоню Вадиму. В конце концов, это будет намного проще, чем гадать и тратить нервы.

Глава 24

Вадим словно ждал моего звонка — ответил сразу же.

— Привет, Ань.

— Здравствуй, Вадим. Я приехала домой, хотела забрать свои вещи, но в квартиру попасть не могла.

— Приехала, даже не позвонив мне? — делано удивился он. — В то время, когда меня нет дома? Не согласовав предварительно?

Сказать, что я ошалела от таких заявлений, значит ничего не сказать.

Машка рядом буквально покрылась пятнами. Ещё немного — и взорвётся.

— Ты сменил замки, — не стала я отвечать на его вопросы.

— Да, дорогая. Это МОЯ квартира, — подчеркнул он, нажимая на нужное слово. И я бы не хотел, чтобы ты появлялась в ней без меня.

— И после этого ты говоришь о прощении? — тихо произнесла я.

— Ну, ты не захотела ни слушать меня, ни разговаривать. И не намерена прощать, возвращаться в семью. К тому же как-то некрасиво, Анна, что ты приходишь, как вор, втихаря.

Он не злорадничал. Отчитывал холодно, как девочку. В какой-то момент я почувствовала, что Вадим пачкает меня словами. Затошнило так, что я еле-еле сдержалась.

— Я поняла тебя, Вадим, — попыталась ответить спокойно и гордо, — думаю, мои платья будут тебе к лицу. Носи на здоровье.

Я отключилась. Целую вечность мы с Машкой молчали, а затем она прыснула и захохотала.

— Ты великолепна, Сотникова! Это ответ королевы!

— Понаехавшей нищевродки, — пробормотала я, прикидывая, как жить дальше.

У меня съёмная квартира. Я заплатила за три месяца вперёд, и денег почти не осталось. Так, крохи. Осень набирала обороты, а у меня в арсенале пара платьев, один костюм, одни туфли, не рассчитанные на лужи и дождь. Ни куртки, ни пальто, ни шарфа. Я уж молчу про нижнее бельё и средства гигиены.

Ни ноутбука, ни книг. Ни-че-го. И на карточке сущая ерунда.

— Эй, Ань, ты чего? — видимо, вид у меня тот ещё был. Машка смеяться перестала. — Ну, прорвёмся, подруга. Есть чудесные распродажи. Я места хорошие знаю, где можно неплохо приодеться за сущие копейки.

Она умела. Приободрить. Поддержать. Влить силы, которых у меня — на доньшке. Особенно сейчас, когда отчаяние накрывало с головой и мешало дышать. Может, поэтому её оптимизм никак не хотел заходить в моё сознание.

— К тому же, у тебя есть я. Помогу. Всем, чем смогу. И есть у меня отличный парень — гений рукастый. Торгует подержанной техникой. Будет тебе ноутбук, а всё остальное и в интернете найдём. Голова ж твоя никуда не делась? Всё при тебе. Ум твой не убежал. Я об одном печалюсь, что ты Вадю пожалела, не стала раздувать историю. А надо было всё же снять побои и ославить его на весь белый свет.

Я покачала головой.

— Это себя, прежде всего, ославить. Себя выставить на потеху жадной публике, которая мыла бы мне кости очень долго. У Вадима адвокаты, очень ушлая мама. Они перевернут всё с ног на голову, и я останусь виноватой, оболганной, бесправной. У меня нет ни сил, ни средств с ним бороться. И стать предметом сплетен я тоже не хочу.

— Вот поэтому всё так и случается, Ань. Боимся. Оглядываемся. Стыдимся. Спускаем с рук проступки. Позволяем страху управлять нашей жизнью. В то время как ты вполне могла бы и компенсацию с него стянуть, и на раздел имущества подать. И даже часть квартиры отсудить.

— Я не стану. Ты же знаешь.

— Вот и плохо. Одного такого бы Вадю проучили, может, другой бы поостерёгся так поступать, как он с тобой поступил.

— Пусть живёт, как хочет. Зато я полностью лишена иллюзий. Он никогда, никогда так не поступал.

— Но это всё в нём жило и никуда не девалось. Скотиной в одночасье не становятся. Может, там мама его поджужжала — не исключаяю. Но то, что он с гнильцой, видно и без подозрительной трубы. Это только влюблённая женщина склонна не замечать, на что-то глаза

закрывать, искать оправдания, когда вдруг хороший, милый муж превращается в рогатую тварь.

— Я больше ничего не ищу, Маш. Если Вадим задумал манипулировать мной, то ошибся. Наверное, он решил, что я пропаду без его денег. Я собираюсь выжить вопреки всему. Это... просто паника. Когда не можешь сосредоточиться и понять, что делать дальше.

— Если что, откажись от квартиры, будем жить вместе. Деньги вернут, пустим их на что-то более нужное.

— Нет, — стиснула я челюсти так, что даже зубы заболели, — пусть всё идёт, как идёт. Что ни делается — к лучшему. Отвези меня лучше домой. Я устала. А завтра что-нибудь придумаем.

— Я, короче, уже сегодня кое-что сделаю, — деятельная Машка не могла сидеть сложа руки. — Позвоню Альфе, пусть он тебе зверя подберёт. Ну, ноутбук то есть.

— Альфа?..

Машка хохотнула и закатила глаза.

— И не спрашивай, почему у него такое прозвище. Он совершенно не похож на альфаца, самый натуральный компьютерный задрот-гений. Худющий, очкастый, лохматый, немного не от мира сего. Но зато голова у него варит прекрасно. Не поверишь: я даже толком не помню, как его зовут. То ли Стасик, то ли Славик.

У Машки — бездна полезных и бесполезных знакомств. Куча знакомых на все случаи жизни. И стабильный затык на имена.

— Я ж в больнице работаю! — нередко поясняет она. — Через мои руки кто только ни проходит!

Если бы не она, ползти мне на пузе отсюда к родителям. Но это уже самый крайний случай.

— Значит так. Отдыхай, лечись, завтра увидимся! — командует очень деятельная моя подруга, когда доставляет меня прямо в квартиру. Сопровождает до самой двери, будто я сама не способна подняться на лифте и открыть ключом дверь.

— Спасибо тебе за всё, — целую её в щёку.

Машка неожиданно крепко меня обнимает. Для неё это не просто порыв. А что-то особенное, очень редкое, чего не дождёшься просто так.

— Прорвёмся, Ань. Всё у нас получится. Даже интересно выкрутиться.

— В самом крайнем случае, я позвоню Андрею, — вздыхаю тяжело.

У Машки ни один мускул не дрогнул. Только глаза стали темнее и взгляд ушёл в никуда.

Может, я выдумываю. Может, мне кажется. Но я всегда подозревала, что между моей подругой и старшим братом что-то было. Очень давно. И что Андрей — причина Машкиного одиночества. Но она не рассказывает. А я не спрашиваю. Не лезу в душу. Но надеюсь, что однажды она всё расскажет сама.

— Не надо Андрею, — срывается с её губ. — Мы сами уж как-нибудь. А то ещё прилетит, будет уму-разуму учить.

Да, он такой. Может. Но мне снова чудится: Машку не это заботит. А его внезапное появление. Кажется, кто-то боится этой встречи очень и очень сильно.

— Ну, я побегу, — суетится подруга и прячет глаза. — Дел полно, я позвоню вечером, ладно?

Я киваю и смотрю ей вслед. Провожая до лифта и слушаю, как скрипит кабинка, спускаясь.

В это время звонит телефон. Вадим. Ещё не всё сказал? Не всё забрал у меня?

Глава 25

Я перевела телефон в беззвучный режим. Пусть звонит. Я не слышу, мне всё равно. Надо бы его в чёрный список забросить, но я не спешу. Перед судом всё равно придётся как-то контактировать. Хотя, наверное, не стоит надеяться, что суд пройдет легко.

Вадим решил насладиться сполна. А поэтому... Нет, я не жду, что он сдастся. Он всегда был упрямым и целеустремлённым.

У меня впереди нелёгкий период. И дело даже не в том, что я осталась на мели. А в том, что мне предстоит вступить в противостояние.

Невольно вспомнился Рейнер. И его предложение. Рука потянулась к сумочке. Визитка его там. Лежит, никуда не делась. И такое искушение набрать его номер и попросить помочь.

Но любая просьба имеет цену. Может, только это и остановило меня. Я знаю, что он захочет взамен. А я... не готова. Не для меня вольные отношения. У меня никогда даже мыслей об этом не возникало.

Я замужем. Была. У меня муж. Был. Никто и никогда меня не интересовал. Я смотрела на мужчин, как на предметы интерьера. Что есть, что нет. До недавнего времени.

Рейнер меня волновал. Притягивал. Было в нём что-то загадочное и непонятное. И вся эта буря внутри — то холодно, то жарко, то в дрожь кинет, то сожмётся всё внутри — пугала меня. Я не понимала и не могла разобраться, чем таким он тянул к себе.

Я думала о нём. Не постоянно, но часто.

— Я не сдамся, — произнесла вслух и занялась подсчётами.

Что ни говори, а жизнь с Вадимом меня избаловала. Я могла бы составить сейчас длинный список бранных слов в его адрес, но одно знала точно: я ни в чём не знала отказа (если дело касалось меня лично), никогда не считала копейки, как сейчас, и не планировала свой бюджет в рамках жёсткой экономии.

В моей жизни бывали разные периоды. Но и всегда находилось плечо, на которое можно опереться.

Я могла позвонить родителям. Братьям. И нашла бы поддержку. Материальную — в том числе. Но в двадцать пять как-то неловко снова припадать к родительскому плечу. Это самый крайний случай.

Чтобы просить, нужно поделиться. Рассказать, что моё замужество закончилось, и я осталась у разбитого корыта: без квартиры, без поддержки, без денег, без ребёнка. Рассказать, что муж мне изменил и поднял на меня руку.

Кто-то назвал бы меня дурой. Но я не хотела рассказывать о проблемах, ныть, жаловаться, выворачивать душу наизнанку.

То, что со мной нянчились подруга и поневоле — Рейнер, жгло самолюбие. Я чувствовала себя голой и незащищённой.

Я не хотела чувствовать себя жертвой — и чувствовала. Может, именно поэтому не желала, чтобы жалели и помогали. Я так и видела жалостливый мамин взгляд. Хмурые брови отца. Кровожадные лица братьев, которые бы наверняка захотели наподдать Вадиму.

Андрей бы его точно закатал в асфальт. Старший брат вообще не отличался дипломатичностью. Внешне спокойный и даже флегматичный, он обладал взрывным характером, что вспыхивал внезапно и до небес. И тогда случались всякие катаклизмы.

Нет. Я не желала, чтобы вся семья втянулась в мои проблемы.

Мы созванивались пару раз в неделю. И я даже не заикнулась, что в моей жизни произошли перемены.

Сообщу потом, когда всё разрешится. Поставлю перед фактом — и бурю пронесёт мимо. Поволнуются, поахают — и всё успокоится.

Я вдруг поняла, что жизнь не остановилась. И что я вполне смогу выкрутиться, живя по средствам.

Я вела подсчёты с блокнотом в руках. Составила план, расписала бюджет, разложила деньги по кучкам, приплюсовала то, что осталось на рабочей карте. В очень крайнем случае можно влезть в кредитку.

Эти простые действия успокаивали. Ушли паника и растерянность. И уже не так болело в груди. Знала ли я человека, с которым прожила рядом пять лет? Могла ли я подумать, что он способен на жестокость? Может, как говорит моя Машка, всё — к лучшему? Иначе быть мне тенью при муже, который бы изменял, тиранил, выдвигал пустые претензии только потому, что я приелась, стала неинтересной... А я человек, личность!

Пуповину отношений рвать нелегко. Уходить тяжело. Оставлять позади кусок жизни — рвать с мясом по живому. Но лучше сделать это сейчас. И я даже благодарна Вадиму, что он показал себя не с лучшей стороны. Лишил иллюзий, что ещё жили во мне и заставляли сомневаться.

Спокойствие и уверенность, как и положено, разбились в прах, когда раздался звонок в дверь.

Я замерла. Провела рукой по лицу. Вадим приехал, чтобы окончательно меня добить? Нет, я не хочу с ним видеться. Смотреть в глаза. Разговаривать. Я не стала подниматься и красться к двери, чтобы проверить, кто там стоит. Я замерла, как кролик, и это мне не понравилось.

В эту же секунду завибрировал телефон. Чёрт. Хорошо хоть я звук отключила. Но на экране не Вадим, а Рейнер.

Имя его — как выстрел. То, чему я не могу сопротивляться. То, что гипнотизирует и тянет меня за собой. И я отвечаю, даже забыв, что там, за дверью, скорее всего, стоит мой муж.

Нажимаю на кнопку приёма вызова и молчу.

— Анна, я знаю, что вы дома. Откройте дверь.

Волна облегчения. Гора с плеч. Там не Вадим. Там Рейнер. И без разницы, зачем он пришёл. Но, кажется, в тот момент я даже не думаю об этом. Просто поднимаюсь и иду в коридор. Два щелчка — и в проёме дверей маячит высокая фигура. Рейнер.

Зачем он здесь? Я так и стою с телефоном в руках. Сердце грохочет в груди. Пульс бьётся в губах.

Он делает шаг, переступая порог. А я плююсь на него, как дурочка.

— С новосельем, — сухо поздравляет он меня.

Он следит за мной — доходит медленно, сквозь шум в ушах, сквозь грохот ошалевшего сердца.

Он проходит в комнату, не спрашивая разрешения, оглядывается. Это очень деловой взгляд, будто щупающий изъяны или несоответствия.

На его лице ничего не отражается. Он инспектирует. Но в этом изучающем взгляде нет ничего брезгливого или пренебрежительного, как у свекрови, которая почти так же оглядывала комнату, где мы жили с Машкой.

Я вспыхиваю, потому что его взгляд проходится по кучкам банкнот, разложенных на кровати. Я готова провалиться сквозь землю.

А затем он делает нечто немислимое — заглядывает в мой шкаф. Так, будто имеет на это право.

На вешалках — жалкая кучка одежды, которую мы купили с Машкой.

— Ты так и не забрала свои вещи? — спрашивает он, оборачиваясь ко мне. — Хочешь, съездим сейчас?

И это его обыденное обращение на «ты», словно так и надо, этот внимательный взгляд, приводят меня в чувство. Я наконец-то отмираю, готовая дать отпор, поставить его на место.

Глава 26

— Нет, — качаю я головой. — Вам не кажется, Илья Эдуардович, что это... несколько лишнее?

— Очень гордая девочка, — кивает он в ответ, и губ его касается всё та же кривая усмешка. Но она не издевательство, а скорее — удовлетворение. — Вообще-то я пришёл обсудить детали с поставкой лингафонного кабинета. Судя по всему, вы не собираетесь засиживаться на больничном, Анна Романовна. А я обещал и должен быть готов.

И то, как он подчёркнуто обращается ко мне на «вы», говорит о том, что он принял мою позицию. От этого узел в груди развязывается, но, как обычно, завязывается где-то гораздо ниже.

— Чаю? — спрашиваю из вежливости.

— Кофе, — шагает он в кухонную зону.

В лофте нет даже условных стен и перегородок. Здесь всё до безобразия просто. Но, к счастью, есть два стула. И две чашки тоже находятся.

С чаем и кофе тоже особых проблем нет — Машка позаботилась. И в холодильнике не пустота.

— Я сам, — говорит он и забирает из рук моих чашки.

Пальцы его касаются моих, и отчего-то слабеют колени.

Он по-хозяйски осматривает шкафчики. Уверенно, легко, будто это не мой дом, а его. Я мысленно благодарю Машку: кофе достаточно сносный. У нас с ней пунктик: мы любим молотые зёрна и таинство турки.

Вадим никогда не готовил. Ни кофе, ни еду. Я даже представить не могла до сегодня мужчину на кухне. Рейнер ломал все мои устои. Он смотрелся у плиты органично, будто там ему и место.

Он большой, а двигается легко. Всё у него, как надо. Он пиджак скидывает небрежно, возится с туркой, будто ничем другим в жизни и не занимался. А я сижу и хлопаю глазами. Смотрю на него и не могу отвести взгляд.

— Какой кофе предпочитаете, Анна Романовна?

— Мне всё равно.

— Тогда я сделаю, как и себе, — открывает он мой холодильник и достаёт сливки. — Скажу по большому секрету, — светятся иронией его глаза, — принято считать, что деловые мужчины должны литрами глушить очень крепкий кофе. На людях я придерживаюсь образа. А в жизни предпочитаю кофе со сливками. Теперь ты знаешь мою тайну.

Я вдруг поняла, что эти его переходы с «вы» на «ты» — почти интимный момент. У меня сердце в груди подскакивает.

— А с кабинетом дело обстоит так, — ставит он чашки и садится напротив, — нужна

комплектация. Я помню про пятнадцать мальчиков и двенадцать девочек. Но, насколько я понимаю, кабинет будет для всех.

Я с трудом фокусируюсь на нужных мыслях. Рейнер меня сбивает с толку. В его присутствии я, кажется, глупею.

— Да, пятнадцать плюс один. Классы делятся на две группы. Пятнадцати будет достаточно.

Рейнер кивает и делает глоток кофе. Чуть прикрывает глаза, наслаждаясь. Я прячу взгляд, потому что на него невыносимо смотреть. Кажется, у меня аритмия. И это немного пугает.

— Я распорядился. Это будет очень хороший лингафонный кабинет. С мебелью, интерактивной доской. Хорошая компьютерная техника и периферийные устройства, а также соответствующее программное обеспечение. Надеюсь, вы будете довольны.

— Спасибо большое, — не отрываю я взгляда от чашки.

Кофе в его исполнении хорош.

— Но, я так понимаю, лишь бы Анаконда была в восторге.

Это вызывает улыбку, и я не могу удержаться.

— Всё верно.

— Что касается всего остального... может, всё же съездим за вещами?

Можно было даже не сомневаться, что он спустит всё на тормоза.

Об этом нелегко говорить, но придётся.

Я выдыхаю, как перед прыжком в воду. Отставляю чашку и поднимаю глаза.

— Не надо, Илья Эдуардович. Мы с мужем решили, что ему к лицу мои платья.

Глаза у него темнеют, а лицо становится опасно хищным.

— Другими словами, он решил вас оставить без всего? Впрочем, я мог бы и догадаться.

— Другими словами, он сменил замки. Я была сегодня дома. И давайте закончим копаться в моей личной жизни.

Рейнер встал со стула и подошёл к окну. Вид у него непримиримый. Поза — вызывающая. Руки в карманах брюк. Плечи напряжены. Что он высматривает в окне?..

— А хочешь, я набью ему морду? — оборачивается он стремительно. Взгляд его буквально размазывает меня по стене — столько в нём жёсткости и холода. Но это не ко мне — я знаю. Не я вызываю в нём такие эмоции.

— Не хочу. Ничего не хочу. У меня одно желание — как-то перешагнуть через всё это и жить дальше.

— Я могу помочь, — делает он шаг вперёд и оказывается совсем рядом. Так, что я чувствую тепло, что идёт от его тела.

Пальцы его касаются моих волос, убирают прядь — нежно, почти невесомо. Сердце готово выскочить из груди. Ещё немного — и он меня поцелует — я ощущаю это.

— Не надо. Пожалуйста, — шепчу, задыхаясь. И даже не знаю — ответ это на его вопрос или нежелание того, что вот-вот случится.

Правда заключается в том, что я хочу. Почувствовать себя живой и желанной. И меня это пугает так, будто я собираюсь совершить преступление.

Он пропускает сквозь пальцы прядь моих волос. Я ловлю его жадно-голодный взгляд. И уже готова смириться, сдаться, когда Рейнер делает шаг назад. Отступает.

Снова отходит к окну. Я вижу его спину и слышу дыхание — неровное и тяжёлое. Он не скрывается — просто пытается прийти в себя.

И то, что он отступает, не настаивает на своём, трогает меня почти до слёз, что подступают очень-очень близко.

— Дай мне слово, — снова оборачивается Рейнер и сверлит меня тяжёлым мрачным взглядом. — Дай слово, что когда тебе понадобится помощь, ты позвонишь. Спрячешь свою чёртову гордость и нажмёшь на кнопку вызова!

— Хорошо, — киваю, пытаюсь протолкнуть комок в горле.

— Это не ответ. Дай слово! — требует он, и я понимаю, что лучше ему сейчас не перечить.

— Даю слово, — произношу почти покорно. Оказывается, это не так-то и трудно. А ещё я чувствую облегчение, будто он забрал часть моего груза.

— До встречи, Анна Романовна, — произносит Рейнер почти спокойно и весьма учтиво. — В школе, конечно же.

А затем он уходит. Я слышу, как за ним закрывается дверь в прихожей. И продолжаю стоять, не в силах пошевелиться.

Пальцы у меня дрожат. И внутри трясёт. И я без сил опускаюсь на стул. Трогаю чашку с остывшим кофе и провожу ладонью по лицу.

Наверное, мне не нужны сейчас эти сильные эмоции. Они высасывают меня до дна. И в то же время, наверное, они необходимы.

Я всё ещё живая. И, наверное, мне нравится быть живой. И желанной...

Глава 27

Рейнер

От Майской я выскочил на взводе.

Я уже не помнил, когда поступал столь нелогично и неправильно. И на всё плевать.

— В магазин! — рывкнул водителю. Тот и не пошевелился, чёртов истукан. — Женской одежды! — почти прорычал я, пытаюсь успокоиться.

Она умела доводить до ручки. Она умела зацепить за живое так, что дышать нечем. И как бы я ни злился, мне нравилось. Её сопротивление. Её незащитность и одновременно — сила.

Я уважал её. Она смогла уйти от своего мудака. Сделала всё правильно, как и надо поступать женщинам, которые попадают в сложные жизненные обстоятельства. Не терпят, а уходят.

Может, поэтому я не стал давить. Ни тогда, когда повёз её забрать вещи. Ни сейчас, когда хотел зацеловать до одури, до тумана в голове, когда только инстинкты говорят, но не разум.

Хорошая правильная девочка, собравшаяся в одиночку бороться с миром, который всегда неласков с такими, как она. С теми, кто не прогибается, не приспособливается, а выбирает пусть и непростой, но свой путь.

Наверное, именно поэтому я хотел ей помочь.

Да что я вру. Я просто её хотел. А всё остальное — уже детали.

Я покупал вещи так, будто сражался с врагами. Я помнил её фигуру, хоть почти и не прикасался к ней. Один раз, когда нёс на руках в беспамятстве, — не в счёт.

В такие моменты я похож на робота. Работает только подсознание. И никаких сомнений. Я видел, что ей понравится. Я знал, что ей подойдёт. И на всякий случай дал право выбора — и в размерах, и в расцветках.

Я купил буквально всё, кроме обуви. Но с этим она справится и сама.

Всё купленное барахло я отправил с курьером. Не поленился и записку приложить.

«Вы бы никогда не согласились. А я не привык спрашивать. Безусловно, вы отдадите долг, когда сможете. А сейчас просто примите эти чёртовы вещи и не думайте, на чём будете экономить. Не благодарите. Это моё решение, и не вам его оспаривать».

А ещё я сделал заказ продуктов. Пусть хоть какое-то время не ломает голову над ерундой. Ей нужно выжить, и она выживет, чёрт меня подери! Сама. Не унижаясь. Не прося. Не возвращаясь под крыло того, кто вынуждает её подчиняться.

О её мудаке Майском я тоже собрал досье. Куда более тщательное, чем на Анну. Я знал о нём буквально всё. Как он выглядит, чем занимается, чем дышит.

Я никогда не скажу этого Анне, но я вознамерился его уничтожить. Вот такой я засранец и сукин сын.

Может, небеса дают мне возможность наказать хоть одного мерзавца из миллионов, что понимают только язык силы. Я не смог сделать этого когда-то, но могу сделать сейчас.

К тому же, я вспомнил, где его видел. Как ни крути, а схожие сферы деятельности так или иначе пересекаются в разных плоскостях.

Мы даже вскользь были знакомы — представляли нас на выставке компьютерных технологий, что проходила с широким размахом пару лет назад.

С ним точно была женщина. Была ли это Анна? Наверное, нет. Я бы её запомнил. А может, сейчас так только кажется. Мы часто проходим мимо чего-то очень важного и не замечаем.

Как бы там ни было в прошлом, сейчас я знал почти всю подноготную Майского, копал под него и уже приблизительно нащупал слабые места, на которые можно надавить.

Он мог бы раскошелиться на кабинет для школы, где работает его жена. Его финансовое положение это позволяло. И тогда бы она никогда не пошла на тот приём, не пересеклась со мной. Но он и пальцем не пошевелил. И спасибо ему за это. Единственная благодарность, которую он заслужил. За всё остальное он тоже получит награду, только со знаком минус.

— Я разорю тебя, сукин сын, — произнёс вслух, чтобы услышать свой голос.

Получилось, как надо. Веским обещанием.

«А ещё набью морду» — это уже про себя. Анна не услышит, но это уже так, сугубо мужские разборки. Знать ей обо всём не обязательно.

Эдакая сюрреалистическая арена. Своеобразные гладиаторские бои. Кто-то копал под меня. Я копал под Майского.

За эти дни я понял одну простую истину: наступает момент, когда становится не безразлично, а как-то не слишком остро всё то, что происходит с тобой. Гораздо сильнее меня торкало, что творится сейчас с очень независимой девушкой Анной.

Наверное, я бы мог её очаровать. Пленить. Сделать своей. Но не хотел ломать или вынуждать под гнётом обстоятельств. Не тот случай. Я мечтал о другом. Подспудно. Неявно, на уровне инстинктов.

Я жаждал ею обладать. Но не сейчас, когда она потухшая и на перепутье. Я хотел, чтобы в ней горел ответный огонь. А на меньшее я не согласен.

«Спасибо», — прилетело мне в смс. И я выдохнул. Курьер получил чёткие инструкции, и я знал, что назад вещи он не возьмёт. Кроме тех, естественно, которые Анне не подойдут или не понравятся.

И одновременно — входящий звонок. Тот, который я проигнорировать никак не мог.

— Илюша, свет очей моих, а не забылся ли ты? — у моей прабабки голос, как у

прокуренного боцмана. Характер, впрочем, такой же — командирский.

— Привет, ба, — улыбнулся я невольно, — скоро буду, жди.

— Эту фразу я должна была услышать три дня назад. И не по принуждению, а по велению сердца!

Ей восемьдесят семь. С ногами уже плохо, а с головой — полный порядок. Хватает и ума, и сарказма, и яда, чтобы строить всех, кто остался в поле её зрения. К её великому несчастью, нас не так уж и много. Не столько, сколько бы ей хотелось.

— Вот Ромочка — молодец. Тебе у него поучиться, — включила она заезженную пластинку, а я невольно скрипнул зубами. — Каждый день звонит, умница наш. Не забывает меня. Он бог знает где — и помнит. А ты рядом — и ни гу-гу.

Слышно, как она стукнула тростью по полу. У неё она такая — серьёзная и грозная. Бабуля не стесняется трясти клюкой, порываясь треснуть меня, хоть её любимому мальчику уже тридцать пять.

— Не бухти. Я скоро буду. В отличие от Ромочки, я навещаю тебя пару раз в неделю. Но скоро свалится на твою голову неземная радость: Ромочка возвращается домой, так что посмотрим, как он будет не забывать приезжать к тебе.

— Как? Почему? Ты сорвал ребёнка с учёбы? — заволновалась моя бабулечка-красотулечка.

— Сейчас приеду — и всё расскажу.

Главное — вовремя отключиться, иначе допрос может вестись и час. Как и все старые одинокие люди, прабабка любит поболтать. А тут — повод. Великое событие. Любимый и единственный праправнук возвращается. Мой сын.

Глава 28

Анна

Невозможный, совершенно сумасшедший мужчина.

Он продумал всё. До мелочей.

Тактика хищника — сделать молниеносный бросок и завалить жертву, практически не прилагая усилий.

— Нет, — сказала я, как только курьер доставил мне купленные им вещи.

— Будьте любезны, — улыбался, как манекен, парень, наверное, чуть моложе меня, — я всего лишь выполняю свою работу и получаю за это деньги. Вы же не хотите оставить меня без зарплаты?

Он смотрел мне в глаза честно и невинно. Хлопал ресницами и растягивал старательно губы. Не удивлюсь, если Рейнер его и подкупил, и запугал, и дал чёткие инструкции.

— Вот, — протянул он мне записку с таким видом, как будто это волшебный пропуск, позволивший бы ему сбагрить купленное Рейнером барахло и со спокойной душой и совестью уйти.

Я смотрела на чёткие летящие буквы и слышала рейнеровский глубокий голос. Всё ему под стать. И стиль, и почерк.

Этот мальчик курьер с глазами летнего неба заставил меня всё перемерить. Часть вещей я отдала. Кое-что не село, кое-что просто выбрала.

Вначале я старалась быть скромной, а потом махнула рукой. Кое от чего невозможно отказаться. Раньше я, не задумываясь, покупала то, что мне нравилось. Сейчас же понимала: я слишком избаловалась и привыкла почти ни в чём себе не отказывать.

Рейнер дал мне возможность не стоять перед выбором. И я испытывала благодарность.

С курьером мы расстались тепло. Обоюдное удовлетворение. Я заполучила одежду, он — полагаю — хорошие чаевые за добросовестно выполненную работу.

Но на этом сюрпризы не закончились. У меня ещё щёки не отпылали, когда прибыла доставка продуктов.

Рейнер ко всему подходил основательно. А размахом. А я не знала, что с этим делать.

Да, я ему была благодарна. И да, меня это пугало: я приняла от постороннего мужчины помощь. Значительную помощь. И он вправе потребовать что-то взамен. Или преисполниться ожиданием моей благодарности.

И я не могла быть уверена, что он ничего не потребует. Разве что внутри жила отчаянная надежда: он не такой. Он другой. О, эта бесконечная вера в хорошее, в людей. Нет, я не научилась верить. Я немножко сломалась, чтобы доверять безоговорочно, как когда-то.

«Спасибо», — написала я ему в смс. Скупно, но по-другому не получилось.

Рассыпаться в благодарностях — не стоит. Промолчать — некрасиво. Лучше так. Хорошее доброе слово, в которое я вложила куда больше, чем в нём букв.

А потом я позвонила Машке. Сбивчиво рассказала и о приезде Рейнера, и о его помощи.

— Он на тебя запал. Впрочем, я уже это говорила, кажется. Ты его о чём-нибудь просила?

— Нет, — сжимала я в одной руке телефон, а другой трогала пылающую щёку.

— Ты ему жаловалась? Ныла? Сетовала? Рассказывала, какой Вадик козёл?

— Нет же. Хотя я сказала, да. Что не смогла забрать свои вещи.

— Но я уверена, ты не плакала, не стенала, не заламывала руки и не давила на жалость.

— Я не смогла бы. Ты же знаешь.

— Знаю, конечно. А поэтому — не парься. Он захотел тебе помочь? Прекрасно. Он ни о чём не спрашивал? Замечательно. Прими всё, что он посчитал нужным тебе дать, и поблагодари.

— Уже. Я написала ему смс.

— Всё. Выкинь остальное из головы и радуйся. У нас есть возможность купить тебе ноутбук получше, порыскать в поисках обуви и заняться куда более приятными вещами, чем, высунув язык, проходить квест «как прожить на энную сумму и не загнуться».

— Я не уверена, что это правильно. Мама учила меня не принимать подарки, которые я не смогу оплатить самостоятельно. Потому что жизнь устроена так, что иногда приходится платить. А у меня нет ничего. И платить придётся сама знаешь чем.

— Я бы сказала: меньше слушай маму. Но Ольгу Степановну я уважаю, она очень мудрая женщина — раз. А во-вторых... Я сомневаюсь, что твой Райдер что-то потребует взамен.

— Рейнер, Маш, Рейнер.

— Ну, да. Он самый. Я тебе так скажу: будь он скотиной, сразу бы предложил тебе своё покровительство в обмен на... список. Такие не мелочатся и многоходовочек не делают. В лоб. Конкретно. Покупают. Твой не похож. А если уж вдруг Райдер настолько извращенец, то ты всегда можешь вернуть ему вещи с припиской: женские шмотки вам к лицу. Как Вадимчику.

Машка умела подбодрить. И вроде всё правильно сказала, и одновременно расстроила. Гарантии, что Рейнер не выкатит список, не существовало. Но пока... может, и нужно поменьше думать об этом.

— А ещё он спросил, не хочу ли я, чтобы он набил морду Вадиму, — зачем-то очень коряво рассказала я Машке.

— О-о-о! С этого нужно было начинать! Великолепно! Знаю, что ты не позволила, добрая душа, но дай мне хоть пофантазировать, что Райдер твой не спрашивает разрешения, а просто идёт и чистит табло твоему неверному мужу!

— Даже не представляю, как бы это выглядело, — покачала я головой.

— Да нормально бы это выглядело. Красочно. И пусть бы Вадимчик сдох, воображая, как ты с этим красавчиком зажигаешь.

— Машка! — это был и вопль смущения, и неприятия.

— А что такого? Красивый большой самец. Богатый, успешный. Ты ему нравишься. Неужели нигде ничего у тебя не ёкнуло, глядя на него?

— Пустой разговор, — прервала я подругу. — Давай лучше завтра встретимся. Мне нужен ноутбук и кое-что по хозяйству. Я составлю список. К сожалению, у Вадима остались не только мои вещи, но и машина.

— Пф! Проблема! — фыркнула Машка. — Машину мы тебе тоже нарисуем. Есть у меня знакомый...

У Машки — куча знакомых, на все случаи жизни. Наверное, она могла и Луну с неба достать. Такая активная и деятельная... И такая одинокая.

Она что-то ещё рассказывала, а я рассеянно её слушала, в очередной раз обводя взглядом разбросанные вещи.

Правда заключалась в том, что у меня, кажется, ёкало, глядя на Рейнера. Но это то, что я хотела сейчас меньше всего. Но, может, это было именно то, что помогло бы мне разрезать невидимую пуповину, которая привязывала меня к Вадиму.

Нет, я не питала иллюзий. Особенно сейчас, когда он поступил со мной мерзко. И дело усугубилось не только его неверностью. Вадим сделал всё, чтобы меня оттолкнуть подальше.

Разлом ширился, пропасть росла. Но я всё ещё была его женой. И страшилась вступать в новые отношения, не разорвав старые.

Да и вряд ли то, что могло бы произойти между мной и Рейнером, можно назвать отношениями. Это будет скорее связь. Как у Вадима с его любовницей.

И всё внутри меня противилось этому. Я не готова. И неважно, что и где у меня ёкает.

Глава 29

Через неделю я вернулась на работу. Снова вошла в стены гимназии, чтобы преподавать. Ничего не изменилось за время моего отсутствия. И мир не рухнул. И замена нашлась.

— Ой, Ань, ты лучше не болей больше, ладно? — улыбнулась мне Ася Красникова.

Мы с ней работали на параллелях, по группам. А тут пришлось ей подхватить классы полностью. Для изучения языков, конечно, это не лучший вариант.

А я соскучилась. По шумным школьным коридорам, по детским голосам, по суматохе, звонкам на уроки и перемены. Я словно вернулась домой. В тот дом, где мне рады.

— Ой, Анна Романовна! А мы вас ждали! — скакала вокруг меня на одной ножке Саша Вострикова. В такт ей прыгали очки на носу и коса через плечо. — Без вас так пло-о-охо! — подлизывалась она по-детски, а я чувствовала вину, что бросила их, как беспомощных котят.

К концу дня я не чувствовала ног, но где-то в груди пушисто билось счастье — робкое и нежное.

Странные ощущения, особенно если учесть, что всё это время я искала и не находила никаких радостей. Пыталась, но никак не могла. А тут словно второе дыхание открылось:

устала, как собака, а улыбка с лица не сходит.

В конце коридора, у окна, маячит одинокая фигурка. И будто удар в сердце. Петя Самойлов. Тот самый, у которого отец из семьи ушёл.

Живо вспоминается первое сентября. Тогда я ещё не знала, что и меня постигнет та же участь, что и его мать. Как предупреждение. Как метка — воспоминания того дня. Будто специально попался мне на жизненном пути этот мальчик с непростой судьбой и маленькой трагедией.

— Петя? — окликаю я его.

Мальчишка оборачивается. Лицо несчастное, волосы торчком. Его бы давно нужно постричь... Глаза голубые-голубые и ресницы слиплись, будто он плакал. Но слёз не видно. Может, не успели упасть.

— Ты что тут делаешь? Домой давно пора.

У них же уроки закончились почти два часа назад...

— Я... не хочу домой, — судорожно сглатывает он.

— Давай я позвоню маме, — беру его за руку и веду за собой в столовую. Он же голодный.

— Не надо маме, — руку он не вырывает, но чувствую, как напрягается его ладошка.

Беру горячий чай и булочку — больше ничего не осталось. Повариха, тётя Катя, сокрушённо разводит руками.

Петя вначале и не ест, стесняется. Вижу только по глазам — хочет.

— Давай вместе, — делаю я глоток горячего чая. Я ведь тоже ничего не ела. У меня аппетита совершенно не было, пока пыталась выкарабкаться. Ещё и тошнило без конца, особенно первое время.

Я всё же не поверила тестам и сходила к гинекологу. Нет, я не беременная — и это совершенно точно. Во мне привычная пустота, и я не знаю, сможет ли она хоть когда-нибудь наполниться... Есть ли у меня шанс стать матерью вот такого же Пети... Или крохотной девочки.

Петьку наконец-то победил голод — он ест с таким аппетитом, что у меня невольно слёзы на глаза наворачиваются.

— Маме некогда, — болтает он ногой, шумно прихлёбывая горячий чай. — За мной папа обещал заехать. Но у папы работа, я его жду.

Кажется, ему хочется об этом поговорить. И я молчу, не мешаю.

— И вы Сашку не слушайте. Вострикову. Врёт она всё, — как-то по-стариковски смотрит он мне в глаза и вынимает душу своими синими озёрами. — Мой папка не уходил. Ну, то есть... не совсем, — опускает он вихрастую голову и ковыряет вторую булочку пальцем.

Ему всё ещё хочется есть. Но то ли опять на мальчишку накатило, то ли тема такая, что кусок в горло не лезет. У меня самой... и чай застрял, что уж говорить о мальчике, которому волей-неволей пришлось пережить всё это.

И, кажется, я впервые подумала: «Как хорошо, что у нас с Вадимом нет детей». Я не представляла, как ребёнку понять и принять, что папа с мамой разошлись, когда я, взрослая, так переживаю крушение семьи.

У Пети зазвонил телефон.

— Папа! — сияют счастьем его глаза. Он и о булочке забыл, и о чае. А я так и сижу с колом в горле — не продохнуть. — Пап, ты пришёл? — звенит Петин взволнованный

голос. — Да-да, я сейчас уже иду! Мы тут в столовой с Анной Романовной чай пьём! Пойдёмте, — протягивает он мне руку, — я вас с папой познакомлю!

И я иду. Теперь он ведёт меня за руку. Не знаю, зачем я это делаю.

По-хорошему, нам нужно познакомиться. Но видеть ещё одного мужчину, что предал семью, — почти невыносимо. И всё же я иду за мальчиком, который теперь бежит вприпрыжку и тянет меня за собой — нетерпеливо, возбуждённо.

— Папа! — бросает на крыльце он и меня, и ранец, что волок во второй руке. Кидается к высокому мужчине, что подхватывает его на руки и прижимает к себе, целует в вихрастую макушку, замирая на миг.

И в это мгновение я понимаю: он любит сына. Ему не всё равно, что происходит с мальчиком. Но это не заставляет меня поменять о нём мнение.

Он хуже Майского. Он предал не просто женщину, с которой делил постель. Он предал ребёнка, сына, что изо всех сил сейчас обнимает его за шею.

Миг прошёл. И Самойлов-старший поднял на меня глаза. Они у него такие же синие, как и у сына. То есть наоборот, конечно.

— Здравствуйте, — делает он шаг вперёд и чуть мешкает, не зная, то ли руку подать мне, то ли что-то другое сделать. — Я папа Пети, Володя. Владимир, гкхм...

— Анна Романовна, — представляюсь холодно. И, конечно же, не подаю ему руки. Имею право.

— Это наша классная, — громко шепчет Петька отцу на ухо.

— Да, я вижу, что классная, — глаза у Самойлова светятся улыбкой. — Ну, беги в машину, Петь, а мы немного поговорим с Анной гкхм... Романовной.

Кажется, я не хочу с ним разговаривать, но придётся. Это часть учительской работы, которую не выбирают.

Петька уходит без сожаления. Он радостно возбуждён. Ещё бы — отец наконец-то соизволил за ним прийти. Два часа спустя после занятий. Самойлов смотрит ему вслед, а затем поворачивается ко мне.

— Я бы хотел знать о нём побольше, — подбирает он тщательно слова. — У нас... непростая ситуация. Мы с женой расстались. И буду вам благодарен, если вы немножко его поддержите. Петя... очень ранимый. И тяжело переживает то, что с нами случилось.

Я настроена против этого статного красивого мужчины. Но он невольно вызывает симпатию. Не знаю почему.

Может, он и неплохой. Местами. Как и Вадим. Но то, что он сделал, вызывает протест. А я не могу, не могу показать своего отношения. Должна быть бесстрашной, не судить.

Не знаю, как найти этот баланс. Не накричать на него, например.

— Пройдёмся немного? — протягивает он раскрытую ладонь. А я не могу, не могу подать свою в ответ.

— Давайте, — принимаю решение и иду вперёд, так и не подав ему руки.

Невыносима сама мысль прикоснуться к мужчине, что не только жену обидел, но и сына предал. Мальчика, который беззаветно его любит.

Глава 30

Самойлов идёт за мной вслед. Затем догоняет, и вот мы шагаем рядом, направляясь к клумбам. Чуть дальше — школьный стадион, пустой сейчас.

— Вы не будете против, если раз в неделю я буду приходить?

Я смотрю на него с замешательством и удивлением, наверное.

— Это право родителей приходить в школу, интересоваться успехами своих детей.

— Да-да, конечно, — трёт он лоб. — Раньше этим занималась жена, а я как-то... не то чтобы не интересовался. Просто это было... распределение обязанностей, что ли. Я зарабатывал деньги, она занималась домом и ребёнком. Поэтому для меня всё, как в первый раз. И, наверное, я могу задавать какие-то глупые вопросы. Или спрашивать об очевидных вещах. Но мне очень нужна обратная связь.

Он тяжело вздыхает, закладывает руки в карманы брюк. Осенний тёплый ветер треплет его волосы. Ещё пока тепло. Наверное, последние деньки, когда можно насладиться хорошей погодой. Но мне холодно изнутри, хочется поёжиться.

— Скоро у нас будет родительское собрание.

— Нет, это не то, — качает он головой.

— У нас есть родительский чат, я могу вас подключить, — чувствую собственную беспомощность, потому что не желаю часто видеть этого мужчину. — В конце концов, есть мой телефон. Вы всегда можете позвонить и поинтересоваться ребёнком.

— Я буду приходить, — упрямо сжимает он губы и становится суровее и старше, чем есть на самом деле. — Мне это нужно. И Пете, наверное, тоже. Я пойду. Петя меня заждался. До встречи, Анна Романовна.

Он уже не протягивает руку, кивает и уходит. Шаг у него широкий, твёрдый. И я снова ловлю себя на том, что чувствую к нему симпатию. Он чем-то сейчас похож на сына: такой же одинокий, хоть я знаю, что это далеко не так.

Пора и мне домой. Я возвращаюсь в школу, чтобы забрать из кабинета сумочку. Уже на подходе слышу, как разрывается мой телефон.

В последнее время каждый звонок вызывает во мне протест. Несколько раз в день, как часы, звонит Вадим. Я не отвечаю, а он продолжает звонить. Словно пытается этими звонками выбить меня из равновесия.

К счастью, это не Вадим.

Рейнер. Снова что-то сжимается в груди, когда я вижу на дисплее его фамилию.

— Вас не поймать, Анна Романовна, — вливается в меня его глубокий голос, как только я отвечаю на телефонный звонок.

— Простите, была занята.

— С выходом. Именно поэтому я вам и звоню. Как вы смотрите на то, чтобы завтра мы организовали доставку кабинета?

— Завтра?..

Я вдруг с ужасом понимаю, что ни слова не сказала Анаконде.

— А зачем тянуть? После уроков, разумеется. Чтобы не нарушать учебный процесс, — в его голосе явственно читался весёлый сарказм.

— А как же красная лента? Вспышки фотокамер? Прочувствованная речь? — не удержалась и я.

Рейнер расхохотался.

— Умеете же вы, когда хотите, Анна Романовна, подчеркнуть, что я зануда, сноб и вообще равнодушен к почестям. Думаю, всё организуется неким волшебным образом. Речь я заготовил. Длинную. На полчаса. Слушать не переслушать. Так что готовьтесь. И попрошу не зевать. Кого поймаю за этим постыдным делом — кара будет страшной.

— Поставите в угол?

— Не исключено.

— Учтите: это непедагогично.

— А я и не педагог, если вы успели заметить. К тому же, спонсорам прощают некие вольности. И даже поощряют.

— Я могу для вас нарисовать медаль. На цветном картоне.

— Лучше орден. Я тщеславен. Медаль как-то мелко.

— Тогда уж звёзды на погоны и в лоб. Чтобы все ослепли от вашего великолепия.

Он хохотал заразительно. Вкусно. И с ним... было легко.

Совсем не тот мужчина, о котором я читала в интернете. И далеко не тот чужак, что рассматривал меня в туалете на закрытом приёме.

Как иногда легко мы судим. Как часто ошибаемся.

Но что касается Рейнера... Нет, я понимала: он далеко не со всеми такой. И то, что приоткрывалась в нём дверца, куда не каждому дано заглянуть, и льстило мне, и вызывало любопытство, и волновало.

— Предлагаю пообедать, — резко, без перехода.

— Спасибо, но, наверное, не стоит, — покачала я головой.

— Трусиха, — в его устах обидное слово звучало мягко и нежно, что ли.

И я действительно струсилась. От мурашек по коже. От узла в животе. От сердца, что рвалось на волю.

— До завтра, Илья Эдуардович, — проговорила скороговоркой и отключилась.

Нужно отдышаться. И зайти в кабинет Анаконды.

Анна Кондратьевна изображала вид очень занятой деловой женщины. У неё была эта фишка: вечно занятая, никому не входить, всем ждать на задних лапах. Секретарь Валя только руками развела: мол, очередной приступ, жди.

Часы уже показывали почти четыре часа, рабочий день заканчивался даже у главы этого заведения, но нет же: дела и заботы у Анаконды не заканчивались.

Я устала, хотела есть. Чай и булочка будто в бездну провалились. А дома шаром покати.

Надо было согласиться на обед-ужин с Рейнером, — подумалось с тоской. Хотя нет. Лучше не надо.

Как унылая лошадь я покорно присела на стул, дожидаясь аудиенции у королевы. Можно и завтра ей сказать. Но завтра будет поздно. И я получу вместо благодарностей нахлобучку.

Правда, я вообще не уверена, что меня похвалят. Но я и не для того старалась, не для галочки. Хотя и для неё тоже. Если уж совсем честно. А я как раз люблю покопаться в себе и ответить без лжи на все сомнения...

— Майская? — привёл меня в чувство голос Анаконды. — Заходи!

Вид у неё был такой, будто она не знала, что я тут задницу отсиживаю. Вроде как неожиданно увидела и пригласила. Вот эта её двуличность всегда поражала, но ничего с этим поделать нельзя. Только пережить, как буря или дождь.

— Надеюсь, у вас веская причина оторвать меня от работы.

Внутри что-то шевельнулось. Наверное, злорадство.

— О, да. У меня очень веская причина, — проговорила я с нажимом, самая поражаясь собственной дерзости.

Анаконда посмотрела на меня поверх очков долгим замораживающим взглядом.

— Ну, проходи, коли так.

Королева, да. Не иначе. И я переступила порог её святилища.

Глава 31

— Если можно, то покороче.

Ну, как скажете. Я и сама рада отсюда уехать поскорее.

— Если совсем коротко, то господин Рейнер завтра, после уроков, разумеется, чтобы не нарушать учебный процесс, готов подарить нашей гимназии лингафонный кабинет.

Это был очень хороший удар. Анаконда замерла. Уставилась на меня, видимо, переваривая информацию, а затем стащила с носа очки.

— Как завтра?

— Ну, вот так, — развела я руками.

— Это шутка, Майская? Почему вы раньше об этом не сказали? Вы же говорили, что он отказал?..

— А потом подумал и согласился. Я же не могла сказать ему «нет»?

— Какой «нет»! — буквально подпрыгнула директриса. На щеках у неё разгорелся румянец. — Почему ж вы до сих пор молчали?!

— Буквально несколько минут назад, — посмотрела я на часы. — А, нет, простите. Плюс ещё время, что я сидела у вас в приёмной... Илья Эдуардович позвонил и сообщил о своём решении посетить стены родной школы, а заодно сделать подарок.

— О... о... о! — заметалась директриса по кабинету. — И он будет? Придёт?

— Думаю, да, — на всякий случай, сказала осторожно. А то мало ли...

— Завтра... Нужно ж продумать, куда разместить кабинет...

Я даже оторопела от этого заявления.

— Помнится, мы говорили о лингафонном кабинете для моих учеников. А значит установим его в моём кабинете.

Анаконда скользнула по мне нечитаемым взглядом.

— Мы говорили, милочка, о кабинете для школы. И, как известно, у нас языковая гимназия, а значит, кабинет — для всех учеников. Не только ваши здесь обучаются. К тому же, есть более достойные учителя, с категориями и званиями. С большим опытом, чем вы.

И тут меня накрыло. Иногда так бывает. Очень редко. Обычно я впадаю в ступор и не могу дать отпор. А в исключительных случаях я становлюсь непробиваемым роботом. Терминатором, что пройдёт сквозь огонь и не поморщится.

— Анна Кондратьевна, — отчеканила я. — Лингафонный кабинет для школы, который подарит господин Рейнер, — это моя заслуга. А не учителей с опытом, регалиями и категориями.

— Пф! — махнула директриса рукой. — Ну какая заслуга, милочка? Всего-то попросила.

— Ну, так почему ж не попросили ваши именные с регалиями? — стояла я на своём. — Или почему этого не сделали вы? Потом с чистой совестью наделили бы этим приобретением кого захотели.

— Ты посмотри, как мы заговорили-то, — снова напялила она очки и рассматривала меня, будто я грязь, неизвестно откуда взявшаяся в её святилище. — Не рано ли, милочка, перья распускаете? У вас трудовой стаж — три года всего. И не вам бы права качать.

— Не три, а почти пять, — решила я бороться до конца. — И в этом году я аттестуюсь.

— Ну, это если сможете, да, — показала Анаконда зубы в хищной усмешке. — А то это ещё и вилами по воде писано. Аттестационная комиссия может решить, что вы не достойны повысить категорию. Не доросли.

— Доросла. И до кабинета — в том числе, — гордо выпрямила я спину, понимая, что только что нажила себе врага.

Впрочем, Анаконда и благосклонность — вещи почти несовместимые. К тому же, я точно знала: за моей спиной — Рейнер. Тот, кто не даст меня в обиду и на прокорм змее, которая обязательно в этот раз подавится и не сможет переварить. О будущем я не думала. Не сейчас, когда боролась за собственное достоинство.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — прошипела она, и сверкнула глазами из-под стёкол очков.

— До завтра, Анна Кондратьевна, — попрощалась я и вышла из её логова.

— К чёрту всё, — бормотала я себе под нос, наконец-то покидая стены этого гадюшника.

Домой. Успокоиться. А дальше будет видно.

— Анна! — и как стрела огненная в сердце.

Он стоял у машины, ветер трепал его волосы.

— Я всё же решил, что пообедать или поужинать будет нелишним.

Наглый. Кривая усмешка на губах. И глаза, как у избалованного кота, который точно знает: ему обязательно почешут за ушком и дадут самую вкусную еду.

— Садитесь в машину, — открыл он дверцу, приглашая. Ну, почти. То ли приглашение, то ли приказ.

— У меня своя, — покачала я головой, пытаюсь всё же и ему противостоять.

— Садитесь, — нет, это всё же приказ. — А с вашей машиной мы что-нибудь решим. Отдайте ключи, — протянул он руку.

И я вложила в его ладонь ключи от машины, которую подогнал Машкин знакомый по дружбе.

— Не машина, а зверь! — расписывал товар этот весёлый пройдоха и фальшивил под нос: «Я некрасивый, может быть, снаружи, зато душой красив наверняка!».

Мелодию он перевирал, в остальном сказал чистую правду: машина выглядела неказисто, зато ездила исправно и обошлась нам почти даром. За символическую плату в прокат.

И сейчас ключи от этой «оборванки» я вложила в ладонь Рейнера.

Он даже глазом не моргнул, когда увидел это чудо света. Зато его охранник, которому приказали отогнать мою лошадку к дому, стиснул челюсти так, что я испугалась за сохранность его зубов.

Рейнер выглядел устало. Тёмные круги под глазами, будто он не спал несколько дней.

Сел рядом, расслабился и даже глаза прикрыл. С ним спокойно. Почему-то очень спокойно. И я тоже позволила себе расслабиться, отпустить напряжение этого дня, забыть о разговоре с директрисой.

— Как ты? — накрыла его ладонь мою. Будто так и надо. Словно возможность влить силы, которых ни у него, ни у меня не осталось, но рука в руке — и, кажется, становится легче дышать.

— Всё хорошо. Обычные рабочие будни.

Жутко хотелось наябедничать на Анаконду, но я сдержалась.

— Мужественная девочка. Не хочешь жаловаться?

— Нет, — тряхнула я головой. — То есть не на что.

— Лгунья. Я видел твоё лицо, когда ты выскочила на порог этой элитной клоаки.

Я не сдержала испуганного смешка.

— Во главе которой — даже представить страшно — Анаконда.

Его пальцы легко прошли по моей шее, очертили скулу, зацепились за локон. Я прикрыла глаза, чувствуя, как, разгоняясь, грохочет сердце. Наверное, так громко, что он тоже слышит.

В тот миг мне это было нужно. Он словно стирал неприятности этого дня, дарил невесомую ласку, распутывал узлы и давал кислород... которого стало не хватать, когда его губы накрыли мои.

Глава 32

Рейнер

Это как разряд тока по оголённым нервам.

Это как глоток воздуха, когда выныриваешь из воды, где пробыл очень долго.

Я не собирался её целовать, но как удержаться? Как обуздать себя, когда только мысли о том, чтобы хоть на миг прикоснуться и понять: так ли сильна эта тяга? Так ли оно прекрасно, как я себе вообразил?

Это было лучше. Гораздо лучше, чем я думал.

Это когда без слов, потому что и так всё понятно.

Это когда хочешь женщину до звёзд в глазах — и не позволяешь себе лишнего, потому что она доверяет тебе. Пусть на миг. Пусть в минуту слабости, когда ей хочется просто заботы и участия.

И сквозь рёв яростного огня, что бушевал во мне с неистовой силой, я это понимал.

Я бы хотел продлить поцелуй на целую вечность. Я бы уволок её подальше и сделал своей. Любил бы так, чтоб она забыла, кто она и где. И выкрикивала в экстазе только моё имя, сдаваясь, покоряясь, растворяясь во мне.

Вместо этого я отступил, ощущая, как сводит судорогами неудовлетворённости тело.

— Ничего не говори, — провёл большим пальцем по её губам, запоминая их изгиб и мягкость. — И ничего не бойся. Я тебя никогда не обижу.

И она молчала, не поднимая глаз. Я только слышал её дыхание да стук сердца. Для этого, оказывается, не обязательно прижимать к себе женщину. Это, оказывается, можно услышать и на расстоянии.

Мне не хотелось, чтобы кто-то из нас испортил этот миг. Ни я своей первобытной похотливой грубостью. Ни она своими «простите-извините».

К счастью, ничто не нарушило ту гармонию, которую я ощущал.

— Я подъеду завтра к трём. Торжественно вручу документы на кабинет. Со мной будет бригада специалистов, которые установят мебель и оборудование.

— Спасибо большое, — вздохнула она как-то нерадостно. И улыбка у неё горьковымученная. Кажется, я догадывался, что за этим скрывается, но расспрашивать ни о чём не стал.

Она не захотела поделиться. Очень упрямая и скрытная девочка. Загадка. Ребус. И, может, поэтому тянуло к ней ещё больше.

Открыто-закрытая. Как на ладони, и в то же время — только догадываться, что у неё в голове.

Наверное, мне приятно было бы взять её груз, печали и проблемы на себя. Опекать. Заботиться. Сдувать пылинки. Не по принуждению, а по собственному желанию.

Сколько их прошло рядом, но мимо? Женщин, которые нуждались во мне? А я

тяготился любыми отношениями, которые таили хоть намёк на серьёзность.

Гораздо проще быть сторонним наблюдателем. Быть щедрым, но далёким. Не втягиваться во что-то поглубже. В то, что раньше казалось непроходимой трясинной.

Сейчас же я тонул добровольно и знал: эта женщина способна подарить воздух, но не спешит им делиться. Не из вредности. Из осторожности или по каким-то ещё причинам, понятным только ей одной.

— Я выбрал небольшой ресторанчик, — зачем-то пояснил, когда машина наконец-то остановилась. — Подумал, что тебе здесь понравится.

Ей понравилось. Я чувствовал это по её дыханию и улыбке. Уже совершенно другой. Немного радостной и слегка восхищённой.

— Выберешь сама или позволишь сделать заказ на мой вкус?

Кажется, я никогда и никого об этом не спрашивал. Либо действовал сам, либо позволял выбирать самостоятельно, не заботясь и не интересуясь.

— Сама, — легко подхватила она меню, — и позвольте мне оплатить свой заказ.

— Не позволю, — кажется, её независимость меня задевала.

Впрочем, меня задевало всё, что касалось этой девушки.

— Илья... — подняла она глаза, и я понял, что сейчас получу выговор. О, это строгие учительские глаза. Этот воистину профессиональный взгляд!

— Стоп! Вот так хорошо. Мне нравится, как вы произносите моё имя.

— Послушайте, Илья, — маленькая победа, крохотная уступка с её стороны, — я очень благодарна вам за всё. Не только за то, что вы сделали для школы, но и...

— Я ещё ничего не сделал для этой чёртовой школы. И — откровенно — вряд ли бы сделал. Я ни разу не переступал её порог с тех пор, как получил аттестат о среднем образовании.

— Неужели всё настолько плохо? — кажется, она мне сочувствовала.

— Не настолько. Но я переступил и забыл. Не был изгоем, непонятым гением. Но и пай-мальчиком меня тоже трудно назвать. Однако, как и многие в том возрасте, я мечтал вырваться и начать иную жизнь. По другим правилам и без душного давления со всех сторон.

— Получилось? — разглядывала она меня, подперев подбородок руками, сложенными в замок.

— Вполне. Я избавился от опеки человека, который не давал дышать, и осуществил мечту. И жалел, что не сделал этого раньше. А чтобы предупредить ваши «но и...», скажу одно: я сделал то, что посчитал нужным. И ничего не потребую взамен. Не мучайте себя. Здесь неуместны угрызания совести, чувство вины, сомнения. Ответьте на один вопрос: как бы вы поступили, если бы видели, что кому-то плохо?

— Я не знаю, отдала бы я последнюю рубашку.

— У меня она не последняя. Далеко не. Так лучше? Ну, и не идёт речь о помощи всем. Это невозможно. А помочь тем, кто рядом, вполне реально. Вы бы сделали это не раздумывая. Я уверен.

— Мне кажется, вы преувеличиваете мои душевные качества.

— Скромность вам к лицу, Анна. И умение преуменьшать собственную значимость — тоже в наличии. Вы определились? — кивнул я на её меню.

— Да, вполне.

Это был очень спокойный ужин. Она меня умиротворяла. Даже беседа на общие темы не напрягала, а наоборот — развязывала узел напряжённости, что не отпускал меня уже

которую неделю.

Я бы хотел знать о ней побольше. И поэтому изредка задавал вопросы, подталкивая её к откровенности.

— В какой семье вы выросли?

Не праздный интерес. Часто именно в этом кроется либо слишком много, либо слишком мало. А иногда — чересчур страшно.

— В большой, — эта тема не вызывала в ней плохих эмоций. — У меня и папа, и мама, и трое братьев.

Улыбка её сказала о многом. О теплоте. Любви. Доброте. О благодарности и желании оградить, уберечь от плохого.

— Они не здесь, — добавила она торопливо. — И если бы знали, то помогли бы обязательно. Но я не хочу их беспокоить, понимаете?

Я понимал. И да. Она хотела противостоять всему миру в одиночку.

Отчаянная девочка, способная взять на свои плечи непосильный груз и рухнуть под ним, чтобы погибнуть.

Только я допустить этого не мог. Никак. Она стала мне нужна — эта идеалистка с чистыми глазами. С наивными принципами и верой во всемирную справедливость, которой, как известно, нет и быть не может.

Нужна. Потому что это и мой шанс не заржаветь окончательно. Не потерять остатки того, что ещё не погрязло окончательно в коросте цинизма и равнодушия, жестокости и безразличия к миру и людям, которых я в какой-то момент перестал и чувствовать, и замечать.

Глава 33

Анна

Рейнер больше не касался меня. Не считая того жадного, иступлённого поцелуя в машине, он вёл себя очень корректно и цивилизованно. И, может, именно это расположило к нему ещё больше.

С ним легко. С ним надёжно. Я ощущала его негласную поддержку, и это делало меня сильнее и увереннее.

Я вдруг подумала: он не навязывался. Просто был рядом. И по большей части — невидимо. И это не вызывало во мне отторжения. В Рейнере не чувствовалось святости, однако где-то в глубине души он ассоциировался с ангелом-хранителем, который готов был подхватить меня, если я вдруг оступлюсь, споткнусь и стану падать. Он не даст.

После ресторана он подвёз меня до дома.

— До завтра, Анна.

— У вас плохо с «завтра», — слабо улыбнулась я ему. — Каждый раз ваше «завтра» оказывается чуть раньше положенного.

— Вы пугаете, — невозмутимо возразил он. Это мои «до встречи» не совпадают, а с «завтра» мы вполне дружим. Завтра — это скоро, до встречи — не всегда. Пойдёмте, я провожу вас.

— Не надо.

— Надо, Анна, надо. Я знаю, что вы умеете давать отпор, но позвольте вас проводить. Для моего же спокойствия. А то не усну, а завтра буду зевать. Как я, по-вашему, буду выглядеть в глазах восторженной публики?

— Главное, не клоните носом во время вашей прочувствованной речи на полчаса.

— Мне простят, даже если я захраплю.

Я улыбалась. Наверное, до ушей. Мы стояли возле подъезда, и не хотелось с ним расставаться. Не хотелось оставаться наедине со своими мыслями и проблемами, потому что ещё немного — и он останется здесь, а я поднимусь на последний этаж, окажусь снова в своём немного тоскливом мире, где только я и стены. Но позвать его к себе на кофе я не могла.

— До встречи, Илья.

Так приятно произносить его имя...

— Вот, значит, как? — ударил в спину очень знакомый голос. — Вот, значит, как, да, Анна?

Я обернулась. Вадим стоял, как скала. Взбешённый, напряжённый, словно зверь, готовый кинуться и разорвать.

Я невольно поёжилась, вспомнив, как он меня ударил. Неужели это всегда сидело в нём, а я не видела, не понимала?..

— Из дома убежала. На звонки не отвечаешь. Нашла себе получше объект? Может, это не я тебе изменил, а ты мне? Искала повод и нашла?

Я стояла униженная, раздавленная, почти уничтоженная. Некрасивая сцена разворачивалась у Рейнера на глазах...

— В чём дело, любезный? — холодно поинтересовался он.

Его ладонь решительно коснулась моей руки.

— Аня, отойди, пожалуйста, — обратился он ко мне.

— Не надо, Илья, — почти прошептала я, но он только головой качнул и, не колеблясь, сделал шаг вперёд, оттесняя меня за спину.

— Она моя жена! — заявил Вадим. Голос его звенел от ярости. — Иди отсюда, я со своей женой сам разберусь!

Он толкнул Рейнера в грудь. Тот чуть покачнулся.

— Вадим! Прекрати! — попыталась я вклиниться между ними, но Рейнер не дал.

— Аня, пожалуйста, — прорезался в его голосе такой металл, что я попятилась.

Он вовсе не походил на того мужчину, что хохотал над моими словами, язвил или вёл лёгкую беседу.

Лицо его стало жестким, скулы обострились, а взгляд буквально диктовал: смирись, поступи по-моему.

Не знаю, испугалась ли я. Скорее, да. Но в тот момент я могла действовать только на инстинктах: подчиниться его голосу, не лезть, отойти в сторону.

— Ты откуда такой взялся? — продолжал разоряться и наезжать Вадим.

Я никогда его таким не видела. Он вёл себя... мерзко. Грязно. Задибался, как уличный бандюган, и продолжал толкать Рейнера в грудь. Тот стоял, не сопротивляясь. Но вся его поза говорила не о подчинении, а о готовности дать отпор.

Они приблизительно одинаковые. Может, Вадим чуть выше, а Рейнер — чуть шире в плечах.

— Давай, давай, вали отсюда! — не унимался мой всё ещё муж.

— Оставь Аню в покое, — это уже Рейнер. Спокойный, как никогда.

— Это я оставь? Да ты оборзел! Это ты давай топай и побыстрее!

Толчок Вадима в этот раз был настолько сильным, что Рейнер пошатнулся и сделал шаг назад, будто специально открываясь для удара. И Вадим не стал ждать — замахнулся.

Рейнер легко поймал его руку и сжал запястье. Вадим пыхтел и багровел, пытаюсь вырваться. А я стояла и смотрела на всё это, хлопая ресницами. Не могла взгляд отвести. На меня свалился тот самый ступор, что нередко нападал в пиковых ситуациях. Меня словно парализовало.

— Я бы посоветовал забыть сюда дорогу, — клонил Рейнер Вадима к земле. Тот сопротивлялся и не сдавался. — Забудь, что у тебя была жена. Она больше не твоя.

— Да ты чокнутый! Сам вали подобру-поздорову! — крутился и махал свободной рукой Вадим.

В какой-то момент Рейнер его отпустил и Вадим этим воспользовался — нанёс удар. Я вскрикнула. Илья не уклонился. Позволил мужу достать его.

Я никогда не понимала, почему мужчины дерутся. Я выросла среди братьев, которые тоже любили влезать в разные истории с мордобоями. Но к этому невозможно привыкнуть.

Голова у Рейнера дёрнулась. Из разбитой губы пошла кровь. Я прикрыла глаза ладонями, но успела увидеть, как он хладнокровно уложил Вадима в нокаут. Одним чётким сильным ударом, в который он, наверное, вложил всю холодную ярость, что копилась в нём.

Вадим сидел на асфальте и тряс башкой. Из носа двумя дорожками текла тёмная кровь.

— Я тебя засажу! — заявил торжественно, показывая вымазанные кровью зубы. — Я от тебя мокрого места не оставлю! — посулил он.

— Обязательно, — стоял над ним, как бог возмездия Рейнер. А потом сделал то, чего я от него не ожидала: достал визитку и небрежно швырнул её в Вадима. — Это координаты, чтобы не запутался. Ещё раз тут появишься — будешь иметь дело с моими адвокатами. И тогда пощады не жди. На километр к Анне не приближайся. Забудь дорогу к этому дому.

— Она моя жена! — сверкал глазами Вадим.

— Была. Ты вообще потерял всякие права, когда руку на неё поднял. Пойдём, Ань, — это уже мне.

А я стояла, не могла с места сдвинуться, пока Рейнер не взял меня под руку и не повёл в подъезд. Последнее, что я видела, — как Вадим рассматривает визитку и хмурит брови.

Глава 34

— Не надо было, — сказала я уже в лифте. — У вас губа разбита. А завтра в школу...

Рейнер посмотрел на меня весёлыми глазами.

— Вы не моя мама, Анна Романовна, и вам точно не прилетит за то, что я подрался. Ну, разве что мне от вас. Но от вас, так и быть, я выдержу любую трёпку. Можете начинать. Не гарантирую, что до меня дойдёт. Ещё с тех времён, когда я был подростком, я научился пропускать мимо ушей любые нотации. В данном случае я поступил правильно. Вашему бывшему давно пора было поставить мозги на место. Или выбить наглухо то, что там ещё осталось. А поэтому... лучше не сотрясайте воздух.

Наглый. Котья с бессовестными глазами.

— У вас кровь, — достала я из сумочки влажные салфетки и протянула их Рейнеру. Он не шелохнулся.

В это время кабинка лифта остановилась.

— Зайдёте? — спросила поколебавшись.

— Зайду, — кивнул он, — при условии, что вы полечите мои боевые шрамы. Я, правда, знаю более эффективный способ, но обещаю безропотно принять даже яд из ваших рук.

Вот так он и оказался у меня дома. Как иногда любит говорить Машка: бойтесь своих желаний. Они имеют свойство сбываться.

У меня аптечка на все случаи жизни. Рейнер позволял за собой ухаживать. Инициативу не перехватывал. Кажется, это доставляло ему удовольствие — смотреть, как я вокруг него хлопочу с перекисью водорода, спиртом, а потом льдом.

Он даже позволил себе пошипеть, хоть удар от моего мужа принял легко и не дрогнул. Немного артист.

— Кофе? — спросила я его, когда с разбитой губой было покончено.

— Лучше поцелуй, — слабо улыбнулся он. — Но я, пожалуй, пойду. Не бойтесь меня, Анна. Не надо. Вы очень храбрая девочка. Я вами горжусь. И бывший ваш, хоть и мудака, очень хорошо знает, какая вы. Именно поэтому и борется. А ещё — потому что не привык получать отказы и поражения.

— И всё же вам не стоило его провоцировать. Вадим не из тех, кто спускает подобное.

Рейнер подарил мне свою коронную кривую ухмылку. Глаза у него искрились весёлостью.

— Мне жутко неудобно, Ань. Но очень хочется спросить: ты же знаешь, кто я?

— Безусловно, — поджала я губы. Зря он веселился. У Вадима была одна черта: если он упирался, то шёл напролом, даже если знал, что его ждёт поражение. И нередко побеждал там, где, казалось, «всё пропало». — Но лучше не переоценивайте себя и не недооценивайте Вадима.

— Ты привыкла ему верить. Это нормально. Но он не всемогущ, хоть иногда кажется, что да.

— Так же, как и вы.

— Согласен, — поймал он мою руку и на миг прижался к запястью губами. — Но это мои риски, ошибки, просчёты. И я как-нибудь с ними справлюсь. Большие мальчики тоже не всегда поступают разумно. И на самом деле, это здорово. Я не сомневаюсь ни в одном слове, ни в одном жесте. Я поступил так, как хотел. И так, как надо. Но мне приятно, что ты обо мне беспокоишься. Очень приятно, Ань.

И снова его губы коснулись места, где очень хорошо слышен пульс. Ему нравилось вызывать во мне смятение. Ему нравилось, как я на него реагирую. Он наслаждался и не скрывал этого.

— Илья...

— Тш-ш-ш, — погладил он большим пальцем то место, которое только что целовал, — Я всё же пойду. Не хочу делать то, к чему ты ещё не готова. А я обязательно накосячу, если останусь чуть дольше.

Он смотрел на меня и ждал. И если бы я сказала единственное слово: «оставайся», он бы никуда не ушёл. Но я не произнесла ни звука. Не могла.

Слишком смело для меня. А я ещё не готова. И всё ещё замужем. И да, чересчур правильная, чтобы плюнуть на всё и перешагнуть.

— Тогда до встречи?

— До завтра, Ань, до завтра, — улыбнулся он в ответ и ушёл.

И с ним будто всё моё спокойствие улизнуло.

Я бродила по лофту и никак не могла прийти в себя.

«До завтра», — звучал в ушах голос Ильи. И, кажется, я ждала этого «завтра», как никогда.

Чтобы снова его увидеть. Чтобы окунуться в его насмешливые глаза и кривую ухмылку. Чтобы снова почувствовать его уверенность и надежность, что давали мне почувствовать

себя живой и сильной.

Я никогда ничего подобного не испытывала, живя с Вадимом. Он всегда однозначно был лидером, а я ведомой, что по умолчанию подчинялась и потакала, не перечила и сглаживала углы.

Рейнер казался куда властнее мужа. Но он не просто позволял мне иметь собственное мнение, а будто подталкивал раскрываться, быть личностью, а не бледной тенью возле широких плеч, которые всё решали сами, не спрашивая мнения, не интересуясь моими желаниями.

Он делал так только тогда, когда был уверен в собственной правоте. Во всех остальных случаях, Рейнер оставлял право выбора. И не потому что снисходил.

Я чувствовала его живой интерес и вызов: а сможешь ли ты? И если я могла, всегда звучал его ободряющий голос: молодец, девочка; смелая девочка.

И я хотела ею быть: той самой девочкой, что принимает собственные решения и не отступает.

Это как стрела: осознание, что отношения могут быть другими. Не такими, как раньше.

Я боялась обмануться. Ошибиться ещё раз.

— Маш, — позвонила я подруге, — как думаешь: я очень доверчивая?

— Думаю, да. А что за вопросы, Сотникова? Только не говори, что твои отношения с Вадимом вышли на новый уровень. Я этого не переживу.

— Нет. Не с Вадимом.

— Та-а-ак, — протянула Машка, — и что у нас на этот раз?

И я вкратце пересказала ей события сегодняшнего дня.

— Слушай, как бы там ни было, он мужик, твой Рейнер. Не приставал? Лапы не протягивал? Благодарности не просил? Вывода два: либо он врезался в тебя, как молоковоз в бетонную стенку, либо слишком хитрый, и у него хватает духу и стали, чтобы выждать, пока ты ему в руки спелым плодом не упадёшь. Но знаешь что? Может, тебе и надо упасть как раз. А то скоро крылья за спиной вырастут, как у святой. Ну, не жди от него слишком многого. На пьедестал не возводи. Он же тебе сам сказал, что это не любовь к ближнему и не сострадание. Честно, по крайней мере. Живи моментом. Прислушайся к себе. Не так-то это страшно — новые отношения.

— Из личного опыта? — не удержалась всё же я.

— И из личного тоже, — вздохнула Машка. — Только есть один важный момент: не всегда новые отношения перевешивают старые. Если этого не случается, то лучше никаких. У тебя не тот случай, Ань. Ты его притягиваешь, он тебе нравится, хоть ты изо всех сил и сопротивляешься. Всему нужно время. Твоё время пришло. Просто живи. А что будет дальше... кто же знает? Но лучше что-то делать, чем ничего не делать, а потом сожалеть. Короче, если тебе нужно моё благословение, то я его тебе даю. Вот такая я нескромная и слишком самоуверенная.

Разговор с Машкой, наверное, ещё больше смятения добавил, но, уже ночью пиликнул телефон.

«Уже сегодня», — высветилось на экране, и сердце отчаянно ёкнуло.

Кажется, я тоже очень ждала этой встречи.

Глава 35

Рейнер

Я выверил всё до миллиметра и рассчитал всё до секунды. Порог родной школы

переступил ровно в пятнадцать ноль-ноль.

Никакого волнения не испытывал, только глухое раздражение и злость. На то, что пришлось. На то, что предстоял цирк, а я давно отвык быть клоуном. Но ради Анны я ещё и не то готов был вытерпеть.

Анаконда встречала меня в вестибюле. Ждала. Видимо, напялила парадно-выходной костюм — пиджак, блузка, узкая юбка, туфли в тон.

— Боже, кто к нам пожаловал! — кинулась она ко мне буквально с распротёртыми объятиями на полусогнутых ногах.

Выглядело это смешно.

— Добро пожаловать, Илюша, в родные стены!

— Здравствуйте, Анна Кондратьевна, — поцеловал я её церемонно ручку и, понизив голос, душевно порекомендовал: — Илья Эдуардович, пожалуйста. У меня статус. Сами понимаете.

Анаконда пошла пятнами, но кивнула, давая понять, что услышала и поняла.

— Ну, что ж мы стоим у порога? — засуетилась она. — Пройдёмте ко мне в кабинет!

— Одну минуту. А где тут у вас кабинет Майской Анны Романовны?

Анаконда позеленела. Эдакая Змея Змеёвна — зелёная в розовые пятнышки. Цвет был ей не к лицу. Губы в шнурочек, глазки заледенели. Как очки инеем не покрылись — одному чёрту известно.

— М-э-э-э, зачем вам? — проблеяла она козлиным голосом, что дал петуха.

— Распоряжусь, чтобы моя бригада — а я с собой свою бригаду привёл — вынесла мебель и начала устанавливать лингафонный кабинет. Время — золото.

— Илья Эдуардович, — выдохнула она, как огнедышащий дракон, — видимо, вас ввели в заблуждение. У Майской не самый лучший кабинет, чтобы туда устанавливать такое отличное оборудование.

Я окинул её насмешливым взглядом и покачал головой.

— Насколько мне известно, Анна Кондратьевна, кабинеты в школе ничуть не отличаются друг от друга. Почти все одинаковые. Ну, разве что где-то чуть лучше, а где-то чуть хуже ремонт. Что, согласитесь, никак не повлияет на то, что мои ребята установят. А я приобрёл для родной школы лучшее: самые крутые ноутбуки, наушники, программное обеспечение, интерактивную доску и специальную мебель.

Я перечислял всё это с величайшим наслаждением и для убедительности потряс кейсом, где лежала документация на этот чёртов камень преткновения.

— Мне позвонить Майской или вы сами скажете номер кабинета?

— Триста четырнадцатый! — буквально прорычала Анаконда почти не разжимая губ.

— Прекрасно! Третий этаж, значит.

А потом я всё же набрал Анну.

— Добрый день. Вы на месте, Анна Романовна? — я буквально обласкал её словами. Мне доставляло это удовольствие. Нет, двойное удовольствие: краем глаза я наблюдал, как меняется в лице Анаконда Листьева. — Сейчас к вам подойдут мальчики. Не обижайте их, пожалуйста. Они хорошие. Вынесут мебель и установят лингафонный кабинет.

Ребята мои отправились на демонтаж и монтаж, а я широко улыбнулся Анаконде. Так, что аж щёки заболели.

— А теперь, Анна Кондратьевна, я весь ваш!

— Прощу! — махнула она рукой в сторону приёмной и пошла вперёд, ведя меня за

собой, как вождь.

Больше колени у неё не подгибались, и весь её вид кричал о том, что барыня негодует. Я смешал ей планы. Собственно, как и собирался сделать.

Не надо быть провидцем, достаточно было глянуть на Аню, чтобы понять: Анаконда качала права.

— Что, Майская пожаловалась? — сразу же пошла в атаку эта прекрасная во всех отношениях леди. — Вы, Илья Эдуардович, весьма далеки от школы и не знаете всей специфики нашей работы, а поэтому не стоило так распорядиться!

Я впери́л в неё долгий взгляд. Тот, от которого подчинённые ссутся.

— Нет. Никто не жаловался. Это моё решение как спонсора. У кого хватило смелости ко мне обратиться, тот и выиграл приз. Обратились бы вы — имели бы право распорядиться по своему усмотрению. А так... согласитесь: Майская его заслужила.

Анаконда скрипнула зубами. Явственно.

— Ну, соглашусь я или нет, роли не играет? — показала она зубы в насквозь фальшивой улыбке.

— Нет, не играет, — положил я перед ней документы. — Здесь всё. Копии я отдам Анне Романовне. Вручу лично. Надеюсь, дети будут в восторге, как и вы.

Анаконда снова оскалилась. Радость из неё так и пёрла.

— Каким был, Илюша, таким и остался, — уколола она меня. Но мне все эти наезды — до одного известного места.

— И каким же? — поинтересовался ради приличия.

— Бунтарём. Что угодно, лишь бы наперекор.

— Выигрышная тактика, которая помогла мне стать тем, кто я есть.

— Ну, да, ну, да, — покивала она, то ли соглашаясь, то ли осуждая.

А мне плевать. Фиолетово на все её ужимки. И просто зудит — так хочется поскорее Аню увидеть.

— Ну, что? Посмотрим на ценное приобретение? — наконец-то рассовала она документы, предварительно проинспектировав каждую бумажку.

— Всенепременно, — согласился я, поднимаясь со стула.

В кабинете Анны вовсю кипела работа. Анаконда тут же позвонила и организовала торжественные похороны парт, которые мои ребята вынесли в коридор.

— Как всегда, за всем нужен глаз да глаз, — жаловалась она, попутно отдавая команды двум рабочим. — Боже! Боже! — причитала, видимо, благодаря Всевышнего за богатство, свалившееся на её учреждение, и металась по классу, жадно оглядывая то, что таскала без усталости нанятая мной бригада. — Чудо какое!

Она только мешала, но все терпеливо обходили её стороной и даже не ругались.

Анна стояла у окна. Я залюбовался ею. И если Анаконда воспринималась, как чужеродный предмет, то Аня вписывалась очень гармонично в атмосферу.

Они все смотрели на неё. Она мягко руководила. Негромким словом, взмахом руки. А я готов был вырвать им глаза, чтобы не пялились. Инстинкты и разум в данном случае дружить не хотели.

Моя жажда. Мой живительный глоток. Моё наваждение, без которого нечем дышать.

Я бы украл её отсюда — тут и без нас прекрасно справятся. Но вместо этого изображал из себя щедрого спонсора, улыбался, поздравлял и тоже дарил пакет документов.

— На всю технику есть гарантия. В случае чего — вот телефон, по которому следует

обращаться, — объяснял я Ане, как незнакомке.

— Спасибо, Илья Эдуардович, — прятала она глаза под ресницами, моя очень вежливая скромница.

— Мне пора, — посмотрел я на часы, когда с формальностями было покончено. — Прошу меня простить, но дела не ждут, — расшаркался я с дамами.

— Я провожу вас! — бежала впереди паровоза Анаконда. И я позволил ей себя увести.

«Жду тебя», — написал и отправил смс. И да. Я бы ждал её хоть до нового пришествия. Потому что не собирался терять ни секунды, отпущенной мне, чтобы видеть единственную женщину, за которой я буквально бегал. И впервые мне нравился этот бег с препятствиями.

Глава 36

Анна

Эти парни очень хорошо знали своё дело. Работали споро, быстро, без заминок. Я любовалась, как ловко у них всё получается. Но больше радовал преображённый кабинет.

Здесь теперь как в космическом корабле — красиво, стильно, богато, функционально. Рейнер не поскупился. Сто плюсиков ему в карму.

Я представила, как будут радоваться дети, насколько вырастет эффективность уроков и жмурилась от удовольствия, как кошка на солнце.

Немного всё портила Анаконда, которая, проведив Илью, вернулась командовать.

Она только мешала, но все её терпели.

— Молодец, Майская, — хлопнула она меня по плечу, будто я ей подруга, а мы не в школе, а выбрались в клуб коктейли попить да потанцевать. — Хвалю за индивидуальный подход и креатив! Интересно, муж твой в курсе?

Я даже поперхнулась.

— В курсе чего? — поинтересовалась осторожно.

О том, что я развожусь, никто в школе не знал. Я со многими дружила, но это были скорее приятельские отношения между коллегами. Я ни с кем не откровенничала и личным не делилась.

— Ой, да ладно! — похабно улыбнулась Анаконда и закатила глаза. — А то мы не знаем, как у таких, как Рейнер, кабинеты просят. Да ещё такой крутой. Да ещё — с личной доставкой. Что тебе его за красивые глазки дали, будешь дома мужу рассказывать, а тут не надо — и так всё ясно-понятно-видно.

— Кажется, вы перешли все границы, — холодно получилось, с достоинством. — Вы ведёте себя неподобающе.

— Ах, какие мы гордые и неприступные! С Рейнером небось поласковее была.

— Для школы старалась, — растянула я губы в сладкой улыбке.

Бесполезно спорить и что-то доказывать. Анаконда если что себе в голову вбила — топором не вырубишь.

— Ну-ну. Кто высоко взлетает, то с треском падает, ломая кусты.

— Всего хорошего, Анна, Кондратьевна. Я, пожалуй, пойду.

Ребята как раз закончили монтажные работы. Надо поскорее уйти отсюда прочь, иначе неизвестно, чем это закончится. Анаконда меня провоцировала, я старалась не вестись. Внешне это удавалось. Внутри всё клокотало от ярости.

Мне бы работу сменить. Но я не хотела, не хотела уходить из школы! У меня тут ученики, мой пятый класс, в конце концов!

А эту дуру можно и потерпеть. Она мне на глаза даже не каждый день попадается. А

если и попадаетея, то у неё миллион дел — не до меня, чтобы цепляться. Переживу как-нибудь её наезды с намёками.

Чем она, собственно, отличается от Рейнера? Он тоже в первую нашу встречу намекал не на вечную благодарность. И будь я не так воспитана, могла бы и «отблагодарить».

Из школы я буквально вылетела. Глотнула свежего воздуха и поёжилась: к вечеру похолодало.

— Аня! — окликнул меня Илья, когда я к своей машине подошла.

Я о нём и забыла.

— Я бы хотела побыть одна, — сказала я ему и решительно открыла дверцу.

— За тобой гонится отряд самоубийц? — он уже рядом. — Анаконда укусила?

Не знаю, как у него это получалось, а только он оказался между мной и машиной.

— Ты голодная. Я отвезу тебя поужинать. А машину Анатолий отгонит, как и вчера. Тебе нужно успокоиться и расслабиться.

— Все знают, что мне нужно! — взорвалась я. — Но никто не спрашивает, а хочу ли я!

— Ань, — прикоснулся он пальцами к локону, что выбился из причёски и трепетал на ветру, как ленточка, — хорошо, я отвезу тебя домой. Провожу.

Я сделала вдох и выдох.

— Простите.

— Всё хорошо. У тебя был тяжелый день. Предполагаю, мадам Анаконда наговорила всякого. Саму я тебя не отпущу. Если хочешь, я сяду в твою машину. Будешь сегодня моим водителем.

Я представила, как он сгибается в три погибели, пытаюсь уместиться в эту крошечную машинку. Бегала она отлично, но напоминала жабку. Абсолютно немужской автомобильчик. Может, поэтому его секьюрити скрипел зубами. Он тоже немаленького роста.

— Поехали домой. Я устала.

— Домой — значит домой, — Рейнер был подозрительно покладистым. Но я как-то не сосредоточилась на этой мысли. Просто села в его машину и прикрыла глаза.

Вспышка ярости прошла. Осталась только пустота внутри.

Он не виноват. А я позволила себе сорваться, эмоциям перелиться через край.

— Простите, пожалуйста, — пробормотала, раскаиваясь, — я не должна была. Я злилась не на вас...

— Но я попался под руку. Понимаю и не сержусь. Все мы когда-то срываемся не на тех, на кого сердимся, а на тех, кто оказался рядом в неурочный час. Я не исключение. А уж если совсем честно — я правило с плохими тормозами.

Он умеет быть мягким — вот что я подумала, успокаиваясь окончательно.

— Могу заглядить плохое поведение домашним ужином, раз вы остались голодным, — пробормотала быстро, пока не передумала или не пожалела.

— Не откажусь, — заиграла на губах Рейнера лёгкая улыбка.

Наверное, я хитрила. Не было причин заманивать его к себе. Но сейчас мне уже не хотелось оставаться наедине с самой собой, чувствовать вину и маяться.

И вот он на моей кухне.

Рейнер то ли не умеет, то ли не хочет сидеть спокойно.

— Давай помогу, — оказывается он у меня за спиной, и я вздрагиваю. От его тела идёт тепло.

Он ловко выхватывает у меня из-под рук кружочек моркови, хрустит им вкусно прямо

под ухом.

— Да, — легонько шлёпаю его по ладони, — будет прекрасно, если вы посидите и не будете мешать. Это самая лучшая помощь. А ещё лучше — помойте руки.

Рейнер откровенно ржёт, а губы его касаются моего уха — так, мазком, словно невзначай или случайно.

— Ладно, моя строгая учительница. Давно я не получал взбучки. Или не так давно, да. У меня есть чудная женщина. Она очень любит меня строить, а я ей это позволяю.

Что-то больно толкается в груди при слове «женщина». Он так легко говорит об этом.

Кажется, я стучу ножом слишком громко, злясь, что не умею скрывать эмоции.

— Эй, ты чего? — тут же ловит моё настроение Илья. — Сердишься? Злишься? Да нет ты ревнуешь?

Ему нравится надо мной подшучивать.

— А хочешь, я расскажу тебе о своих женщинах?

Кажется, я переоценила его тактичность. И мне совершенно не улыбалось слушать басни о каких-то других бабах в его жизни.

Глава 37

Рейнер

Если ты женщине нравишься, она обязательно будет дуться, если при ней восхвалять кого-нибудь ещё из слабого пола. Да даже если и не нравишься, вряд ли ей по душе придутся откровения подобного рода. Разве что она сама захочет узнать.

Аня расспрашивать не спешила. А я не такой уж и дурак, чтобы кормить её своими победами да похождениями.

Но любоваться, как она хмурит брови и сжимает невольно губы, мне нравилось.

— Моей прабабке — восемьдесят семь.

Аня даже замерла на миг.

— У нас в семье женщин много. Но самая любимая — она, моя королева. Её зовут Елизавета. Царское имя, согласись. И она до сих пор порывается поколотить меня палкой, как только я оказываюсь в пределах протянутой руки.

— Наверное, вы того заслуживаете? — поставила Аня на стол горячий суп.

Кажется, я сейчас проглочу его вместе с тарелкой.

— В её понимании — да. В моём — ну, сложно сказать. Думаю, не всегда.

— Она вас вырастила?

— Баба Лиза? Нет. Но всегда поддерживала. Особенно, когда я после школы ушёл из дома. Не мать, не бабушка, а она. Может, поэтому у нас очень высокие отношения. Думаю, вы друг другу понравитесь.

Аня смешалась. А я понял, что поторопился, но извиняться не стал, расшаркиваться тоже. Рано или поздно моя королева Елизавета обязательно познакомится с королевой Анной. И я почти уверен: они бы ужились.

— Вы единственный ребёнок в семье?

Это была тема, которой я не хотел касаться. По крайней мере, не сейчас. Но и лгать нет смысла.

— Нет. У мамы нас трое. Всё остальное слишком запутанно, не хочу обсуждать это за ужином. Времени не хватит, чтобы рассказать о нашей весёлой семейке.

— Получается, у вас тоже многодетная семья.

Аня улыбалась. Мягко, светло. Я любовался ею и завидовал её открытой искренности.

— Ну, можно сказать, и так, — не стал я отнекиваться.

— У вас непонимание с родителями?

— Я бы сказал: у нас стойкий нейтралитет и пакт о ненападении, — терпеливо пояснил

я.

Аня девочка умная. Поняла, что я не хочу говорить на эту тему. Может, по лицу прочла.

Но кто мне виноват — сам начал рассказывать о бабуле.

— Ешьте. У меня, конечно, не ресторан, всё просто.

— Мне всё нравится, не переживайте, — успокоил я её и с удовольствием накинулся на еду. Горячее, свежее. Что ещё надо? Я толком и не ел нормально эту неделю.

Одно к одному: дела не ладятся, стычка с Майским, который не поленился и подал заявление в полицию. Не зассал, хоть я думал иначе. Но кишка у него тонка, конечно, со мной тягаться.

Наподдать ему хотелось жутко ещё до того, как он нарисовался. Но в таких делах лучше думать головой, а не действовать на эмоциях.

Именно поэтому я выжидал и дал ему возможность ударить первым. И всю эту не очень приятную сцену зафиксировал на видео мой водитель.

У нас с ним договорённость. Когда Анатолий не рядом, он действует по чётким инструкциям.

Я не скандалист и не любитель махать кулаками. Но пару-тройку раз попадал в разные передраги. Как говорится, статус обязывает, чтобы время от времени вокруг моего имени вспыхивали скандалы, способные подмочить репутацию или выставить меня в нелицеприятном свете. Нет же ничего острее, чем сенсация, когда я выглядел бы эдаким монстром, что обижает слабых и ест детей на завтрак.

Именно поэтому — телохранитель. Именно поэтому — водитель, способный правильно отреагировать на мои сигналы и подстраховать.

Я не хотел Аню пугать. Но вряд ли почти бывший муж оставит её в покое. Именно поэтому я приказал двум своим людям из охраны негласно за ней приглядывать, пока я не рядом.

— Кофе?

— Я сам, если позволишь.

После горячей и сытной еды клонило в сон. Если учесть, как мало я спал, мог просто закрыть глаза и вырубиться. Поэтому лучше что-то делать, чтобы не опозориться.

С ней было уютно. Спокойно. Хотелось хоть каких-то милых безумств. Поцеловать её за ушком. Посмотреть, как она краснеет. А потом поймать губы и насладиться поцелуем.

Я уже один у неё украл. Но как же это мало, когда неудовлетворение буквально рвёт на части! Но я понимал, что не надо её пугать и вводить в смятение.

Да к Ане и хотелось относиться по-другому. Более чутко. Нежнее. С осторожностью. С бережностью, которую я испытывал разве что к самым-самым близким людям.

Но они свои. И понимали резкость моего характера. Моё неумение правильно выражать чувства. Аня же... всё сложно. И я не знал, как к ней подступиться. Чувствовал неуверенность, которой не должно быть по определению.

Кофе взбодрил и прочистил мозги, и уже не так хотелось спать.

Нужно уходить, хоть до чёртиков хочется остаться. И, может, я нашёл бы способ, но не хотел. Не было желания морочить голову и непременно добиться своего.

— Послушай, Ань, — решил я на важный разговор, что крутился в голове, но я никак

не мог придумать, как к нему подступиться, — я уезжаю на несколько дней. На неделю, а может, на больше — пока не знаю.

Я прикоснулся к её волосам — к локону, что обрамлял лицо. Я не мог сдержаться. Хоть немного, хоть как-то почувствовать её очень близко.

— Вы не обязаны отчитываться.

Кажется, она слегка удивилась и одновременно вспыхнула.

— Обязан, не обязан... Ты же помнишь: я всегда делаю только то, что хочу. А хочу я, чтобы ты знала. Я буду звонить, ладно?

Анна кивнула. Этого достаточно. От этого лёгкого движения — гора с плеч. Всё же не отталкивает — и это хорошо.

— У тебя непростой период. Я не хочу, чтобы повторилась вчерашняя сцена или ещё что похуже. Я к тебе ребят своих приставил, не пугайся. Это не маньяки. Это твои охранники. Мало ли.

— По-моему, это лишнее, — пробормотала она.

— Нет. Так мне спокойнее. Однажды я потерял дорогого человека, потому что не мог помочь. В силу возраста. В силу обстоятельств. Я не хочу, чтобы это повторилось снова. Пожалуйста. Пусть будет так, как я хочу.

Она смотрела на меня во все глаза. Слегка испуганно, чуть ошарашено.

Нет, всё же нужно пояснить, чтобы она понимала. Выйти на новый уровень доверия. Рассказать то, что я никому и никогда не рассказывал.

— У меня была сестра, Нонна. Девочка, которая умела любить. Девочка, что не смогла уйти, и поэтому погибла, не дожив до своего двадцать третьего дня рождения.

Глава 38

Анна

Это как шаровой молнией в грудь. А он — такой сильный и жёсткий временами — стоит передо мной беззащитный и открытый.

— Только не жалей, — кидает он на меня мрачный взгляд. — Не надо. Я не для этого тебе рассказываю.

Но как не жалеть, не сочувствовать?..

— У нашей семейки странные традиции, — горько усмехается Рейнер. — Почти все наши девочки рано выходят замуж и рожают детей. У нас с Нонной немного другая история... Отец бросил нас, когда мы совсем маленькими были. Мы его и не помним. Не знаю даже, были ли они с мамой женаты. У нас фамилия матери. А потом мама вышла второй раз замуж, и мы очутились в аду.

У меня, наверное, было такое лицо, что Илья снова усмехнулся и осторожно коснулся моей щеки.

— Не бойся. Это абьюзер иного толка. Он уничтожал нас морально. Шаг влево, шаг вправо — нарушение его правил. Он нас и пальцем никогда не тронул, зато словесно унижал предостаточно. Именно поэтому вначале ушла Нонна, как только ей восемнадцать стукнуло, а следом и я, как только школу окончил. У нас с Нонной разница в два года. Была. Может, не спеша она вырваться, всё сложилось бы по-другому. А так... Связалась с мужчиной старше её. Тот бил её смертным боем. Я просил её уйти. Даже подрался с её сожителем. Но мне было восемнадцать. Ему под тридцать. Я попал в больницу с переломами. И уже Нонна умоляла меня не лезть в её семью. Говорила, что любит его.

Илья замолчал. Горечь залегла в уголках его губ и притаилась в морщинках у глаз.

— И однажды один из ударов оказался последним, — пробормотала я, содрогаясь. Вспомнила его слова в клинике.

— Да, — кивнул он и ожил, обнял меня за плечи. — Ну, что ты, девочка, что ты?.. Я не хотел тебя напугать.

А я всё равно дрожала, переживая и представляя тот ужас, что пришлось пережить не взрослому и самодостаточному Илье Рейнеру, а мальчику Илюше, вчерашнему школьнику. Почти такому же, как дети, которых я учу.

— Я хотел, чтобы ты понимала. И чтобы не боялась. Мне уже не восемнадцать и не девятнадцать, и я смогу тебя защитить.

— Он не... — покачала я головой и прокашлялась: голос неожиданно сел. — Вадим никогда не бил меня. До того дня. Тогда — первый раз. Я не думаю, что он сделает это снова.

— Сделает, не сделает... Он уже поднял руку. Может, тяжело первый раз. А потом становится легче. Я не знаю. Не могу этого ни понять, ни оправдать. Мужчина не должен обижать женщину. Тех, кто слабее. Тираниль не имеет права. Ставить условия, вымогать. Требовать. Расставлять ловушки. Выгонять из дома.

— Я ушла сама, — покачала головой. — Я бы ушла, даже если бы он меня не ударил. Были... другие обстоятельства. У нас, у женщин, тоже есть то, что не каждая может простить. Я знаю: кто-то может смириться. Глотнуть предательство, обиду и жить дальше. Я оказалась не из их числа.

— Всё ты правильно сделала, девочка, всё правильно, — снова коснулся он моих волос. Я подняла глаза. Мы столкнулись взглядами.

Илья молча просил. Спрашивал. Ни одного жеста не сделал, чтобы дать понять... Но я и без того чувствовала, чего он хочет.

Я закрыла глаза и потянулась к нему. Чтобы утешить. Чтобы разделить его боль. Точно так же, как и он ранее вливал в меня свою силу, я хотела немножко помочь ему. Оплакать утрату. Ту, что не уходит, а сидит занозой в сердце.

К счастью, я не теряла близких. Оказывается, я очень богатая. И это не деньги. Это семья, в которой не было потерь, предательства и болезненных разочарований. Как и у всех, у нас бывали не лучшие времена и сложности, которые мы преодолевали вместе.

Илья поцеловал меня. Осторожно, очень нежно его губы коснулись моих.

Чуть крепче стали объятия. Чуть глубже поцелуй.

Он зарылся пальцами в мои распущенные волосы, гладил виски и словно не мог оторваться. А мне так спокойно и волнительно одновременно. Будто я попала под очень прочную крышу, что спасёт меня и от дождя, и от ветра. И вообще — от всех передряг, что ещё не однажды со мной случатся.

Я слышала его низкий стон, что врывался вибрацией прямо в губы. Я чувствовала его возбуждение и не боялась. Не страшно, оказывается.

Почему-то я знала: он ничего не сделает против моей воли. Отступится, если я скажу «нет».

— Красивая, — прошептал Илья и снова нежно большими пальцами погладил мои виски. — Выгони меня, пожалуйста. Нет, не надо, — рассмеялся он, — я уйду сам. Так правильно. А тебе не нужно стоять перед выбором: пожалеть меня, как бездомного пса, или уязвить моё эго. Я не из тех, кто воспринимает это спокойно. До встречи, Ань?

— До встречи, Илья.

Он уходил красиво — с кривой ухмылкой на губах — неизменной фишкой его обаяния. Но глаза его говорили о другом. О нежности. О том, что уходить не хочется, но он сильный, и поэтому не торопит меня, за что я ему была очень благодарна.

— Маш, поговори со мной, — взмолилась, как только подруга ответила на звонок.

— Ты только сразу скажи: у тебя всё хорошо? А то знаю я твою манеру рассказывать с конца, упустив глубокую жопу, куда ты в последнее время повадилась попадать.

— Да, сейчас всё у меня хорошо, — заверила я её, смеясь. — Или нет. Я и сама не знаю.

— Ну, давай тогда всё по порядку.

И я рассказала. Как могла.

— Вот это у тебя фонтан, подруга! — присвистнула Машка. — Как на вулкане! Гейзер в небеса! Что Ваде надавал твой Рейнер — это хорошо. Хоть кто-то сделал так, как он давно выпрашивал. Это ему не к слабой девушке руки протягивать. Что касается всего остального... Ну хороший же мужик, Ань, надо брать, пока в руки даётся.

— Я не могу так, — прикрыла я глаза, — внутри всё перемешалось. Он же мне не нравился, а теперь вроде да. Так бывает?

— Да по-разному бывает, Ань. И качели ещё никто не отменял. Сегодня ненавидишь, завтра любишь. Послезавтра убить готова. Это эмоции, восприятие. Но о человеке много говорят поступки. Он может быть жёстким и властным, а одновременно — нежным и заботливым. Ничего нет противоречащего, поверь. Тут главное не верить в неземную любовь. В то, что долго и счастливо. Может, и надо, но лучше пусть это всё придёт само, а не придумается в голове. Сейчас он однозначно тобой увлечён. Ты ему нравишься. Его к тебе тянет.

— Мне бы в себе разобраться, — вздохнула я, отпивая холодный кофе.

— Разберёшься, — уверенно заявила Машка. — Всё встанет на свои места однажды. Тебе нужно время. Рейнер его тебе дал. Просто живи и не оглядывайся!

И я не оглядывалась. Почти.

Глава 39

Анаконда открыла на меня охоту. Не нападала явно, но постоянно выжидала из-за угла, готовая к броску. Она не простила ни попытки отстоять собственную независимость, ни того, что Рейнер принял мою сторону.

Мелкие придирки сыпались со всех сторон, но я словно их не замечала. Может, это Илья дал особую броню, когда все нападки и укусы почти не трогают, не цепляют. У меня было, чем заняться. У меня хватало, над чем ломать голову.

Я провела родительское собрание — запоздалое, но такое нужное. Ближе познакомилась с родителями своих пятиклашек. Самойлова тоже явилась — мать Пети.

Как его отец-предатель невольно вызывал симпатию, так госпожа Самойлова вызвала во мне стойкое неприятие.

Она явно скучала, постоянно поглядывала на часы и нетерпеливо постукивала ногой, словно подгоняя: «Быстрее, быстрее!», чем раздражала не только меня, но и других родителей.

Она ничем не поинтересовалась, только хлопала густо накрашенными ресницами и без отрыва сидела в телефоне. Судя по виду — переписывалась с кем-то, яростно тыкая в экран холёными пальцами с отличным маникюром.

А с Петей были проблемы. Петя отставал, постоянно опаздывал на уроки и почти не контактировал с одноклассниками. Вид у него был неприкаянный и запущенный. Но при

всех я не решилась озвучивать проблемы. Это всё же индивидуально, не на толпу.

— Останьтесь, — попросила я её и поймала недоумённо-хмурый взгляд.

— Вы предвзяты! — оборвала она мои очень осторожные объяснения и снова нетерпеливо топнула ногой в брендовой туфле. — Понабирают тут всяких! И каждый пытается жизни учить! У вас же нет детей? Какое вы право имеете тут мне указывать, как воспитывать сына? У мальчика просто адаптационный период! Всё наладится так или иначе! И вообще всё вот это рассказывайте его отцу, а мне не надо! Я как-нибудь и без ваших поучений проживу! У вас всё? До свидания!

И пошагала, громко цокая каблуками. Я смотрела ей вслед и недоумевала. Не могла понять, в чём дело. Что вызвало в этой молодой женщине такую бурю.

«Ей нелегко», — пыталась я оправдать её поведение. Ставила себя на её место, но всё равно не понимала. Я бы никогда не стала отмахиваться от разговоров о сыне. Никогда не позволила бы себе не прислушаться хоть немного. Ведь это ребёнок. Это ему сложно и тяжело. Разве это не главное? А всё остальное куда меньший имеет вес.

Кое-что прояснилось, когда, как часы, в школу явился господин Самойлов. Тот, что Владимир. Он появился чётко спустя неделю. И ровно, когда закончились у меня уроки. К тому времени он уже забрал Петю — я видела это в окно. Приглядывала за мальчиком, пытаюсь хоть как-то ему помочь.

— Пройдёмся? — предложил он, как и в прошлый раз, но руку уже не подавал. И в этот раз он пошёл вперёд, а я за ним.

— Вы на Лёлю не сердитесь, — обернулся он пару минут спустя.

Шёл молча и, казалось, думал о своём. Я не сразу сообразила, кто это — Лёля. Чуть позже до меня дошло: это его жена, Ольга Самойлова. Лёля... Мило, по-домашнему.

— Нам... всем сейчас нелегко. Может, было бы легче, если бы она согласилась отдать Петю. Но она не хочет. И я её понимаю. Он наш сын. Мой и её. А то, что случилось... житейская история. Так бывает.

— Житейская? — не выдержала я. — Предательство — это нормально? Обыденно?

— Да, вы правы, — поёжился он. — Не нормально и не обыденно. Но так получилось. Она встретила другого человека. Не жить же мне с ними третьим лишним?

Вид у меня, наверное, был дурацкий. Я поняла это по глазам Самойлова.

— Вы, конечно, не знали. Или знали не всё. Или не то, да. Лёля всем рассказывает, что это я их бросил. По сути, так и есть, наверное. Я не смог и ушёл. Дал ей возможность жить так, как она хочет. Я не снимаю с себя вины. Наверное, она права: я мало уделял им внимания, всё время в работе. Приоритеты неправильно расставил. Больше пёкся о материальном благополучии и... получил, что заслуживал.

Если бы сейчас рухнуло небо, наверное, я этого бы не заметила. То есть история наоборот?.. Не он ей изменил, а она ему?..

— Я боюсь только одного: что она однажды решит, что я не должен видиться с сыном. Что я плохо влияю или ещё что... Я не знаю, что тогда буду делать. Петя очень важен в моей жизни. Именно это я хочу сказать, да. Чтобы вы понимали. И не осуждали, что ли. Не смотрели на меня холодно. Иначе мы никогда не найдём общий язык. А мне очень нужен поводырь, помощник. Звено между ним и мною. Я хочу, чтобы вы рассказывали мне всё о Пете. А я буду думать. Может, что и выровняется постепенно.

Он улыбнулся. Как-то болезненно, горько и немного беспомощно.

— Вы же поможете мне, Анна Романовна?

— Да, конечно, — поспешила уверить я его.

И словно плотину прорвало. Всё, что я пыталась донести до его жены, вывалила на него, на этого мужчину, что слушал меня внимательно и не перебивал. Задавал вопросы, кивал, думал. Я видела это по его глазам, по тому, как упрямо сжимал он губы.

— Вот ведь как бывает, — снова улыбнулся печально он, — у Пети всё есть. Буквально всё. Может, даже больше, чем нужно. Но никакие вещи не заменят любви и внимания. Тепла и поддержки. Я пока не знаю, что буду делать, но постараюсь, чтобы сын как-то выкарабкался из травмы, которую мы невольно ему нанесли. Спасибо вам, Анна Романовна!

Самойлов тепло сжал мои руки, и меня немного отпустило. По крайней мере, один из родителей на стороне ребёнка. Ему не всё равно, что будет завтра.

— А ну убрал руки от моей жены! — это как продолжение страшного сна. Вроде ты уже проснулся, а кошмар продолжается. Снова голос Вадима. И опять перекошенное злобой его лицо.

Самойлов руки убирать не спешил. Лишь смотрел с удивлением, как к нам нёсся, пылая «праведным» гневом, мой почти бывший.

— А это мой, гкхм, неверный муж, от которого ушла я, — пробормотала я. — Извините. Он... немного не в себе.

Я попыталась забрать руки, но Самойлов не дал — лишь крепче сжал мои ладони.

Майский не добежал — его перехватили два мощных парня, что незримо следовали за мной по пятам. Я их и не замечала. Почти. Но когда нужно, они появились вовремя и прекратили безобразную сцену.

— Я этого так не оставлю, Анна! Ты шлюха! А ты рога сними, Дон Кихот! Она сегодня с одним, завтра с другим! Прыгает, как блоха! — орал он и брыкался. Но противостоять двоим накачанным парням у него не получалось.

Я прикрыла глаза. Стыдно. Лицо обдало жаром.

— Простите, — ещё раз извинилась я перед Самойловым.

— Он у вас больной? — поинтересовался тот, наконец-то разжимая ладони.

— Здоров, если можно так сказать. Всё остальное — нездоровое желание контролировать меня.

— Я могу помочь, — улыбнулся Владимир. — У меня — отличнейший адвокат.

— Понадобится — обращусь, — вздохнула я, понимая, что с мужем надо как-то находить общий язык.

Я не могла допустить, чтобы он бесконечно следил за мной и унижал у всех на глазах. Но как это сделать, я пока понятия не имела.

Глава 40

Каждое моё утро начиналось одинаково: мне звонил Илья. Каждый мой вечер заканчивался тем же: он звонил, чтобы пожелать мне спокойной ночи.

Это стало ритуалом. Это походило на спасение, на поток воздуха, которым я не могла надыхаться.

Он не вернулся ни через неделю, ни через две. Задерживался. А я... кажется, скучала.

Именно эти разговоры позволяли держаться на плаву. На работе сыпались неприятности — незначительные пока что. Но я понимала: Анаконда не остановится.

Погода резко испортилась, похолодало. Дни становились неласковее и короче. Но я не унывала: у меня была одежда, еда, машина и всё необходимое для жизни.

Вадим больше на горизонте не появлялся. Я пару раз делала попытку к нему

дозвониться, но он не отвечал, и я плюнула. Если можно оттянуть неизбежное, то я только «за».

Скоро суд, всё равно встретимся. Будет возможность поговорить. То, как он себя вёл, не вкладывалось в тот образ, который я помнила. А может, и не знала. Он никогда не позволял себе подобных выходов и уж высказываний в мой адрес — тем более.

Рейнер, конечно, знал обо всём, но ни разу не обмолвился ни словом, что в курсе произошедшего. Может, ждал, что я сама ему всё расскажу. А я не могла. Не хотелось ни плакаться, ни жаловаться, ни обсуждать тяжёлую для меня тему. Я даже о подковёрных играх Анаконды ничего не рассказала.

У Ильи, как мне показалось, свои трудности, а тут ещё и я со своими заморочками. Достаточно, что он этих двух парней приставил. Спасибо ему. А то не знаю, чем бы закончилась та незабываемая встреча, когда я опозорилась перед Самойловым.

Впрочем, Владимир тоже не вспоминал об инциденте, когда пришёл в школу в следующий раз.

По нему можно часы проверять — пунктуален. Больше он не позволял себе опаздывать. Они с женой забирали Петю по очереди.

Судя по всему, госпожа Самойлова продолжала бездельничать — не работала, но цвела, как знойная роза. Часто приходила не вовремя, когда наступала её очередь Петю со школы встречать. Ничем не интересовалась.

Петя продолжал опаздывать, выглядел несчастным и неприкаянным, учился спустя рукава. И это удручало.

Как раз перед приходом Самойлова меня вызвала к себе Анаконда.

— Вот что, Майская, — не стала она размениваться на хождения вокруг да около. — Вы в курсе, что у нас — не побоюсь этого слова — элитная гимназия. Здесь не учатся абы кто. У нас — тщательный подбор детей. У нас очередь, между прочим. И не каждый может попасть сюда.

О, да. Она этим гордилась и не раз подчёркивала: элита, особенные дети, сложный отбор. А по сути — школа как школа. И не всегда ученики соответствовали высоким стандартам. Больше, наверное, при отборе влиял размер кошелька родителей, которые имели возможность подобрать для чада не простую школу, а языковую гимназию. А то, что некоторым родной язык давался с трудом, не говоря уже об иностранных, история скромно умалчивала.

— У вас в классе есть некто Самойлов, — прорвался сквозь мои размышления голос Анаконды. — Хорошая семья. Была. Но там всё сложно, а мальчик не тянет. Поговорите с родителями. Пусть поищут школу попроще. И ребёнок будет себя чувствовать лучше, и родителям спокойнее.

— Петя — очень способный мальчик, — вступила я на тропу войны, потому что так оно и было. — У него отличный потенциал, и языки ему даются легко. Я могу сказать об этом с уверенностью. Просто, как вы заметили, в семье трудности. Но, думаю, всё наладится со временем.

— Мил мая, — пропела Анаконда. Вот именно так: «мил мая-а-а». — Пока у них там утрясётся, ребёнок станет безнадежным, уж поверьте моему многолетнему опыту. Если в семье неурядицы — жди беды. Он либо по плохой дорожке пойдёт, либо натворит чего. Школу подожжёт. Журнал украдёт. Или ещё чего похуже. Это головная боль. Она вам нужна? Мне — нет.

— Это же ребёнок, — сказала я тихо. — Хороший, добрый, очень чувствительный мальчик. Зачем вы так говорите? Ни у одного из нас нет машины времени. И не нам судить, что из него вырастет. Может, он будущий академик или учёный. Или просто хороший человек — без разницы. Наша задача помочь, а не вышвырнуть за борт, как прокажённого.

— Я так говорю, потому что у меня опыт. И я такие ситуации насквозь вижу. Будете с ним носиться, а потом по судам затаскают. Я их насквозь вижу — этих тихонь с проблемами. Нам проблемы не нужны. Поговорите! Не справитесь вы, займусь этим я!

С этим я из её кабинета и вышла. Меня буквально рвало на части. Как, как можно быть такой бездушной и безразличной! Как можно взять и выбросить ребёнка только потому, что, в силу обстоятельств, у него не ладится? А как же высокое призвание педагога? А как же сострадание и понимание?

Нет, я не могла этого понять и принять. Наверное, нужно менять работу. Найти другую школу. Оставить позади и это. Уходить и не оборачиваться.

— Анна Романовна! — окликнул меня Самойлов.

Я совершенно забыла, что у нас сегодня встреча.

— Кто он, тот дракон, что обидел вас?

У него тёплые глаза и улыбка очаровательная. А я должна сказать ему, чтобы он забрал отсюда Петю... Как, как это сделать?

— Скорее, змея особой ядовитости, — пробормотала я и сжала руки в кулаки, чтобы хоть немного успокоиться.

— А давайте я вас приглашу на ужин? Пойдёмте отсюда. Иногда стены душат. Судя по всему, у вас именно эта ситуация.

Душат и падают на голову. И я не знаю, как сказать этому мужчине, что его сын не достоин этого элитного гадюшника.

Он взял меня под руку и вывел на улицу.

— Спасибо за предложение, — сказала я ему. — И да, я, наверное, соглашусь. Только это будет деловой ужин, и говорить мы будем о Пете. Тут неподалёку есть неплохое кафе. Пройдёмся?

«А потом я сяду в свою машину и уеду домой». Прочь. Подальше отсюда, чтобы думать и искать вакансию где-нибудь подальше от элитности, необоснованных понтов. От людей, которым важнее лингафонные кабинеты, чем дети.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — всё же Самойлов начал разговор не о ребёнке. — Не стесняйтесь. На вас лица нет.

И тогда я решилась.

— Можете. Но не мне, а Пете. Переведите его в обычную нормальную школу. Я знаю: это дополнительный стресс, но... — лихорадочно подыскивала я слова и не находила веских аргументов.

— Но ему здесь не место, — как-то невесело усмехнулся Владимир. — Я просил об этом жену. Она категорически против. Для неё это важно. Как знак качества, что ли...

— Сделайте то, что важно для ребёнка. Не для вас и не для вашей жены. Для Пети. Ран или поздно не я, так кто-то другой проведёт эту беседу. И, наверное, не подбирая слова и выражения. Расскажут, какой он у вас никудышный. Не верьте. Он обычный мальчик. Просто ему тяжело.

— Я вас понял и услышал. Буду думать и что-то решать. Вы хорошая, Анна Романовна. Я, наверное, жалею, что не встретил вас раньше.

Самойлов смотрел на меня испытывающе, и я понимала, что он хочет сказать между строк.

— Не надо, — покачала я головой. — И я, пожалуй, пойду.

Мне бы с собой разобраться. А ещё один мужчина, проявляющий интерес, мне не нужен.

Глава 41

Рейнер

Поездки нельзя было назвать удачной. Но и провальной тоже. Если не считать «груз», который я забрал на обратном пути.

«Груз» хмурился и дулся и строил из себя оскорблённую невинность.

— Хватит рожу корчить, — сказал я сыну, но тот только ресницами взмахнул и покрепче стиснул челюсти.

Он очень похож на меня. Не одно лицо, но жесты, мимика, голос... это будто в зеркало смотреться.

Ему шестнадцать — сложный возраст. Я жалел, что отослал его учиться за границу. Не нужно было этого делать. Но долго он там не продержался. Как говорится, фамилию не опозорил, но был весьма близок к этому.

Я его не винил. Бунт на корабле — это по-нашему. К тому же, Ромке и характер мой достался. Что уж на зеркало пенять... Бесполезно.

— Не пойму, чем ты не доволен, — решил я всё же продолжить монолог. — Там тебе не нравилось. Судя по всему, ты сделал всё, чтобы я приехал и тебя забрал. Твой план сработал, но что-то я не вижу радости.

— Я рад, — посмотрел он на меня незамутнённым ясным взглядом.

Голубоглазый ангел. Гроза всех девчонок. И не когда-то там, а вот уже. Всё при нём: внешность, рост, даже мускулы имеются. Ромка всегда выглядел старше своих лет. Рейнеровские мужские гены. Хотя сложно сейчас сказать, не имея перед глазами других «образцов». Есть только он и я. Ну, и младший мой брат, но он точно не в нашу породу, а в отчима пошёл.

— Только суть от этого не меняется, — наконец-то прорвало его. — Я тебе не нужен. Решил — сбегри подальше. Передумал — забрал назад. А толку? Снова запрешь в какой-нибудь серпентарий и будешь вечно занят.

— Договорились. Пойдёшь учиться в обычную школу, — невозмутимо парировал я. — Думаю, так будет даже лучше. Ближе к народу. Поблажек не жди.

— Да нужны мне твои подачки! — фыркнул Ромка.

Ну, да. Гордый, как орёл. Только ещё всё равно птенец, а поэтому — шея голая, в пупырышках, и крылья ещё не выросли.

— Замётано. Никаких подачек. Что касается всего остального... ну, ты же понимаешь, что особо ничего не изменится?

— А зачем, пап? — вынимает он мне душу своими ясными глазами. — Ну смысл? У нас всё есть. Зачем больше?

— Если ничего не делать, всё развалится.

— Ну, да, — закатил он глаза, — империи рушатся, цивилизации исчезают и превращаются в прах. Я тебя утешу: мы все умрём. Стоит ли оно того? Ты ж уже как робот. Когда улыбался в последний раз? Когда по-настоящему радовался? Когда ел со вкусом, а не потому, что пора желудок набить?

Юный философ. А я почему-то вспомнил Аню. Она умела и заставить улыбнуться, и восхититься. С ней мир становился не однотонным. Она не подпускала к себе близко и этим притягивала ещё больше.

В последнее время именно она делала меня живым, способным на эмоции, не заикленным до конца на работе.

— Думаю, у нас будет шанс немного выровнять то, что тебя сейчас так сильно возмущает. Попытаемся. Но манипулировать этим не получится, ты же понимаешь. Истерики катать — тоже. Поэтому прежде чем упасть, как малыш, на пол и потребовать «вот эту игрушку», подумай сто раз. То, что получилось у тебя с возвращением домой, — это не твои удачные манипуляции. Это моё осознанное решение. Я совершил ошибку. Я её признаю. Всё остальное — по ходу пьесы. И не тебе выстраивать мизансцены. Уяснил?

— Куда уж яснее, господин диктатор, — буркнул сын и уставился в окно.

Собственно, большего и не надо. Пусть подумает. Голова у него светлая. А гормоны... ну, куда ж их деть? Всё соответственно возрасту.

Погода испортилась окончательно. Лил дождь. Небо чуть ли не ночное — тёмное и хмурое. Ромку я решил закинуть к царице Елизавете — пусть порадует старушку, поулыбаётся ей. А сам... да, я рвался к Анне. Хотел хоть на несколько минут её увидеть.

Неразумно. Глупо. Как мальчишка. Будто не Ромке шестнадцать, а мне. Но это и не пугало, и не остужало мой пыл.

«Я заеду?» — коротко написал в смс.

Хотелось, конечно, внезапно. Но я не решился. И это тоже так мне несвойственно. Но я уже даже немного адаптировался, понял, что с этой девушкой всё по-другому. Не так, как я привык. Да и не нужна мне была какая-то уже избитая модель поведения с другими женщинами. Да и кто они — другие женщины? Так, эпизоды, выцветшие фотографии, на которых даже лиц не различить.

«Вы вернулись?»

Я поморщился. Такая цельная девочка. И так крепко держит оборону. Но я научу её говорить мне «ты». Это даже будет интересно.

«Да» — короче не скажешь.

— Пап, ты что, смс-ишься?

У Ромки разрыв шаблона. И глаза на пол-лица.

— Да, — твёрдо посмотрел я сыну в глаза. — Ещё вопросы?

У Ромки дёрнулся кадык. Он мотнул головой.

— Вопросов нет — прекрасно. Вылезай, мы приехали. Царица Елизавета готова упасть в обморок, лицезрея твою персону.

— Скорее, готова отходить палкой, — пробормотал сын.

— Будь вежлив, улыбайся, поговори со старушкой. Мне надо отлучиться на час-полтора. Позже я тебя заберу.

Он снова кинул на меня взгляд из-под ресниц, но ни о чём не спросил.

Я объясню. Позже. Может быть. Нет, точно. Но хорошо, что не сейчас. Слишком много всего. А он всё же подросток, что вырос без матери с очень непростым мною.

В общем, бабуле было не до меня. Я сдал сына в её щедрые объятия, поцеловал старушку и ушёл. Вряд ли она слышала мои объяснения.

Возраст. Она сдавала. И с этим ничего нельзя поделать. Но пока она дышит и движется,

я поклялся, что у неё будет всё.

Сейчас ей нужен был Ромка. Она его заполучила, хоть и каркала, что бедного ребёнка не нужно срывать с учёбы.

А пока они радовались встрече, я ехал сквозь ливень к девушке, которая, пусть и не сразу, но ответила мне: «Приезжайте».

Я прикрыл пальцем последние две буквы. «Приезжай» звучало куда лучше. Будто она меня ждала. Хотела видеть. Да, наверное, так и было, но я словно воочию видел, как она не решается набрать одно-единственное слово. И был ей благодарен, что оно — то самое, а не отказ.

Я бы не умер, нет. Но в какой-то момент казалось — да. Или задохнусь. Если не увижу. Да плевать. Я бы всё равно приехал, даже если б она не разрешила.

Я поднялся лифтом. Позвонил в дверь. И подумал: хочу забрать её отсюда. Навсегда. И даже испугаться этой мысли не успел — Аня открыла дверь.

Домашняя. В свитерке под горло, в штанишках. Этого я ей не покупал — точно. Я перешагнул порог и взял её ладони в свои. Холодные. Замёрзла. И некому согреть озябшие пальчики...

А потом я её поцеловал. Без слов. Без «здравствуй».

Тоже на миг показалось — умру, если не поцелую. Умру, если откажет.

Именно поэтому не стал спрашивать. Пусть уж лучше потом отчитает, как мальчишку. Потом. Не сейчас. Позже.

Глава 42

Анна

Грозовой шторм. Волна в девять баллов. Стихия, что готова смять меня и подчинить. И нет сил сопротивляться. Этому напору, этой страсти, огню, что ласкает жадно, но не сжигает дотла, а рождает что-то такое внутри, отчего становится немного страшно.

Ответная буря, которая, наверное, никогда не настигала меня настолько сильно.

Ещё немного — и он возьмёт меня прямо здесь, в коридоре...

Но Рейнер — мужчина, что умеет удивлять. Каким-то чудом он останавливается. Дыхание у него жёсткое и шумное, руки — крепкие. Из объятий не вырваться. Они как капкан.

— Пожалуйста... Останови меня, Ань, — голос его низкий, слегка хриплый — вибрирует и вызывает волны дрожи. Мурашки бегут от пяток к макушке.

Господи, какой же он сильный... Будь на его месте Вадим — я бы уже давно лежала под ним. Хотела бы или нет — не важно. Он никогда не спрашивал, не интересовался. И никогда не останавливался на полпути, если вдруг решал, что ему нужен секс.

Слабая мысль мелькнула. И да, я сравнила. Наверное, это свойственно — сравнивать разных людей. Но в тот миг я не зацепилась за это. Не тот случай.

Я всё ещё горела. Во мне бушевала гроза с огненными молниями, что расчерчивали не небо, а моё тело.

Я так устала, измучилась, потерялась в пустоте и одиночестве. А тут он — горячий, напористый, нетерпеливый мужчина, способный обуздать себя в любой момент.

Сила духа и воли. У мужчины, что мог бы подавить физически. Именно это подкупало в нём больше всего.

Я, наверное, умру, но не смогу произнести этого вслух. Поэтому я просто погладила кончиками пальцев его виски. Зарылась в слегка отросшие волосы. Поймала его стон и ещё

один жадный поцелуй.

А затем он подхватил меня на руки и сделал несколько шагов к дивану.

Здесь всё рядом. Всё близко. Сейчас свершится то, чего никогда не было в моей жизни — мной будет обладать другой мужчина. И, наверное, эта мысль на какой-то миг парализовала.

— Эй, ты чего, Ань? — подцепил пальцем кончик моего носа Илья. Почувствовал, наверное. — Так дело не пойдёт. Я не варвар, а ты не крепость. Я поспешил, да?

Странно его видеть таким... Очень человечный и понятный. И улыбка у него... настоящая, живая. А не обычная саркастическая усмешка. Впрочем, и она снова кривит его губы. Но это он не надо мной смеётся, над собой.

— А вообще — какая ты молодец. Умеешь вовремя охладить. Я так тебя хочу, что, боюсь, финиш случился бы раньше старта.

Он лукавит. Потому что в таком случае его бы ничего не остановило. Но мне так тепло становится. И от его слов, и от шутки.

— Всё хорошо, девочка, иди ко мне.

Он обнимает меня. Объятия его надёжные и успокаивающие.

— Вот так, — целует он меня в волосы и легко поглаживает по спине. — Расскажи лучше, как ты тут без меня жила. Ты молчунья, знаешь? Закрытая со всех сторон. Никогда не жалуешься, ничем не делишься.

— Не хочу, — мотаю головой и утыкаюсь ему в плечо.

— Сильная девочка, которая даже иногда не хочет быть слабой. Понимаю. Но иногда можно. Иначе мужские плечи чувствуют себя недостаточно широкими. Он больше тебя не доставал? По телефону? Так — знаю — нет.

Я снова отрицательно качаю головой.

— Я, собственно, ненадолго приехал. Меня ждёт царица Елизавета. И как-то нехорошо получилось бы, если б всё у нас произошло стремительно, а потом бы я взял и уехал. Так что всё к лучшему. Не переживай, ладно?

— Не буду, — слабо улыбаюсь и поднимаю лицо. — Чаю?

— Кофе. И я сам, — целует он меня жадно в губы, а потом в глаза, размыкает объятия и легко понимается.

Илья снова хозяйничает на моей кухне, делает кофе со сливками.

— Как ваша поездка? — решаюсь на хотя бы какой-то разговор.

— Не очень, — пожимает он плечами. — Могло быть лучше, но не получилось. Ты когда-нибудь научишься говорить мне «ты»? Попробуй, это несложно.

Его рука касается моей. А затем к ладони прижимаются его тёплые губы.

Я замираю — так это хорошо. Волна возбуждения снова просыпается во мне, когда он по очереди языком касается подушечек пальцев.

— Ну, же, — трётся он лицом о мою ладонь, как большой кот, — скажи мне «ты».

— Ты, — улыбаюсь я невольно и ловлю его довольный смех.

— Какая хитрая девочка. И просьбу исполнила, и заставила меня думать, что где-то я неправильно попросил.

— Приказал, — осторожно погладила я волосы у него на виске.

— Да. С просьбами у меня туго, — легко согласился он. — Издержки образа жизни и большой шишки. Иначе ничего не добьёшься. Нужно уметь командовать и чётко ставить цели. В этот раз я промазал. Но ничего. В следующий раз буду точнее. А если нет... ты же

меня научишь, правда, моя самая лучшая учительница?

Это прозвучало и с надеждой, и интимно, и немного пошло, но как-то в меру, с шуткой. У Вадима никогда не получалось шутить. А уж посмеяться над собой он вовсе не умел.

Я вдруг поняла: всё может быть по-другому. Просто я не знала. У меня не с чем было сравнивать. А сейчас есть. И всё, что я чувствую, вижу и слышу, не вызывает во мне отторжения, не рождает неловкости. Мне с Рейнером легко и, наверное, не скажи он мне, что пришёл ненадолго, я бы рискнула завершить то, на чём мы остановились, потому что не он сплеховал, а я.

— Не хочу уходить, — посмотрел он с сожалением и на выпитую чашку кофе, и на часы.

— Но тебе пора, — снова улыбнулась ему я. — Не заставляй королеву ждать.

— Ура! Я победил! — улыбнулся он мне, как мальчишка, и я не сразу поняла, в чём дело.

Я просто сказала ему «ты». Не задумываясь. Не спотыкаясь. Не чувствуя дискомфорта.

Я начинала привыкать к этому мужчине — непростому, властному, жестковатому. Мужчине, который умел улыбаться и шутить над собой. Который ни к чему меня не принуждал и постоянно поддерживал. И словами, и делом. Который уважал меня, видел во мне личность, варил мне кофе и не хотел уходить...

— До встречи, Ань, — поцеловал он меня на прощание долго-сладким поцелуем, от которого рушились барьеры и слабели колени.

И я знала точно: встреча будет. И продолжение будет.

Я хотела рискнуть и впустить в свою жизнь другого мужчину.

Нет, не просто мужчину, а Илью Рейнера. Войти в незнакомые воды, которые либо вынесут меня куда-то в хорошее место, либо поглотят с головой и неизвестно — выплыву ли я.

Но больше мне не хотелось осторожничать и оглядываться, бояться и сравнивать. Я хотела жить и дышать. Видеть солнце и свет. Верить в лучшее.

Вот такая я неисправимая... Но ведь это не жизнь, если без конца ждать подвоха?

Глава 43

— Вы поговорили с Самойловыми? — атаковала меня Анаконда буквально на следующий день.

— Да, — кивнула я и почувствовала, как ледяные иголки входят в сердце. Ещё немного — и я снова не выдержу, скажу что-нибудь резкое.

— Очень хорошо, — отчеканила эта женщина с грязными глазами. — Но, полагаю, вы пошли по пути меньшего сопротивления — пообщались с отцом ребёнка. Нужно с матерью. Отец там ничего не решает, а ребёнок всё же живёт с матерью, и поэтому именно там нужно находить точки соприкосновения. Это несложно. Даже если Самойлова будет возмущаться. Перешагните через это — они уйдут, и вы их больше никогда не увидите.

«Дай мне сил, Господи!» — взмолилась я мысленно.

К счастью, мне не пришлось отвечать и обещать то, что я точно не смогла бы исполнить. Разговор со скандально-склочной Лёлей я бы точно не выдержала.

— И ещё, — сделала Листьева значительную паузу и посверлила меня серыми буравчиками, — мне тут рассказали, что вы ведёте себя неподобающе. Позорите святое имя учителя да и женщины в том числе. Я закрыла глаза на ваши высокие отношения с господином Рейнером. Но, кажется, вы не остановились и подаёте знаки внимания господину Самойлову, который резко воспылал любовью к брошенному сыну и регулярно

стал посещать школу. Полагаю, не ради ребёнка, а ради ваших прекрасных глаз.

Я смотрела на Анаконду во все глаза. У меня дар речи отнялся буквально, а не фигурально. Она сейчас серьёзно?

— Моральный облик моих подчинённых — это важно. Мы стоим в авангарде, на нас смотрят родители, нас оценивают, нам доверяют жизни и судьбы детей, — несла она какую-то пафосную чушь, будто на митинге выступала.

— У меня всё хорошо с моральным обликом, — решила прервать её я, потому что выслушивать всё это — выше всяческих сил. — Если у вас всё, я пойду, у меня скоро урок, — посмотрела я на часы и покинула кабинет директрисы под злое молчание.

Она как-то резко заткнулась. Видимо, не ожидала, что я настолько обнаглею и дам отпор.

Впрочем я не солгала: как раз прозвучал звонок на урок. И вряд ли она посмела бы задерживать. Дисциплина же прежде всего.

Нужно дожить до конца рабочего дня. Я хотела сбежать домой, открыть старенький ноутбук и прошерстить вакансии.

Но жизнь внесла ещё одни коррективы в мои далеко идущие планы. Как только я села в машину, у меня зазвонил телефон.

Незнакомый номер. Но я даже не задумалась, а ответила.

— Здравствуйте, Аня, — вежливо поздоровался на том конце девичий голос. — Пожалуйста, не отключайтесь. Мне очень нужно с вами поговорить.

Я и не собиралась. Кто она?.. Чья-то родительница?..

— Меня зовут Наташа. Мы не могли бы с вами встретиться? Это... нетелефонный разговор.

— Хорошо, — согласилась я, понимая, что могла бы отказаться или назначить встречу на другой день.

— Я тут, неподалёку, — обрадовалась незнакомка и назвала кафе, где мы разговаривали с Самойловым.

Она меня знала, потому что, как только я вошла, помахала рукой.

Милая. Наверное, чуть старше — лет на пять. Но я точно никогда её не видела раньше.

— Здравствуйте, — улыбалась она, демонстрируя ямочки на щеках. Слишком дружелюбно, а поэтому не совсем естественно. — Я та самая Наташа, которая вам звонила.

— Добрый день, — присела я за её столик.

Она нервничала. Я видела это по рукам. По пальцам, что бесцельно порхали над столом и то поправляли приборы, то комкали салфетку.

— Пожалуйста, — подтолкнула я её к разговору, — если можно, то по сути. У меня нелёгкий день выдался...

— Да-да, конечно! — закивала она быстро, отчего белокурые локоны красиво рассыпались по плечам. — Я вас надолго не задержу.

Она вдохнула, выдохнула, пожевала нижнюю губу, а потом решила.

— Речь пойдёт о Вадиме.

— О моём муже? — невольно сорвалось с губ. Наверное, от удивления. Я ждала чего угодно, только не этого. Но да, он всё ещё мой муж.

— Я всё понимаю, Анна, — засуетилась и зачастила она, — и я бы никогда вас не потревожила, если бы не обстоятельства...

— Чего вы хотите? — прервала я её, потому что уже, кажется, понимала, кто эта

женщина.

— Оставьте его в покое, а? — жалко пролепетала она. — Я всё понимаю... За таких мужчин держатся... Но у вас не получилось. К тому же обстоятельства...

— Лезть в чужую постель — обстоятельства? — поинтересовалась я.

— Вы меня узнали? — мило потупила она глазки. — Не судите... Хотя судить легко, понять сложно... Мы с Вадимом давно... Он говорил, что у вас проблемы, что он не хочет вас ранить, потому что... В общем...

Я поднялась со стула, не желая выслушивать весь этот бред. Она что, моего благословения хочет? Уже разрушив всё? Или потоптаться по мне?

— Не уходите! — выпалила она. — Я... вот! — поднялась и она из-за стола.

И тогда я увидела. Небольшой, ещё практически незаметный, но животик. Округлившись, натянувший платье, что уже было ей слегка маловато.

— Я беременна, — заглядывала она мне в глаза. — Я понимаю, что не имею права просить... Но ребёнок же не виноват... в том, что мы все запутались...

— Я никогда и ни в чём не пугалась. Никогда не делала гадости, не спала с чужими мужьями, старалась не делать людям больно. А всё остальное — решайте сами. Без меня. Я ушла от мужа. В тот самый день, когда застала вас в своей постели.

Она не знала. Я видела это по её лицу — удивлённо-ошарашенному, по округлившемуся рту. Стыдно об этом думать, но вид у неё был глупый. Она сразу стала похожа на рыбу с толстыми губами и стеклянными глазами. И нет. Я её не жалела. Ничего внутри не шевельнулось. Наверное, я уже истратила весь запас своей человечности и человеколюбия.

— Всего хорошего, — смогла из себя выдавить и ушла не оглядываясь.

Уже на улице меня накрыло. Дрожали руки, тело ходуном ходило. Я дошла до машины, села в салон, но ещё долго не решалась завести мотор и уехать.

Она украла моего ребёнка — вот о чём я думала. Нелогично, глупо, горько, нерационально. Но где она — эта логика и ум, когда я могла думать только о том, что я не смогла, а она — вон, в нескольких шагах, с животом, в котором растёт ребёнок.

Значит, Вадя всё же мог, а я нет. Пустышка. Бесплезная оболочка. Не женщина. Какие злые слова я себе только ни сказала в те тягостные несколько минут, пока пыталась взять себя в руки, а у меня ничего не получалось.

Я нуждалась в отдушине. В воздухе, которого не хватало. Я задыхалась от сухих рыданий, когда из глаз — ни слезинки, а внутри всё истекало кровью моих несбывшихся надежд.

«Приезжай, — написала я в смс Рейнеру. — Пожалуйста», — добавила торопливо, чтобы единственное слово не выглядело ни приказом, ни истерикой.

А потом наконец-то покинула стоянку. Домой. Спрятаться. Забыть обо всём. Принять обезболивающее. И не лекарство, а мужчину, который мне поможет выкинуть из головы всё лишнее.

Глава 44

Рейнер

Я смотрел на смс от Ани и понимал: что-то случилось. Вряд ли она позвала бы меня сама. За двумя короткими словами что-то скрывалось, и я бы хотел знать что.

«Буду», — написал коротко и прикрыл глаза, пытаюсь мысленно набросать план, какие указания и кому оставить.

— Буду поздно, не жди, — позвонил сыну.

— Да можешь и не возвращаться. Благословляю, — буркнул тот.

Судя по всему, сидит за компьютером. Я пока так и не решил вопрос со школой. Как-то было не до того. Но день-два-три уже всё равно никакой роли не играли. По сути, я мог и не заставлять его ходить в школу, а отправить получать профессию. Но я понимал, что по лёгкому пути не пойду и ему не дам.

— У тебя появилась баба? — поинтересовался Ромка, когда я вчера вернулся к бабуле, чтобы его домой забрать.

Сказал он это вскользь, словно между прочим. Будто ему не очень-то интересно, но он заметил, а поэтому задал вопрос.

— У меня появилась девушка, — сказал твёрдо, потому что слово «баба» совершенно не ассоциировалось с Аней. Ну, и заодно, чтобы дать сыну понять: это не проходной вариант, не ничего не значащий эпизод, а нечто посерьёзнее.

— Понял, — мотнул чубом Ромка и больше ни о чём спрашивать не стал, а я решил не форсировать события. Всему своё время.

Он легко относился к тому, что в моей жизни появлялись и исчезали женщины. Я не водил их домой, с сыном не знакомил, Ромку это устраивало.

Я старался его не ранить. В детстве он часто спрашивал о матери. С горем пополам я сказал, что мать его умерла. И, кажется, до сегодня нас обоих всё устраивало в жизни. Но сейчас ситуация изменилась, и я ломал голову, как бы ему всё объяснить.

«Успеется», — отмахнулся от проблемы и отправился к Анне. Сейчас это важнее. Страшно сказать, но сын подождёт.

— Что-то случилось? — спросил, переступив порог.

Мог и не спрашивать — и так видно.

— Можно я ничего не стану рассказывать? — ответила она вопросом на вопрос и уткнулась лицом в мою грудь.

Нежность. Я испытывал к ней нежность. Хотелось заслонить от всего мира и защитить. Сделать что-нибудь. Грудь разорвать руками и вынуть сердце — лишь бы она улыбалась.

— Если это опять твой муж, я его убью, — пообещал мрачно.

— Нет, не он, — помотала она головой, а потом подняла глаза. — Поцелуй меня, Илья. Пожалуйста.

Дважды просить не пришлось. Я и сам хотел, но боялся обидеть её жестом или голодным взглядом. Но сегодня она была куда смелее, чем раньше.

Губы у неё мягкие и пахнут лимоном. Наверное, пила чай. А волосы пахнут осенью — дождем и опалыми листьями. И это буквально срывало крышу.

— Пожалуйста, не останавливайся, — прошептала Аня и потянула пиджак с моих плеч.

Она прекрасна. Я раздевал её медленно, постепенно, между поцелуями.

Меня коротило, даже слегка трясло. И дело не в том, что у меня долго не было женщины. Всё дело в ней — в Ане. В коже её нежной. Я боялся к ней прикоснуться, чтобы не наставить отметин. И я не мог её не касаться, потому что это как запретить дышать.

Она больше не пряталась и не уходила в себя — откликалась на поцелуи, таяла под моими руками. Кожа её порозовела, губы налились, глаза блестели.

С ней было так легко, будто всю жизнь... Так идеально, что даже страшно. Отзывчивая. Гибкая. Страстная. Без лишних зажимов, без ложной скромности.

Я вёл, а она шла за мной, как привязанная. И когда я вошёл в неё, казалось, умру.

Я замер намиг, пытаюсь прийти в себя. Я не мог опозориться, но был близок к тому,

чтобы раствориться в её глубинах буквально за несколько движений.

Она погладила меня по плечу, успокаивая. Словно говоря: не бойся, я рядом, я здесь, я с тобой. И тогда внутри меня словно что-то взорвалось, ослепило, лишило остатков разума.

Зато ожило тело, что хотело любить. Любить так, чтобы не только удовлетворение получить, а и дать — дать как можно больше, глубже, сильнее. Так, чтобы вызывать её стоны и трепет, раскованность и экстаз.

И она стонала подо мной. Вначале тихо, а затем громче, вскрикивала и прикусывала губы.

— Не сдерживайся, отпусти себя! — подстегнул её окриком, и буквально через несколько секунд она ушла за край, билась подо мной, а я никак не мог остановиться, потому что никогда ещё не было так хорошо, как в эти мгновения.

Я довёл её до экстаза ещё раз, и только потом позволил разжаться собственной пружине. Шептал её имя и растворялся. Терял разум и оставался так глубоко в ней, как только мог.

Я прижимал её тело своим, а она перебирала пальцами мои волосы на затылке — так нежно, что в какой-то миг я подумал, что от этого можно заплакать. И это не стыдно, хоть и впервые.

Я перекатился на спину и увлёк Аню за собой. Не было сил и желания отрываться от неё. И только потом, позже, накатило осознание, что я поступил эгоистично и опрометчиво.

— Мы не предохранялись, — ляпнул и проклял себя. Разве об этом говорят после такого секса? Но Аня лишь покачала головой и приложила палец к моим губам.

— Тебе не о чём волноваться. Я... бесплодна, и у меня не может быть детей.

Вот так просто. Очень спокойно. Лишь только на дне её зрачков мерцали тёмные звезды, в которых читалась её грусть и, наверное, боль.

— Я не волнуюсь. Разве что о тебе, — дал понять, что... Да мне и в самом деле было плевать. Если бы Аня забеременела, то родила. Моего ребёнка. И эта мысль не вызвала былого отторжения.

— Обо мне не стоит. Я пустая, как тысячелетняя ваза, в которой только пыль веков. Надо бы в душ.

— Не уходи. Побудь немного со мной, — прижал её к себе крепче и поцеловал. — Просто побудь со мной, — бережно накрыл её одеялом и поудобнее устроил её голову на своём плече. — Вот так.

Я снова её хотел, но не пошевелился. Оказывается, и лежать рядом — прекрасно. Просто так — кожа к коже. Вдыхать запах осени и секса, слушать её дыхание и умирать от счастья, потому что она в моих объятиях.

Этой ночью я никуда не ушёл. Да Аня и не гнала меня. Кажется, ей тоже не хотелось оставаться в одиночестве.

Это была бессонная ночь и разговор наших тел, которые никак не могли насытиться и оторваться друг от друга.

«Разговоры потом. Позже», — подумал я засыпая в чужой постели, в которой мне было комфортно, как никогда раньше.

Глава 45

Анна

Это оказалось куда проще, чем я воображала. Это было... словно прорвало плотину, которую починить нет никакой возможности.

Наверное, Вадим был прав: я давно забыла, что такое просто секс.

С Ильёй всё по-другому. Он был невероятно щедр и неумолим. Он буквально взрывался и занимался любовью долго и со вкусом.

С ним было легко и просто. Ему удалось подарить мне то, что я потеряла, когда рухнула моя семейная жизнь — спокойствие и равновесие.

Я не думала о завтра. Я жила сегодня.

— О, подруга, да ты сияешь! — сказала Машка, когда мы наконец-то встретились.

Выходные. Благословенные. Я дотянула неделю на чистом упрямстве и эйфории: все мои ночи были полны чувственных удовольствий. Рейнер приезжал ко мне под вечер и оставался до утра. Мы никак не могли друг другом насытиться. Никак не могли друг от друга оторваться.

Но наступало утро — и мы разлетались в разные стороны. Работать, проживать будни, заниматься какими-то своими делами.

— Что, свершилось? Господин Райдер всё же добился своего?

Я ей не рассказывала, хоть мы и созванивались каждый день. Боялась спугнуть, что ли... Даже не знаю. Точно так же я не рассказала ей и о любовнице мужа, что демонстрировала мне беременный живот.

— Рейнер, Маш, Рейнер, — поправила я её.

— Ну, ладно. Рейнер, — лукаво улыбнулась она. — Рассказывай.

— Да особо и нечего рассказывать, — пожала я плечами. — О самом главном и ты и так догадалась.

— А счастье любит тишину, — погладила она меня по руке.

— Не знаю, счастье ли это, — вздохнула я.

— У тебя лицо такое. Счастливое. Вот и живи этим мгновением. Тут же не предугадать.

В руках не удержишь.

Она снова о своём, далёком.

— Андрей собрался жениться, — не знаю, зачем я это сказала. Но рано или поздно она всё равно узнает.

— Совет ему да любовь, — растянула Машка губы в улыбке, но глаза у неё, как у раненой лани. Этого тоже не спрячешь.

— Он собирается приехать ненадолго, — снова вздохнула я. — Хорошо хоть не сейчас.

— А какая разница? Тебе всё равно придётся рассказать родным. И о разводе, и о Рейнере.

— О разводе, да. А об Илье... Что о нём рассказывать? Что в моей жизни появился другой мужчина?

— Почему нет? Чтобы они были спокойны за тебя. Чтобы знали: ты не одна, всё у тебя хорошо. Ты снимаешь квартиру, работаешь. Крыша над головой, кусок хлеба, заботливый мужчина рядом. Что им ещё надо? Ну не Вадя — что уж. Так и свет клином на Ваде не сошёлся.

— Мама расстроится.

— Мама будет за тебя рада, Ань. Ну, может, поначалу огорчится — не без того. Но для мамы главное что? Чтобы дочь была счастлива. А так, глядишь, всё наладится. Выйдешь ещё раз замуж, родишь ребёнка...

— Не рожу, — стиснула пальцы в кулаки. — Надо смотреть правде в глаза. Ко мне любовница Вадима приходила. Просила уйти в сторону. Не знала, что я от него ушла. Она

ждёт от него ребёнка. У него могут быть дети, а у меня — нет. Так что права была его мама. Это я пустоцвет.

— Ой, да перестань! — стукнула ладонью по столу Машка. — Сколько таких девушек, как ты, от одного забеременеть не могут, а с другим мужчиной рожают? Не надо на себя наговаривать зря.

— Я не хочу никого к себе привязывать и обманывать. Я Илье сказала, что бесплодна.

— А он?

— Промолчал. Ну, и речь не идёт о свадьбе и «вместе долго и счастливо». Ты же понимаешь. Всё это... временно. Я привлекала его, пока была не доступна. Сейчас всё изменилось. Иллюзий я не питаю. Рано или поздно в поле его зрения появится другая девушка. Поразит воображение.

— Ты как будто специально отталкиваешь всё, что приносит тебе счастье, Ань. Не думала бы ты о таком.

— Я уже не думала. Жила в своих грёзах. Чем всё это закончилось, ты знаешь. А поэтому... я не стану ждать от Ильи серьёзных шагов. Не буду ни на что надеяться. Как ты говоришь: поживу днём сегодняшним — и ладно. Выкарабкаюсь окончательно, а потом подумаю, что делать дальше. Мне работу другую надо найти, Маш.

— Что, Вадькина мамашка подсуетилась? — подобралась подруга и сверкала глазами так, что я чуть не ослепла. Мне даже в голову не пришло, что она могла...

— Да нет, — покачала головой, — просто я поняла, что не хочу работать в элитной школе.

Машка побарабанила пальцами по столу.

— Трудно тебе придётся, идеалистке... Куда бы ты ни попала, обязательно будет несправедливость, любимчики, кляузы, доносы, осуждение и начальник-гад.

— Я всё понимаю. Но, наверное, мне нужна перезагрузка. И желательно без этих людей. Может, и в другом месте будет не легче, но пусть.

— Не руби лучше сгоряча.

— Нет, конечно. Я ищу вакансию. Вакансии есть. И я вначале побываю в других школах, посмотрю, как там. А потом приму решение.

Но решение всё же приняли за меня.

— Ты! Это всё ты, тварь! — орала Лёля Самойлова и тыкала в меня наманикюренным пальцем. — Мало того, что сына моего невзлюбила и придираешься, так ещё и из школы его решила выдавить? А вот фиг тебе! И оставь моего мужа в покое, ясно?

Какого из них? — хотелось спросить, но я промолчала. Некрасивую сцену наблюдала вся школа. Точнее, все, кто в этот момент находился на третьем этаже.

Лёля порывалась драться. К счастью, её остановил милейший человек, наш физик Валерий Иванович.

— Ну, что вы, сударыня, право слово... — бормотал он, уводя её от меня подальше. — Так же вопросы не решаются. Есть администрация... И спокойнее, спокойнее... А то полиция прибудет, а зачем это вам надо?

Я посчитала мысленно до ста. Естественно, позвонила секретарь и пригласила меня в кабинет Анаконды.

— Ольга Александровна утверждает, что вы настаивали на переводе мальчика в другую школу, — сверкала очками директриса. — Как директор я уверяю, что это недопустимое нарушение этики педагога.

Я замерла. Упала в ступор. Кажется, кто-то совсем недавно убеждал меня в том, что таким детям в её элитной школе не место? Но я уже понимала, что это ловушка, в которую меня загнали. И что всё остальное — чистойшей воды фарс.

Что-то орала Самойлова. Анаконда — сама вежливость и плохо скрываемое злорадство. А я стояла навтыжку, как девочка для битья, и словно со стороны наблюдала за всем этим театральным действием.

Когда всё закончилось, я вышла из кабинета Анаконды и молча написала заявление на увольнение.

— Учтите: с таким волчьим билетом вас никуда не возьмут, — заявила директриса. — Я позабочусь. И не только я.

И я поняла, что Лариса Сергеевна Майская всё же дотянулась до меня, чтобы отомстить. Им нужен был повод. Он нашёлся.

Ну, что ж...

Глава 46

Я не чувствовала ничего. Почти. словно всё внутри атрофировалось. У меня была цель — дожить до вечера. Дождаться, когда придёт Илья.

Незадолго до его прихода мне позвонил Самойлов.

— Я знаю, что произошло, — заявил он сразу. — Это несправедливо. Вы ни в чём не виноваты. Я поговорю с женой.

— Не надо, — грустно улыбнулась я. — Судя по всему, вы уже с ней поговорили.

— Да я в страшном сне представить себе не мог, что она так поступит! — взорвался этот ну очень спокойный мужчина. — Я готов вам помочь. Всем, чем смогу.

— Не надо. Для вас сейчас важнее разобраться со своей семьёй. И помогать Пете. А я со своими проблемами сама разберусь как-нибудь. Вы не виноваты. Рано или поздно это всё равно случилось бы. Не этот повод нашёлся, так другой. Это никак не связано с приходом вашей жены. Не она, так нашёлся бы другой повод меня выжить. Всего вам хорошего, Владимир. И до свидания.

Я отключилась и поняла, что пальцы у меня дрожат. Ну нет. Я не собираюсь сдаваться. А вся эта мелочная возня... Ожидаемо. Майские сделали ход и выиграли маленькую битву. До суда оставалось совсем ничего. Но если Вадим думал, что я приползу назад, то он ошибался.

— Что-то случилось? — спросил меня Рейнер, как только переступил порог. Он умел чувствовать. Или был очень внимательным. Или и то и другое сразу.

— В общем, да, — не стала я в этот раз проявлять непомерную гордость, потому что на самом деле растерялась и словно утратила ориентир. Я понимала, что работу мне не найти. Рука Ларисы Сергеевны дотянется повсюду. А там, где нет, сработают слухи и домыслы. Анаконда постарается. — Я лишилась работы.

— Серьёзно? — приподнял бровь Рейнер. — Я-то думал, тебя на руках будут носить из-за лингафонного кабинета. Ладно, это была неудачная шутка, Ань, прости.

Я даже не обиделась. Он прекрасно знал, что никто благодарности мне не выразил.

— Если честно, то не удивлён. И я хотел бы быть очень большим сукиным сыном — пойти и лишить их этого чёртова кабинета, но я так поступить не могу.

— И не надо. Ты его дарил детям, прежде всего. Всё остальное — детали.

— Тогда рассказывай.

И я рассказала. В двух словах. И про Петю, и про его семью.

— А, Самойлов. Да, — только и промычал Илья. — Ну, я в курсе, кто он. И знаю, что он на стадии развода.

Ну, конечно же. Ведь его парни следовали за мной тенью и видели, как я встречалась с Самойловым. Рейнер никогда не задавал никаких вопросов, но всегда знал, что вокруг меня происходит.

— Боюсь, я не найду работу в школе, — вздохнула я.

— И не надо, — пожал плечами он. — Ты, кажется, синхронный переводчик? Мне как раз надо. Так что перестань переживать. Ты принята. Собеседование я провёл. Я молодец?

— Нет, так нельзя, — покачала я головой.

— Так можно и нужно. Я самодур, помнишь? Очень большой и злой босс. Со мной спорить нельзя, а всё остальное — очень даже можно.

— У меня практики нет, — жалко лепетала я.

— Нет — значит будет, — сгрёб он меня в объятия и поцеловал.

— Я не хочу так, — сглотнула ком в горле. — Это неправильно.

— Всё в этом мире неправильно, несправедливо, куплено. Ну, почти, — поправился он быстро и снова меня поцеловал. — Надеюсь, Анаконда не заставила тебя отрабатывать положенные две недели?

— Нет, — покачала я головой, — она ждала, что я сдамся. Не выдержу. Не будь этого повода, она бы нашла другой.

— Вот и прекрасно. Завтра мы уедем отсюда вместе. Я бы, конечно, мог предложить тебе и другой вариант, но ты точно не согласишься сидеть дома и ждать меня с пирогами.

Я ударила его в плечо. Больно. Рейнер охнул и рассмеялся.

— Но я же не предложил? Я молодец?

— Есть одна проблема: если ты босс, то с боссом я не сплю.

— Я подумаю, как эту проблему решить. Ну и... босс я только завтра? Сегодня моя строгая учительница допустит меня к телу?

Он снова меня поцеловал, уже серьёзно и глубоко. И вся грязь этого дня растворилась в его жарком шёпоте, в его страсти, в восхитительных оргазмах, которые он постоянно дарил мне, заставляя забывать обо всём.

Офис Рейнера — всё тот же недоступный космический корабль, но уже проникнуть на борт не так сложно, как это было когда-то.

Тут прошло вроде всего-ничего, но разница слишком заметна. Охранник внизу — тот самый, но сегодня он и глазом не моргнул, потому что я с Рейнером.

— Сделаем вот что. Я оставлю тебя оформляться у моего кадровика. С Евгением Николаевичем я переговорил уже. Пойдёшь в отдел переводов. Там две сотрудницы, будешь третьей. У нас очень много документации и очень много переводов. Как раз жаловались, что задыхаются. Пока поработаешь там. А когда будет нужно, я заберу тебя к себе. У меня нет ни одного синхронного переводчика, — улыбнулся торжественно. — Точнее, до сегодня не было. Теперь есть.

Он умел продумывать всё молниеносно. Умудрялся даже вечером или ночью созвониться, распорядиться, сделать кучу дел. Не расставался с планшетом. Уверенный, властный, никогда не сомневающийся. В отличие от меня.

— Вечером я тебя заберу и отвезу домой. И да. Сегодня я ночую дома. Но не потому что я теперь твой босс, а ты с боссами не спишь. Просто у меня есть дела, которые я никак не решу, если останусь с тобой.

— Всё в порядке, Илья Эдуардович, — выпрямила я спину.

Илья поморщился, но промолчал. Он понимал, что здесь нет и не может быть панибратства. А я подумала, что вот так и заканчиваются отношения. Когда вперед выступает бизнес, не остаётся места личному.

Но, может, это и к лучшему. Пока я не утонула в этом мужчине, пусть бы всё, что между нами было, постепенно сошло на «нет». Не так больно тогда будет отвыкать. Не так сильно это меня заденет.

Мой первый рабочий день не в школе прошёл странно. Все рассматривали меня под лупой буквально. Кидали взгляды, не спешили заводить приятельские отношения.

У меня ещё документов на руках не было, но Евгений Николаевич, главный по кадрам, и глазом не моргнул. Видимо, Илья его хорошо предупредил на счёт меня.

И я точно знала: не вытяни он меня сегодня, я бы вряд ли решилась на подобный шаг. Он достаточно хорошо меня изучил и сработал на опережение, применяя тактику внезапности, когда я не успевала подумать и взвесить свои решения, как это делала всегда.

Глава 47

Был всего лишь один человек, которому пришлось по душе моё внезапное появление.

— Ну, наконец-то! — воздела она руки вверх и вздохнула с облегчением, когда я переступила порог комнаты, которая гордо звалась «отдел переводов». — Какие языки?

— Английский и немецкий, — ответила я на автомате, с ужасом подумав, что с немецким всё плохо.

— Замечательно! — улыбнулась мне она и представилась: — Я Лола, а вон та мышь в углу — Лена.

Лена головы не подняла, лишь кивнула.

— А это будет твой стол, и у нас много работы!

Лола оказалась очень предприимчивой и шустрой. Моментаально подключила компьютер, завалила меня работой, так что переживать и расстраиваться было некогда, хотя поначалу я пыталась собраться в кучу и вспоминать былое: технические тексты, особая специфика.

— Привыкнешь и втянешься, — прокомментировала моё состояние Лола. — Или нет. Но платят здесь хорошо. Так что... лучше привыкнуть и втянуться.

И я старалась, как могла. По крайней мере, это не улицы мести и не ходить из школы в школу с протянутой рукой, зная, что откажут: машина образования работала исправно, связи и личные звонки никто не отменял. Как и того факта, что не везде дотянутся руки Майской, и мне однажды могло повезти. Большой город — большие возможности.

Рейнер лишил меня отчаяния и ощущения, что дно где-то близко. Он давал мне слишком много, но делал это как-то легко. Я даже не задумывалась, что чем-то ему обязана.

Точнее, задумывалась, но принимала и его заботу, и его помощь. И верила, что если однажды мы разбежимся в разные стороны, он не станет мелочиться и не будет мстить и отбирать то, что уже дал.

Точно так же он не стал дистанцироваться и делать вид, что мы не знакомы. Ему было плевать на условности.

— Пойдём, Анна Романовна, — зашёл он в конце рабочего дня.

Лена поперхнулась чаем. Лола тихонько присвистнула, а я выключила компьютер и, попрощавшись со своими новыми коллегами, оделась и вышла.

Всё это время Рейнер стоял у двери и подпирал плечом дверной косяк. Наблюдал за

моими действиями, не выказывая нетерпения.

— Я соскучился, — потянулся он за поцелуем, как только мы сели в машину.

— По-моему, мы всё делаем неправильно, — пробормотала я, но от поцелуя не уклонилась. Глупо как-то строить из себя недотрогу, когда мы уже две недели практически не расстаёмся по ночам.

— Наплюй на условности. Не оглядывайся на толпу. Забей на то, кто что скажет. Всё равно будут сплетничать, строить догадки, выдвигать теории, шептаться по углам и придумывать то, чего и не было. Я именно так и поступаю: делаю то, что считаю нужным и важным для меня. А всё остальное может хоть ядом захлебнуться — меня это не трогает.

Хотела бы и я так же. Но пока у меня не получалось.

— Не хочу расставаться, — вздохнул Илья, когда мы подъехали к моему дому.

Он хмурил брови и о чём-то напряжённо думал. Держал меня за руку и не отпускал. Казалось, ещё немного — и он передумает. Плюнет на всё и останется.

— Езжай, делай свои очень важные дела, — погладила я его пальцы.

— Благословляешь? — снова заиграла на его губах кривая ухмылка.

— Если надо, то да.

— Я позвоню. А утром заеду.

— Не стоит. У меня машина, я и сама прекрасно доберусь. А ты лучше поспи подольше.

— Я сам решу, что мне делать, — упрямо сжал он губы. — Я заеду.

На том мы и расстались. Уже в лифте я поняла, что всё сложилось удачно: у меня разболелся низ живота. Месячные пришли чётко по графику. Так что сама природа поставила на паузу наши ночные встречи.

Рейнер

Всё катилось под какой-то откос. Я летел в пропасть и радовался. Дела мои осложнились. С сыном мы вошли в режим холодной войны. И только встречи с Аней давали возможность дышать и держаться наплаву.

Ромку я сдал в школу. Как и обещал — в простую, ту, что поближе к дому. На третий день он подрался. Меня вызвали к директору.

— Послушайте, Илья Эдуардович, — душевно улыбался директор, — я хочу понять: почему именно наша школа?

А когда вы его брали, лысый ты хрен, вы не спрашивали. С восторгом смотрели на его оценки.

— Я тут изучил документы мальчика, кхе-кхе, — кашлял он как шакал, — я догадываюсь, наверное... воспитательные цели и всё такое прочее... Но вы же и сами знаете: вашему мальчику тут делать нечего. Стыдно сказать, но он, по всей видимости, умнее некоторых моих учителей. А что делать? Нехватка хороших кадров, — всплёскивал он короткими пухлыми ручками, — А когда ребёнку скучно, он начинает заниматься не тем. А вашему здесь точно скучно.

— Выкинем его на улицу? Чтобы и ему, и всем было весело? — холодно поинтересовался я.

— Ну что вы! — скуксилось пухлое личико старого пупса. — Я просто хотел, чтобы вы понимали... всю трагедию, так сказать.

— Я понимаю, — смотрел я на него своим фирменным взглядом, и старый шакал, кажется, уже подсыскал в штаны, — но задача школы не только учить, а ещё и воспитывать?

— Не поймите меня неправильно, — зачастил этот интриган, — но ваш мальчик уникальный, можно сказать.

— Как и все остальные дети, — надавил я и поймал грустный взгляд трагического клоуна.

Наверное, он вздохнул с облегчением, когда я перевёл Ромку в другую школу. Снова в простую, но с хорошими традициями. И чтобы не было недоразумений, предварительно провёл беседу с директрисой.

— Трагедии детей, у которых есть всё, — понимающе кивнула она. Вообще она мне понравилась. Баба с яйцами, но в меру. Настоящая училка в классическом понимании этого слова. — И трагедии детей, которые чуточку умнее сверстников. Я попрошу грузить его по полной, чтобы некогда было вздохнуть.

— Сделайте милость, — благосклонно склонил я голову. — А я проконтролирую, чтобы и дома ему было чем заняться.

Дома юный бунтарь смотрел на меня ясными глазами.

— Я разве виноват, что мне скучно? Они ж даже по роже дать не могут, дилетанты.

Это он про сверстников, с которыми подрался. Ну, не у всех была возможность заниматься в школе восточных единоборств с персональным тренером японцем.

— Зато я могу, — пригрозил зловеще.

— Ну, ударь меня, ударь! — выкрикнул Ромка, видимо, напрашиваясь. Чтобы было за что на меня злиться.

— Сейчас, — кивнул я и достал учебник математики. Не школьный, естественно.

Ромка фыркнул, но поплыл уже на второй формуле и запутался в вычислениях буквально сразу.

— Ещё вопросы? — рассматривал я, как он сидит красный и потный.

— Без вопросов, — процедил сквозь стиснутые зубы. — Иди уже к своей ба... Ане.

Молодец. Уяснил, кто у нас баба, а кто Аня.

И да. Я уходил. И да. Кошки на душе скребли. И да. Я порывался пару раз всё Ане рассказать и мечтал забрать её из однокомнатной клетушки в свой дом. Так было бы проще. Но понимал: не время форсировать события. Боялся спугнуть, обидеть, поторопиться.

Но события сами спешили внести коррективы в наши жизни. И, как всегда, не вовремя и ни к месту.

Глава 48-

Анино женское недомогание пришлось как нельзя кстати. Я бы, конечно, доказал ей, что и в эти дни вполне способен и находиться с ней рядом, и кое-что мог бы внести для разнообразия в сексуальную жизнь, но... Давить не стал. К тому же получил возможность немного побыть с сыном, разгрести кое-какие задачи, на которые, мягко говоря, забил.

Я забирал её каждый день на работу. Я точно знал, что она пашет и никто её не обижает. Лола разнесла по всему офису новость. Там язык, как помело, но очень аккуратный и вполне неядовитый. Так что это даже на пользу.

Во-первых, Аню шпынять побоятся, во-вторых, никто вокруг неё из местных дон-жуанов крутиться не станет. Бессмертных в моём офисе не существовало. Впрочем, это под вопросом, потому что кто-то упорно продолжал под меня копать и сливать информацию Лесновскому, и мы никак не могли ни поймать, ни вычислить этого горного козла.

— Понимаете в чём дело, Илья Эдуардович, — осторожно, словно ступая по минному полю, вещал мой аналитик, — я бы сказал, что вас попытаются поглотить. И, если все нити

сойдутся в одних руках, им это удастся. Вы провели несколько рискованных операций и вложились немного больше положенного, а поэтому получили отрицательный баланс, который с лихвой покроется, если вы запустите свой уникальный продукт. Но учитывая, что он ещё не совсем доработан и частично слит, то... Плюс время играет против вас.

В общем, он намекал, что так или иначе меня здорово потреплет. Да я и сам это знал, без всякой аналитики. И предпринимал шаги, чтобы не пойти на дно камнем.

В какой-то момент я понял, что смертельно устал. От этой возни, интриг, величия, бремени ответственности. Бежал, как загнанная лошадь. И ради чего? Я всё чаще задавал этот вопрос сам себе. И звучал он внутри меня Ромкиным голосом.

Я как бы не только для себя старался, но выходило так, что с водой выплёскивался ребёнок. И не избитый фразеологизм, а мой вполне реальный сын, что рос, бунтовал и задавал неудобные вопросы.

В конце недели предстояла встреча, запланированная заранее. Очень важная встреча, я бы сказал. С потенциальным партнёром, если повезёт. С инвестором, который если бы подключился, то я имел бы шансы выкрутиться.

Херр Гельмут Келлер походил на лиса. На толстого пронырливого рыжего лиса, который умел чують выгоду и добычу за много шагов вперёд. К тому же, у него были свои пунктики, от которых он отходить не намеревался.

— У вас есть семья, господин Рейнер? — спросил он, назначая встречу.

— Как и у всех, — попытался я выкрутиться.

— Фрау? Киндер?

— Ну... почти.

— Приезжайте с семьей. Это моё условие.

Я скрипнул зубами. Ну, хочет, значит будет ему семья. Анна и Роман. Хорошо хоть прабабку не заставил тащить в свою резиденцию. Осталось дело за малым: свести этих двоих и как-то сбалансировать наши действия.

Я решил провести блиц-криг, взять внезапностью, но всё пошло не по моему сценарию. Есть моменты, которые предугадать нельзя.

Я вызвал к себе Аню ближе к концу рабочего дня и набросал приблизительный план пламенной речи. В конце концов, тyani не тyani — последняя капля в трусы. Но я даже представить не мог, что всё полетит к чёрту. Кувырком с подвыподвертом.

Анна

Виолетту, секретаря Рейнера, все побаивались. Она походила на идеального работа из будущего. Слишком красивая. Чересчур холодная. Я помнила её — встречались, когда я приходила лингафонный кабинет клянчить. Но когда она зашла в нашу обитель, сердце невольно сжалось.

— Илья Эдуардович просит вас зайти к нему в шестнадцать ноль-ноль, — объявила она и ушла, оставив после себя шлейф очень дорогих и стойких духов.

— Ой, бли-и-ин, — закатила глаза Лола, — ты точно нигде не проштрафилась? Мадмуазель Виола пришла лично, не по телефону. А это значит — пахнет жареным.

Естественно, Лола смотрела на меня с жадным интересом. Она жаждала подробностей, но я их дать не могла, потому что шуры-муры на работе не крутила, работала, как вол, и не обращала внимания на косые и заинтересованные взгляды в мою сторону. Но офис тихонько гудел. Я знала. Все ждали сенсации.

Всю эту неделю мы с Ильёй встречались утром, когда он меня неизменно забирал и не слушал никаких возражений, и расставались вечером, когда он возвращал меня домой и растворялся в осенних сумерках по своим делам.

Он почти молча воспринял мои путанные объяснения, почему нам пока встречаться не нужно.

— Не переживай, — поцеловал он меня в лоб, когда я, краснея и смущаясь, начала лепетать о критических днях, — я тебя понял, услышал, принял. Могу возразить, но не стану. Лишь бы тебе было комфортно. С остальным разберёмся. И с твоей стеснительностью — в том числе.

И вот сегодня Рейнер вызвал меня к себе. Естественно, я нервничала и даже представить не могла, зачем. В чём необходимость?

Ровно в шестнадцать ноль-ноль я переступила порог его приёмной.

— Проходите, — указала Виолетта рукой на дверь Рейнеровского кабинета. — Илья Эдуардович скоро будет.

Я бы в приёмной подождала, но Виолетта не позволила. Она чётко исполняла приказы начальства.

В кабинете я тоже не была ни разу с того самого памятного дня. Я присела на край офисного кресла и решила ждать. Сердце в груди грохотало набатом. Впору себя одёрнуть. Что за нелепое дрожание? Но я не успела. Дверь распахнулась и внутрь ввалился он. Мальчишка.

То, что он Рейнер, я поняла сразу. Слишком уж похож. Глаза только не стальные, а голубые-голубые, как ясное летнее небо. И волосы торчком в разные стороны. И ростом чуть пониже Ильи, и в плечах поуже.

— Ну, привет, — заявил парень и плюхнулся в кресло напротив. — Я Роман. А ты, я так полагаю, Анька?

— Анна Романовна, — поправила его машинально.

— Ах, да-да! — фыркнул он. — Рома-а-ановна! Ну, будем знакомы? Я сын папкин.

Сын. Кажется, это заявление упало на мою голову десятитонной плитой да и прибила намертво к месту, на котором я сидела. Не расплющило каким-то чудом, но мысли выбило начисто из головы. Там только и крутилось: сын, сын, сын... Ильи... сын...

На моё счастье, в этот момент в кабинете появился Рейнер.

Ему хватило взгляда, чтобы оценить ситуацию.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он тихо, но очень опасно.

Я сжалась. Но он обращался не ко мне. Сверлил взглядом мальчишку.

— В гости пришёл, — смотрел он отцу в глаза прямо и чисто-чисто. Невинно, можно сказать. — Мы тут с твоей ба... то есть девушкой знакомимся. Ты ей обо мне не рассказал, как я погляжу. Сидит, как рыба, оглушённая динамитом.

Они сверлили взглядами друг друга, как дуэлянты. Рейнер отвёл глаза первым. Но не потому что проиграл.

— Знакомьтесь, Анна Романовна, это мой сын Роман. Шестнадцать лет, десятиклассник, заноза в любой заднице. Очаровательный негодяй.

— Мы уже познакомились, — прочистила я горло и ответила почти нормально. Даже сама удивилась.

— Вот и хорошо. А теперь о главном.

— Нам предстоит поездка за границу. Поедешь в качестве моего переводчика.

Это он мне. Пацан фыркнул, но поймав взгляд отца, ничего не сказал.

— С немецкого, — продолжил Рейнер, и я уставилась на него с неммым ужасом.

Боже правый! Но я лучше язык откушу, чем буду бляеть при его сыне и, заикаясь, объяснять, что не гожусь на эту роль совершенно. Без практики я вообще сомневалась, что способна переводить живую речь. Английский — да, но не немецкий!

— А ты тоже поедешь со мной, — обратился он к Роману.

— А мне с какого переводить? — поинтересовался он, покачивая ногой.

— С человеческого. Твоя задача — быть примерным сыном и вести себя подобающе. А так можешь даже рот не открывать, я не обижусь.

— А, понял. Это мы типа семейно по делам? Ты я и наша мамка?

— Типа да, — не моргнув и глазом Рейнер. — И жду, что ты перестанешь ёрничать и строить из себя дурачка.

— Да понял я, понял, — взъерошил ещё сильнее волосы рейнеровский отпрыск и легко вскочил на ноги. — Ну, я пошёл, да? А вы, Анна Романовна не переживайте так сильно. Я вообще догадливый. Ну какой папке переводчик? Он и без вас бы прекрасно обошёлся. Он пять языков в совершенстве знает. Так что... не расстраивайтесь, ага? А с ролью мамки вы справитесь. Будете мне улыбаться, гладить по головке, а папка вас по коленке — и все будут счастливы. Адиос, мис падрес!

Он выскочил за дверь, прежде чем Илья успел его настичь.

— Не надо! — крикнула я.

Он обернулся ко мне резко. Глаза метали молнии.

— Черт! — провёл он рукой по волосам точно так же, как только что делал его сын. — Прости.

— Всё нормально, — пыталась я, чтобы зубы не выдали позорную дробь: внутри меня буквально трясло. — Почему ты мне не рассказал?.. Впрочем, не надо. Не моё дело. Я всё поняла. И я тоже буду вести себя подобающе.

— Ань, — шагнул он ко мне.

— Лучше не надо, — протянула я руки вперёд, словно защищаясь. — Не сейчас. Пожалуйста. И я, пожалуй, поеду домой. Сама. Мне надо... всё переварить.

— Я никуда тебя не пущу, — ещё один шаг ко мне. Я вскочила на ноги.

— Ты никогда не давил. Не делай этого и сейчас.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — стукнул Рейнер кулаком в стену, а я тем временем благополучно выбралась из его кабинета, вернулась на своё рабочее место, молча оделась и под любопытные взгляды коллег позорно свинтила.

Это неправильно. Непрофессионально. Но сидеть до конца рабочего дня и пялиться в монитор я не могла.

Я вызвала такси и была такова.

Илья приехал часа через три.

— Ань, открой, пожалуйста, — стоял он под дверью и нажимал на кнопку звонка. Глупо как-то, по-детски я себя повела, но открыла ему не сразу.

Не злилась, нет. Скорее, струсилась, спряталась. Но он приехал ко мне. Стоял у двери мрачный, как демон. А глаза... виноватые.

Я посторонилась. Он вошёл.

— Ань, Ань, Ань, — бормотал, как сумасшедший и целовал так исступлённо, что я

дрогнула — обняла его за шею, поймала его облегчённый стон, позволила ему уволочь себя на диван.

Мы раздевались молча, словно сражались с одеждой. Он неистовый, я решительная, как никогда. Казалось, нам это нужно — воссоединиться хотя бы телами, уж коль в душах — столько тайн и недомолвок.

Это было бурно, пронзительно, глубоко. Я кричала. Он стонал, сдерживаясь, позволяя мне получить разрядку.

Я впивалась в его крепкие плечи пальцами, обвивала ногами. Растворялась, чёрт побери, в этом мужчине, что стал мне необходим, как воздух. Отдавалась ему так яростно, будто это в последний раз.

Он всколыхнул во мне такие глубины, о которых я и не подозревала. Не думала, что может быть вот так — до остатка, до беспомыслия, когда есть только он и больше ничего не существует вокруг.

Я подстёгивала его и заставляла терять голову. Я чувствовала свою власть и упивалась его открытой беспомощностью.

Мы будто поменялись местами. Это я сейчас вела, а он поддавался. Я заставила его кончить вместе со мной и почувствовала удовлетворение, когда он, застонав, излился в меня.

Я пригвоздила его ногами к себе и гладила мускулы предплечий и спины, успокаивая, убаюкивая, позволяя отдышаться.

Он в моих руках. В моей власти. И я ощущала своё превосходство, свою силу. И в то же время хотела отдать всё, что есть во мне. Это немного пугало.

Голова кружилась. Где-то томительными толчками вычерчивало зигзаги моё сердце. Сердце, которое влюбилось в мужчину — по-настоящему, по-взрослому, осознанно и бесповоротно. И я пока не знала, что мне со всем этим делать.

— Почему ты не рассказал? — спросила его, как только он пришёл в себя.

Илья поцеловал меня в висок.

— Я хотел. Сразу же. В тот самый день, когда мы стали близки. Ты тогда сказала, что... у тебя не может быть детей. И я решил, что будет неправильно, если я заявлю: а у меня есть сын. Больше всего на свете я не хочу тебя ранить или обидеть. Я... не самый лучший человек на этой земле. И не самый чуткий. И, наверное, да нет — наверняка — буду ещё не раз тебя чем-то задевать, что-то делать не так. Не со зла. Просто я вот такой. Не отталкивай меня, Ань. Ты... мне бесконечно дорога.

— Где его мать?

— Умерла, — Рейнер встал и слепо пошарил по одежде. Чертыхнулся. — Давно. Ромка знает. Мы не говорим на эту тему.

— А может, надо?..

— Я бы сейчас закурил. Чёрт, — подошёл он к окну — большой и сильный, как бог. Я любовалась им украдкой, разглядывая красивое тело, крепкие мускулы, длинные ноги, поджарый зад. — Если можно, давай мы поговорим с тобой об этом позже, ладно? Я всё расскажу, дай мне время.

Я подошла к нему сзади и прикоснулась губами между лопаток. Илья вздрогнул.

— Я, наверное, и спрашивать ни о чём не должна. Но мне как бы важно, чтобы мы друг другу доверяли. И не обманывали. Я никогда не спрашивала тебя о других женщинах в твоей жизни. Я сама... как бы ещё не свободна.

— Нет никаких других женщин, Ань, — повернулся Илья стремительно и сжал меня в

объятиях. — Только ты. А то, что ты якобы не свободна... Исправим. Чтобы ничего между нами не стояло. И фамилию тебе поменяем.

— Да, — потёрлась я о его плечо, — я и не собиралась оставаться Майской. Буду опять Сотникова. Это моя девичья фамилия.

Рейнер посмотрел на меня как-то странно из-под ресниц, а затем улыбнулся и потянул к дивану.

Он не давал мне спать до утра. А утром, накачавшись крепким кофе, приказал:

— Ты поспи. Я скоро. У нас сегодня самолёт.

И я не стала спорить. Зарылась в одеяло и отключилась.

Тело горело. Ныли все мышцы. Но это была приятная боль, которая позволяла мне принять новую реальность.

Глава 50

Поездка прошла хорошо. Без приключений. Господин Келлер разглядывал меня с интересом и многозначительно улыбался.

— Ваша жена? — спросил он у Рейнера.

— Вы же знаете, что я не женат, — улыбнулся тот ему.

Роман вёл себя, как пай-мальчик и совершенно очаровал всех. Эдакий грешный ангел, только крыльев ему не хватало.

— Учти, — заявил он мне, как только мужчины уединились обсудить дела, а мы остались «без присмотра», — папка на тебе не женится. У него таких, как ты, знаешь сколько было? У-у-у! Менялись, как перчатки, трусы или презервативы. Иногда — как времена года, — хохотнул он. Всяко бывало. Но ни одна не задерживалась. И ты тоже рано или поздно пополнишь их ряды.

— А кто тебе сказал, что я стремлюсь замуж? — улыбнулась и я ему.

— Ой, да ладно! Все вы одинаковые! — закатил мальчишка глаза.

Он мне нравился. Хорошенький. И не только внешне. Он чем-то напоминал мне братьев-близнецов моих — Антона и Георгия. Умный, развитый не по годам. Бунтующий, потому что... ему не хватало любви и внимания. А ещё... он очень напоминал мне Илью. Я смотрела на Ромку и представляла Илью в детстве. Такой же непримиримый и мятежный.

Я ловила себя на том, что пытаюсь протолкнуть ком в горле — столько во мне накопилось любви и нежности. И я невольно переносила все эти чувства на одинокого мальчика, что строил из себя великого эксперта во всех вопросах и, походя, уже разбивал женские сердца.

«Наплачется с ним ещё Илья, — подумала, разглядывая его сына. — Сложно ему. Но это так прекрасно — быть родителем...».

То, о чём я мечтала. То, чему не суждено было сбыться. И даже если на минуточку представить... на одну секундочку... Ну, какая я мать для шестнадцатилетнего парня?.. Мне двадцать пять. Я никак не могла ни заменить, ни представить себя в этой роли. Но где-то там, внутри, жутко завидовала Рейнеру. Он отец. У него есть сын, а значит есть семья.

А я... Да, однажды он увлечётся кем-то другим. Это очевидно. Но пока он мой. И я не собиралась с ним ни с кем делиться. Вот такой клубок противоречий лохматился во мне и запутывал ещё больше.

После поездки всё вернулось на круги своя. Я вернулась на работу, в свой отдел по переводам. Но теперь мы с Ильёй стали выбираться в «свет» — по вечерам мы ужинали вместе. Он, я и Ромка.

Вначале — в ресторанах. Однажды Илья затанул меня к себе домой.

Ромка улыбался, как звезда. Вёл себя вежливо, но я знала: он ждёт удобного момента, чтобы кинуться и укусить. А пока доблестно копит яд.

— Останься, — попросил Илья после ужина. Меня так и подмывало пощупать ему лоб — не перегрелся ли он.

— Я не могу, — покачала головой, — не уговаривай, пожалуйста. Нет.

Он вздохнул и отвёз меня домой. Естественно, остался.

Он уже походил на привидение. Я не знала, на каком адреналине держится. Илья работал постоянно и никогда не делился проблемами, но я видела: что-то происходит. А на все мои робкие вопросы он отмахивался.

— Ань, нет ничего, с чем бы я ни справился. И поверь, если б ты могла помочь, я бы рассказал. А так... ты будешь нервничать, я буду волноваться, мы начнём ссориться, а я этого не хочу. Мне уже хорошо, оттого что ты рядом. Не лишай нас равновесия. Просто будь, ладно? Всё остальное как-то утрясётся.

И я была. Наши ночи — волшебство на двоих. Пусть они стали не так часто, не каждый день. Илье всё же приходилось и дома бывать, с сыном. И я понимала. И даже чувствовала вину перед Ромкой. Но и отказаться от встреч с Ильёй тоже не могла.

Незадолго до суда мне позвонил Самойлов.

— Анна Романовна, я всё же хочу вам помочь, — заявил он, не размениваясь на «здрасьте» и «как дела». — Я знаю, что вы на пороге развода. Непростого, скажем так. Вы ни о чём не просили. Я всё сделал сам. Ваши интересы в суде будет представлять мой человек. И, надеюсь, это вам поможет. Не благодарите и не отказывайтесь. Это не обсуждается. И это мой способ сказать вам «простите» за всё, что с вами случилось по нашей вине.

— Как Петя? — сглотнула я ком в горле и попыталась не расплакаться.

— Скучает по вам. И да, я развёлся с женой, забрал сына и перевёл в другую школу. Буду рад, если вы однажды захотите с Петей встретиться.

Я хотела. Но это означало встретиться и с Самойловым, а я понимала: я ему нравлюсь, и поэтому... предпочла уклониться.

— Передавайте Пете привет, — проговорила быстро. — И спасибо вам, Владимир.

Он всё понял, хороший и добрый мужчина, которому, как и мне, не повезло в семейной жизни.

Накануне развода мне позвонил Вадим.

— Привет, Ань, — голос печальный-печальный, — я тут много чего передумал. Ты прости меня, а? Я дурак, конечно, и большой. Наломал дров и при тебе, и без тебя. Давай хоть расстанемся цивилизованно, по-людски. Я виноват. Очень. И я потерял тебя, понимаю.

— Вадим...

— Я хочу, чтобы ты не держала на меня зла. Чтобы по-человечески у нас хотя бы всё закончилось. Я... тут твои вещи сложил. Приезжай. Заберёшь всё, что тебе надо.

И я заколебалась. Разволновалась.

Собственно, мне уже ничего и не нужно. Барахло и есть барахло. Однако было то, что не имело для Вадима ценности, а для меня — очень даже.

В доме оставались альбомы с фотографиями моей семьи, моих родных. И я не хотела бы, чтобы чужие руки листали их или выбрасывали на помойку. Я хотела их забрать.

Илья как раз уехал на три дня в командировку. Наверное, будь он рядом, я бы... посоветовалась хотя бы. Или взяла его с собой. Но, как ни крути, то, что между мной и Вадимом, — это никого не касается. И эти узлы нужно развязывать мне самой.

— Хорошо. Я приеду, — решила я поставить все точки над «і», и это был мой осознанный шаг в ад. Шаг, который всё изменил и сломал.

Странно было возвращаться в дом, где я была счастлива. Где прожила с мужем долгих пять лет. Будто никогда и не было этого. Или всё случилось со мной много-много столетий назад.

Я поднялась на свой этаж и позвонила в дверь, которую когда-то открывала своим ключом.

Вадим отпер дверь сразу же.

— Заходи, — кивнул он приглашающе, и я переступила порог.

Он и впрямь собрал чемоданы, что стояли в коридоре, как два больших корабля. Я прошла мимо них равнодушно. Мне действительно уже ничего не нужно. Всё это ерунда.

— Хочешь, я заварю тебе чаю, Ань?

— Нет, спасибо, — выдохнула я и открыла дверь спальни. — Если ты будешь не против, я хотела бы забрать альбомы.

— А, да. Точно! — ударил он себя рукой по лбу. — Я о них и не вспомнил. Забирай, конечно. Конечно, они твои, безусловно, — бормотал он.

Я открыла ящик комода. Пусто. Обернулась.

— Кажется, я переложил их в другое отделение, ниже.

Я наклонилась, чтобы открыть, и с ужасом почувствовала, как сзади ко мне прижался Вадим.

Глава 51

— Анька, любимая моя, — вжимался, тёрся об меня мой почти бывший муж.

— Отпусти, Вадим, — попыталась я вырваться, но он сдавил меня в объятиях так, что стало нечем дышать.

— Ну что ты как неродная, а? Ну что ты? Я ж так долго ждал тебя, Ань, а ты всё не шла и не шла.

Он больно прикусил меня за шею и с силой сжал ладонями грудь.

— Отпусти! — взвизгнула я почти истерично, но куда там...

Я боролась, как могла. Но что может сделать маленькая женщина против почти двухметрового сильного мужчины?

«Ошибка, ошибка!» — билось в мозгу одно-единственное слово. Я повторяла его, когда он рвал на мне одежду. Я кусалась и царапалась, но Вадим только ещё больше зверел, и я знала: его не остановить.

Он завалил меня на кровать. На ту самую, где когда-то, в другой жизни, трахал любовницу. Вклинился между ног и уже трахал меня. К счастью, недолго.

— Какая ты сладкая, Анна, какая ж ты сладкая, — бормотал Вадим, содрогаясь.

Он обмяк и навалился на меня всей тушей. Я выползала из-под него, глотая слёзы, и чувствовала себя использованной и грязной.

— Ой, какие мы нежные, — ударил он меня в спину издевательски. — Прям царевна-недотрога! Пять лет подмахивала и не жаловалась, а тут строишь из себя невесть что! Я, между прочим, всё ещё твой муж по закону! И попробуешь пасть открыть — пожалеешь! Я не только тебя урою, но и твоего хахалю уничтожу! Так и знай! У меня все рычаги вот

здесь! — сжал он кулак и посмотрел на меня с торжеством. — Скоро твой Рейнер превратится в ничто. Останется с голой задницей. И если ты думала, что он тебя содержать будет, то просчиталась. Сядешь на хлеб и воду, будешь с протянутой рукой под мостами клянчить.

И я понимала: он не лжёт. Он бахвалится, потому что... чувствует свою силу и превосходство.

— Какая же ты тварь, Майский, — содрогнулась я от омерзения. — Бумеранг никто не отменял. И однажды он прилетит и по твою душу!

— Давай, вали уже, Кассандра хренова! — наливался кровью Вадим, и я поняла: нужно уносить ноги, пока не случилось ещё худшей беды.

Я так и вылетела из квартиры — снова с порванными колготами, с саднящей болью между ног и с ещё большей дырой в груди. Лучше бы он снова меня ударил по лицу...

Я приехала домой, скинула с себя все вещи, упаковала их в мусорный пакет, а потом долго-долго торчала в душе, пытаюсь соскрести с себя кожу.

Дура. Какая же я дура. Наивная и глупая, как пробка.

И нет. Я никому и ничего не расскажу. Не смогу. Это выше моих сил. Ни Машке, ни Илье. Никому. Переживают это как-то другие, переживу и я. Но то, что Майский переступил черту, я понимала. И больше не собиралась ему прощать.

Развод получился быстрым и тихим. Вадим больше не претендовал на сохранение семьи. Я не претендовала на совместно нажитое имущество, а поэтому из зала суда я вышла уже незамужней женщиной.

— Зря вы, Анна Романовна, — покачал головой человек Самойлова.

— Всё закончилось, — посмотрела я ему в глаза. — А для меня это главное. Спасибо большое за поддержку и помощь. Передавайте привет Владимиру.

«Прости, что не смог быть с тобой рядом, — пришло смс от Ильи. — Через день я вернусь. Очень соскучился. Отпразднуем?»

Сердце сжалось в груди. Заболело так, что я даже испугалась.

И тогда я набрала его номер. Позвонила.

— Ань, у тебя всё хорошо? — он чувствовал, наверное. Мой мужчина, который считал, что не очень чуткий.

— Да, всё нормально. Ты пока не приезжай, ладно? У меня... снова критические дни, — соврала, мельком поглядывая в календарь. Если и вру, то не очень сильно.

Я пока что физически не могу. И рассказать язык не повернётся.

— Приеду — разберемся. Прости, Ань, сейчас не совсем могу говорить. Потом, ладно?

Да, конечно. Я не хотела ему мешать. Не хотела тревожить. И как-нибудь уж сама разберусь со всем, что со мной случилось. Я сама виновата. И втягивать его во всё это права не имею.

Илья, конечно же, приехал. Позвонил в дверь. И я открыла.

Он поцеловал меня на пороге, но в этот раз я не оттаяла. Слишком сильную вину чувствовала перед ним...

— Эй, ну что ты, моя очень скромная девочка, — погладил он меня по щеке. — Не бойся. Я всего лишь к тебе приехал и не трону. Просто побуду рядом, не гони меня, ладно?

И я расплакалась. Навзрыд. Взахлёб. Обняла его за шею, прижалась крепко-крепко.

— Это просто гормоны, Ань, ну что ты, что ты... — обнимал и гладил меня Илья. — Я рядом, девочка, рядом. С тобой. И никуда не уйду.

Я выгнала его через час — отправила к сыну. Он вздохнул и подчинился. А я без сил прислонилась к двери, как только та за ним закрылась.

Надо как-то это пережить. Перешагнуть через себя. И, может, Илья поможет мне забыть кошмар. То, что меня всё же сломало...

К счастью, Илье было некогда. Что-то происходило вокруг него, и я вспоминала бахвалистые слова Майского. О том, что Илье что-то угрожает.

Так прошло почти две недели. Рейнер снова уехал. Стыдно сказать, но я этому даже радовалась.

А потом позвонил Андрей.

— Я приезжаю завтра, сестра. Встретишь меня? Очень-очень хочу тебя увидеть.

И реальность навалилась на меня с новой силой. От Андрея ничего не спрячешь. Но уже можно и не скрываться. Всё, что могло, случилось.

Я так нервничала, что не находила себе места. Может, поэтому позвонила Машке.

— Так, без паники! Скоро буду, грей чайник, выкладывай на стол пироги!

— Какие пироги? — с ужасом я обвела пустую кухню и попыталась вспомнить, есть ли у меня хоть что-нибудь в холодильнике. Ильи нет, а я даже готовить перестала — как-то мне не до того. Я вообще жила, как в тумане.

— Ой, ну тебя, Сотникова! Жди, я не гордая, приеду со своими!

Машка прибыла, как фокусник. С пакетами и бутылкой шампанского.

— Мы так и не отпраздновали твоё освобождение. Хотя, наверное, ты в девках недолго засидишься?

Я всхлипнула и прижалась к Машкиной груди. Сама не знаю, как вывалила на неё всё. Вперемешку. И то, что случилось, и то, что не могу жить так, и то, что завтра Андрей приезжает.

— Дурочка ты моя, — погладила Машка меня по голове. — Надо было твоего Вадю сразу за жабры брать, писать заявление за побори. И ославить его на весь мир. Чтобы ему даже собаки лапу не подавали. А ты всё в себе переживаешь. И за то, что он с тобой сделал, тоже нужно было сразу. Но что уж теперь...

— Как с этим жить, Маш?

— Как, как... вот так. Я чебуреков принесла. Будем есть. Завтра твоего братца встретим. Я его на себя возьму, если хочешь. А то он у тебя такой — с шашкой наголо.

— Я не собираюсь Андрею ничего рассказывать, — ужаснулась я даже самой мысли. Машка тем временем шуршала пакетом. По кухне разнёсся запах жареных чебуреков. Я сглотнула слюну. А потом меня затошнило. Резко и сильно. Так, что я еле до туалета добежала, хоть он в двух шагах всего.

Глава 52

— Анька, да ты беременная поди, — Машка стояла рядом, как часовой. — Точно беременная.

Это словно время повернулось вспять.

— Ты головой больше нигде не билась?

— Нет, — и снова мотнулась в туалет, — это твои чебураки!

— Ясно-понятно, убираем, — пока я сидела над унитазом, Машка упаковала их обратно. — Ты тут это. Я ненадолго. Избавлюсь от чебуреков и тесты тебе куплю.

Я без сил прислонилась к стене. Я как-то и не обратила внимания, что критические дни так и не пришли. Соврала тогда Илье и, наверное, в памяти отложилось: было. На самом

деле — нет. Так что... У меня задержка. Задержка!

Время тянулось, но я его не замечала. Будто отупела враз.

— Держи, — это Машка вернулась. Теперь с тестами. — Давай, подруга, сделай это.

И я пошла. И сделала. И увидела две полоски. Впервые в своей жизни. Очень хорошие полосочки. Но, кажется, так и не обрадовалась.

Я вышла из туалета, зажимая в руке три положительных теста.

— Йуху! — скакала вокруг меня, как коза, Машка. — Ай да Рейнер! Ай да молодец, сукин сын! Поздравляю, Ань!

Я посмотрела на неё печально.

— Это может быть и не его ребёнок, — сказала глухо. — Не его малыш.

— Да ну нафиг, — чуть покачнулась Машка. — Бред! Столько лет не было и вдруг — от Майского? Да он вообще бесплодный!

— Нет. У него любовница беременная. Я же тебе рассказывала. А тут... у меня получается, был секс с двумя мужчинами. И каждый из них может быть отцом моего ребёнка.

Машка побарабанила пальцами по столу.

— И что будем делать? Впрочем, какая разница-то? Скажи Рейнеру, что его. Пятьдесят процентов всё же есть вероятность!

— Я не смогу, ты же знаешь. Не смогу соврать. И рассказать — выше моих сил. Майский угрожал. Не мне. Ему. У Ильи и так были неприятности из-за той драки. Я случайно узнала. А тут дела куда поважнее крутятся. Я знаю Вадима. Этот его взгляд. Эти его жесты со сжатыми кулаками. Он так делает только тогда, когда уверен в успехе. Если Илья узнает... что было в тот день, он же размажет Майского.

— Да и пусть бы его уже кто-нибудь размазал наконец-то, — буркнула Машка.

— И сядет в тюрьму. А у него сын. И старенькая прабабушка.

— У кого сын? — ахнула Машка.

— У Ильи. Ромка, шестнадцать лет, — поведала я подруге «тайну».

— Так. Давай ты ничего не будешь сейчас решать, ладно? Слишком много... всего. А завтра ещё и Андрей на нашу голову. Когда ты говоришь, он приезжает?

— Да-да. Встреть его, пожалуйста, — попросила я подругу. — Мне никак не отпроситься, — соврала я.

Им нужно встретиться. Я это чувствовала. А мне... я уже и так всё решила. Главное сейчас подруге не проговориться.

— Ладно, тогда до завтра, — отметила она в телефоне прибытие поезда. — Встречу я твоего братана, не переживай.

Машка ушла, а я осталась. В тишине. На журнальном столике приютились тесты. Я нет-нет да поглядывала на них.

Я беременная. И это мой малыш. И мне не важно, кто его отец. Но и обманывать, хитрить не мой вариант. Я никогда так не поступала, не поступлю и сейчас.

Всю ночь я писала Илье письмо. Старомодно — ручкой по бумаге. Комкала и переписывала, пыталась подобрать правильные слова. Всю ночь я плакала и мысленно прощалась. Так будет проще и для него, и для меня.

Утром я отправилась на работу и забрала документы.

— Илья Эдуардович в курсе? — поинтересовался Евгений Николаевич.

— Да, конечно, — солгала я и не дрогнула.

Где-то в это же время прибыл поезд, который привёз моего брата Андрея.

Я позвонила Машке через три часа. Больше ждать не могла. Надеюсь, они поговорили.

Телефон её не отвечал. У брата тоже. И тогда я решилась. Забрала вещи, сложенные с ночи, и отправилась к ней. Лучше подожду там. У меня ключ есть от её квартиры. Остался ещё с тех времён, когда мы жили вместе.

Хорошо, что я позвонила в дверь.

Судя по внешнему виду подруги и по разбросанным по всей комнате вещам, они не просто поговорили.

В тот миг я не думала о почти женатом брате. И о том, что только что тут творилось.

— Прости, — покаялась я перед Машкой, — у меня не так уж много времени.

Андрей скакал по комнате, пытаясь натянуть джинсы. В другое время я бы посмеялась. Наверное.

— Увези меня домой, — попросила я тихо, и Андрей наконец-то плюнул на штаны.

— Что-то случилось, Ань? — в нём уже включился Старший Брат. Тот, кто мог заслонить меня от всего мира и защитить.

— И да. И нет. Я хочу домой. А по дороге я всё тебе расскажу. Пожалуйста. Ты мне нужен. Я бы и без тебя... но лучше с тобой.

— Я твоего Майского порублю в капусту! — страшно пообещал он.

— Уже нет никакого Майского. Я снова Сотникова, Андрюш. Так что... всё остальное мы обсудим потом, ладно?

— Маш, мы не договорили, — судя по всему, я поставила брата в безвыходное положение, но впервые в жизни вела себя эгоистично.

Раз не договорили — он обязательно вернётся. Это же Андрей. И, возможно, никакой свадьбы не будет. Ну, той, к которой он готовился, — точно. И за это я тоже никакой вины не испытывала. Может, я оказала и Машке, и Андрею очень большую услугу — позволила поставить запятую там, где они расставили точки.

— Ты хорошо подумала, Ань? — это уже подруга суетится. — Глупостей не делай, а?

— Мы с сестрой сами разберёмся, — выпятил брат грудь. — И с тобой — тоже, — пообещал он. — Но потом. Позже. Мы не договорили.

— Ехай уже, справедливый ангел мести, — фыркнула Машка. — Договорим. Может быть.

— Не может быть, а точно.

Они ещё переругивались, одеваясь. Но я их не слушала — ушла в кухню, ждать.

Через час поезд уносил меня прочь из города, где столько всего было и столько ещё могло бы быть, но уже не случится.

Я возвращалась домой. В город, в котором родилась и выросла.

Я уезжала, чтобы всё начать сначала. И не одна, а с ребёнком под сердцем. Мой неслучайный. Мой самый лучший. Тот, кого я ждала все эти долгие-долгие годы...

От кого он? От мужа, который изменял мне направо и налево? Или от мужчины, что появился в моей жизни неожиданно, но очень вовремя?

Впрочем, о чём я? Это мой ребёнок. Только мой. Долгожданный и самый лучший! И я со всем справлюсь сама!

Больше книг на сайте - Knigoed.net